

С.П. НОСИКОВ

**Борис Алексеевич
Брусиллов –
последний владелец
усадьбы Глебово**

Истра

2018

*На обороте обложки икона священномученика Алексия Смирнова,
иконописец Юрий Викторович Лукьянов.*

Носиков Сергей Павлович.

Борис Алексеевич Брусилов – последний владелец усадьбы Глебово – Истра, 2018, 104 с.

17 сентября 2018 года исполняется ровно 100 лет с тех пор, как в Москве в Бутырской тюрьме умер Борис Алексеевич Брусилов, арестованный большевиками только за то, что был дворянином и бывшим офицером. Почти полтора десятилетия он прослужил кавалеристом в армии, участвовал в Русско-Турецкой войне и других кампаниях, награжден боевыми орденами. Борис Брусилов был последним владельцем усадьбы Глебово, более 20 лет бесценно являлся церковным старостой. Помимо его биографии в данной книге приводятся сведения о семье и родственниках, дается информация о Степане Степановиче Шиловском, построившем Казанскую церковь в Глебово, кратко описывается история этого села.

Это первая попытка собрать воедино все сохранившиеся данные о незаслуженно забытом человеке. В книгу включены многочисленные материалы из архивных дел, которые прежде не публиковались.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей Родины и краеведением.

© С.П. Носиков

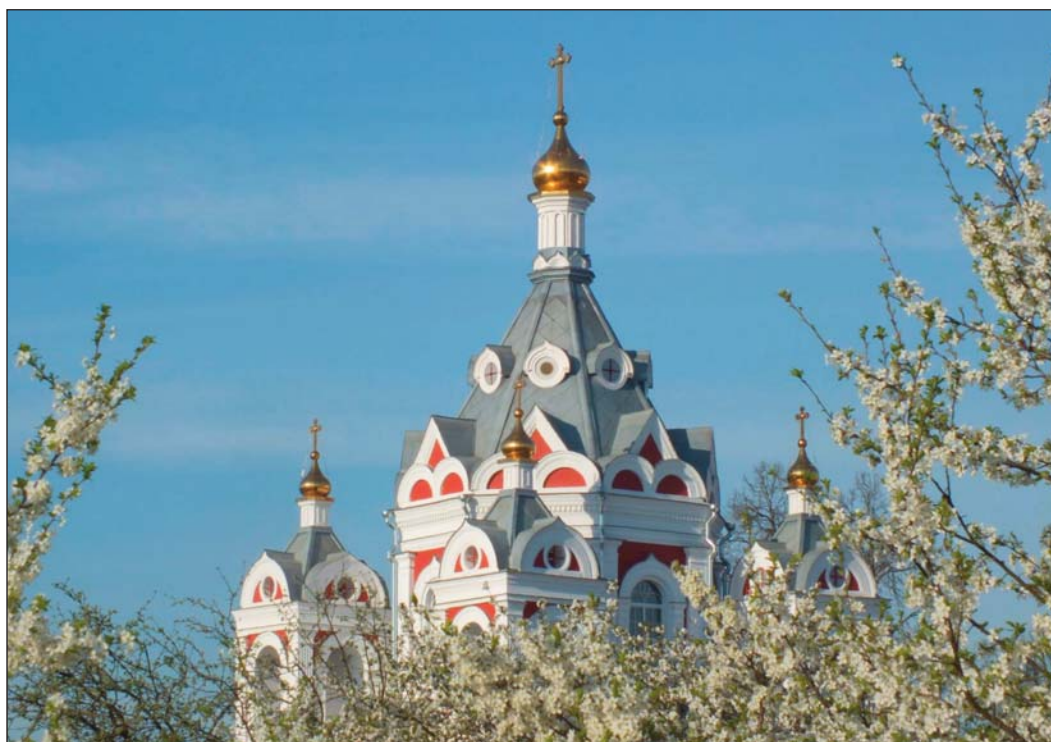
Разрешается свободная перепечатка текстов и графических материалов при условии указания ссылок на книгу.

Пожелания и замечания присылайте на адрес электронной почты nspnsp@mail.ru или сообщайте по телефону 916-616-95-51

Тираж: 300 экз.

Оглавление

К 100-летию со дня трагической кончины	4
Особенности данной книги	5
Краткая история Глебово в XVI-XVIII веках	7
Шиловские и последующие владельцы усадьбы Глебово	10
Строительство Казанской церкви	15
Братья Брусиловы	21
Юные годы, служба Бориса Брусилова	31
Церковный староста Казанской церкви	43
Усадьба Глебово в XIX и XX веках	50
Ближайшие родственники, жизнь в имении до революции	61
Кончина последнего владельца усадьбы Глебово	76
Потомки рода Брусиловых	79
Заключение	83
Список источников и литературы	87
Приложения	89
Краткая биография Б.А. Брусилова (15/28.09.1855 – 17.09.1918)	89
Сведения о службе Степана Шиловского (формулярный список)	90
Дело о построении каменной церкви в сельце Глебово, 1855-1856 гг.	92
Метрика Казанской церкви села Глебово, 1887 г.	94
Сведения о службе Бориса Брусилова (формулярный список)	96
Табель о рангах Российской империи (фрагмент)	100
Список застрахованных строений усадьбы Глебово, 1892-1917 гг.	101
Список принятых сокращений	103

Казанская церковь села Глебово, 2015 г.

К 100-летию со дня трагической кончины

Борис Алексеевич Брусилов

Одно из красивейших мест в Истринском районе Московской области – старинное село Глебово, в котором находится удивительная Казанская церковь, построенная в середине XIX века. Недалеко от храма прежде находилась усадьба, которой на протяжении нескольких веков владели различные известные люди России. Последним из них был потомственный дворянин, действительный статский советник Борис Алексеевич Брусилов. В течение более двух десятков лет он вместе с семьей жил в подмосковном имении, по мере возможности помогал людям, в том числе простым крестьянам. Некоторые местные старожилы по рассказам своих предков до сих пор помнят доброго барина.

Прошло столетие, как ушел из жизни Брусилов.

Жизнь владельца усадьбы Глебово трагически оборвалась 17 сентября 1918 года в Москве в Бутырской тюрьме, куда его, серьезно больного, поместили пришедшие к власти большевики. О Борисе Алексеевиче, в отличие от его знаменитого брата военачальника Алексея, не написано книг и статей. Настоящее издание призвано устранить эту историческую несправедливость.

К сожалению, пока не обнаружено ни одного прижизненного портрета Б.А. Брусилова. Нет также и его отдельной фотографии, сохранились лишь два групповых снимка, на которых он вместе с родственниками. На приводимом фрагменте фотоизображения Борису Алексеевичу примерно 35 лет, он только что уволился из армии, прослужив в кавалерии 14 лет.

г. Николаев, 1890 г.

Особенности данной книги

Книга, которую вы держите в руках, не совсем обычная, не из ряда тех, которыми ныне завалены полки книжных магазинов. Хотелось бы немного рассказать о ее особенностях.

Ниже будут описаны в основном события, происходившие в одном из уголков Истринского района с середины XIX века до первых лет советской власти. В настоящее время публикуется столько непроверенных данных, а зачастую и откровенных выдумок и фальшивок, которые искажают подлинную историю, что неспециалисту трудно разобраться, как же было на самом деле. Иногда искажения делались неумышленно, просто по незнанию подлинных фактов. А иногда это происходило в духе сиюминутных политических веяний. В результате на протяжении десятилетий трактовка одних и тех же исторических событий неоднократно менялась. В таких непростых условиях самыми достоверными источниками информации являются не современные книги и статьи, а первичные документы, которые хранятся в архивах. Именно на них следует опираться в первую очередь в попытках докопаться до истины. Поэтому автором было потрачено достаточно много времени и усилий на поиск нужных сведений в федеральных и московских архивах (ЦИАМ, РГВИА, РГАДА, ГАРФ, ЦГАМО, НИОР РГБ), архивах Санкт-Петербурга (РГИА, ЦГИА и ИИМК) и в подмосковных музеях. В результате проведенных изысканий удалось обнаружить исторические документы об истории усадьбы Глебово и ее владельцах, которые не были известны современным исследователям. Многие найденные материалы прежде нигде не публиковались и впервые предлагаются читателю.

Особенностью настоящего издания является обилие цитат со ссылками на первоисточники и довольно большая библиография в конце книги. Каждый описываемый факт и событие, там, где это требуется, подкрепляется ссылкой на заимствованный источник, чтобы при желании можно было проверить достоверность приводимых сведений или найти дополнительную инфор-

мацию. При этом автор старался как можно меньше править исторические тексты, поэтому стиль изложения и грамматика, порядок слов и пунктуация в цитатах не менялись.

Помимо желания избежать искажения текстов и фактов, автору хотелось, чтобы читатель как бы виртуально погрузился в эпоху царской России, смог прочувствовать русскую речь того времени, оценить речевые обороты, которые отличались от нынешних. В связи с этим имена людей написаны так, как они указаны в первоисточниках*. Само собой разумеется, что все приводимые даты даны в том виде, в каком они были на момент описываемого события: дореволюционные – по старому стилю (Юлианскому календарю), а после реформы 1918 года – по новому стилю (Григорианскому календарю).

Особо хочется подчеркнуть, что в книге нет ничего специально придуманного, чего бы ни случилось в действительности, и не было описано в первоисточниках. Автору претит всякое умышленное искажение прошлого, какие бы цели при этом не преследовались. Это, однако, не означает, что все написанное является истиной. Увы, многие документы не сохранились, а те, что уцелели, надо еще найти. Но даже когда нужные сведения удавалось обнаружить, то не всегда было просто установить правду, так как факты из разных источников порой противоречили и не стыковались между собой. Поэтому приходилось делать предположения, в которых нет полной уверенности. В таких случаях текст сопровождался словами «возможно», «вероятно», «скорее всего», «думается» и т.п., чтобы было понятно, что написанное в книге не претендует на абсолютную истину. Автор старался при изложении найденных материалов, насколько это было возможным, быть объективным, не считал правильным скрывать негативные моменты, а также противоречия в фактах, в надежде, что позже, может, удастся разобратся в неясных вопросах.

Понятно, что обилие исторических цитат, да еще написанных непривычным современному че-

* В прежние времена в Российской империи фамилии были привилегией знатных людей, они же писали свои отчества в привычном нам виде (с окончаниями на «-вич», «-овна» и т.п.). Простые же люди фамилий не имели и именовались, например, так: «Иван Петров сын» (слово «сын» часто отбрасывалось). Это означало Иван Петрович. Ситуация стала меняться во второй половине XIX века. Но изменения происходили медленно и поэтому вплоть до революции многие простолюдины и крестьяне писали свои имена как в стародавние времена.

ловеку языком, усложняет чтение книги и понимание излагаемого материала. Ведь люди в прежние времена писали иным слогом, некоторые слова имели забытые ныне значения, а другие и вовсе вышли из употребления. И все же, осознавая все это, решено было сделать основным приоритетом на точность цитирования, пускай даже иногда в ущерб общему восприятию текста. Таким образом, если кто-то рассчитывает на легкое чтение типа бульварного романа, захватывающего детектива или «исторические фэнтези», скорее всего, будет разочарован. Жанр этой книги иной, но не менее интересный.

Четко осознавая трудности, которые, вероятно, стал бы испытывать обычный читатель при знакомстве с оригинальными историческими текстами, автор предпринял определенные усилия для их адаптации (но не в ущерб достоверности). Во-первых, чтобы можно было отличать текст самой книги от исторических материалов, все цитируемые предложения заключены в кавычки и для большей наглядности выделены *«курсивом»*. Во-вторых, при необходимости, прямо в цитатах делались авторские вставки (например, для лучшего понимания добавлялись пропущенные слова и приводились расшифровки неочевидных сокращений). Но чтобы читатель мог явно отличать такие добавления от текста самих цитат, они заключены в квадратные скобки и набраны [прямым шрифтом]. Ну а если часть слов в цитате удалялась, то такие места помечались троеточием в скобках [...]. В-третьих, была сделана замена отдельных букв алфавита, так как дореволюционные тексты со «старыми» буквами непривычны многим нашим современникам (автор сам раньше испытывал подобные неудобства). Поэтому для облегчения чтения исторических цитат текст был адаптирован к современному алфавиту (без “ъ” в конце слов, старорусская буква “ѣ” (ять) заменена на “е”, “і” – на “и”, и т.п.).

Хотелось бы отдельно сказать об авторских пояснениях к тексту. Речь в первую очередь о сносках внизу страниц, которых в книге немало. Очевидно, что среди читателей могут оказаться люди, которым отдельные слова, термины будут не до конца понятны или вовсе незнакомы, как, например, десятина, сажень, постава, унтер-офицер и т.п. Конечно, эта проблема нынче легко решается путем поиска слов в интернете. Однако далеко не все захотят отвлекаться во время чтения и тратить на это свое время. Поэтому решено

было прямо в книге дать пояснения для малознакомых слов. Сделано это в виде сносок (знак звездочки *) внизу страниц, чтобы не отвлекать внимание тех, кому эти пояснения не требуются. И еще. В данной книге довольно часто встречаются различные дореволюционные гражданские и армейские чины (звания), которые ныне не употребляются. Чтобы каждый раз не отвлекать пояснениями, в Приложении приведен фрагмент из “Табели о рангах Российской империи”.

В книге довольно много иллюстративного материала (фотографии, карты, чертежи и т.п.). В тех случаях, когда удалось установить правообладателя, указан автор или библиографическая ссылка на первоисточник. Когда же это не получалось сделать (например, для некоторых изображений, скаченных из интернета), то ничего не указывалось, как и для фотоснимков, сделанных самим автором.

Если кто-то из читателей заинтересуется дополнительной информацией о Брусилове, Шиловском, усадьбе Глебово или Казанской церкви, то он может обратиться в конец книги – там в нескольких Приложениях в развернутом виде приведены исторические материалы, которые прежде не публиковались.

* * *

Отдельно хочется выразить благодарность людям, которые помогали в работе над данной книгой. Неоценимую помощь в сборе информации о Борисе Алексеевиче Брусилове и его семье оказала Надежда Александровна Родионова (кандидат исторических наук, доцент НИУ ВШЭ). По отдельным вопросам консультировали специалист в области генеалогических исследований Наталия Петровна Машкова и исследователь биографии генерала А.А. Брусилова Иван Валентинович Обьедков (кандидат исторических наук, доцент МГПУ). Хочется также поблагодарить местного жителя Владимира Богдановича Калюжного, который показывал и рассказывал о том, что осталось от усадьбы Глебово, к этому иногда привлекал и свою маму старожилу Валентину Николаевну. И, наконец, самая большая признательность настоятелю Казанской церкви села Глебово протоиерею Александру Чепрасову, который вдохновил на написание настоящей книги, и без чьей финансовой поддержки она бы не вышла в свет (по крайней мере, в таком виде и уж точно не успела бы к 100-летней годовщине).

Краткая история Глебово в XVI-XVIII веках

История Глебово уходит вглубь веков, впервые это место упоминается в писцовой книге 1567-1569 годов: «Сельцо Глебовское на реке на Мологощи* Степана да Ондreja, да Петра Дмитриевых детей Лыкова» [1]. Таким образом, летопись данного сельца насчитывает более четырех с половиной столетий, как, впрочем, и соседних селений – Брыково, Букарево, Горки, Дедешино, Мыканино, Филатово, Хмолино, которые упоминаются в том же историческом источнике.

На протяжении долгого времени Глебово относилось к волости (стану) Войничу Рузского уезда Московской губернии. В конце XVIII века после административной реформы на недолгие 15 лет сельцо с окружающими деревнями входило в новообразованный Воскресенский уезд, а когда тот был расформирован, то земли отошли к Звенигородскому уезду.

Во время царствования Екатерины II в Российской империи проводилось генеральное межевание всех земель, составлялись планы (по сути карты) отдельных владений, уездов и губерний. В архиве РГИА хранится альбом планов уездов Московской губернии XVIII века (до административной реформы). Из него были скопированы не-

сколько уникальных карт, в том числе «Геометрический план Рузского целого уезду со всеми внутри онаго лежащими градскими и владельческими землями [...] мая 1 дня 777 [1777] года» [2], куда в то время входило Глебово. На приводимом фрагменте плана сельцо находится внизу (обведено кружком), просматривается регулярная звездообразная планировка парка при усадьбе, слева видна плотина на речке Мологоще. А справа показана «Осипова дорога», связывавшая в прежние времена два монастыря: Иосифо-Волоцкий и Новоиерусалимский.

На протяжении веков Глебово было сначала сельцом, потом в XIX веке стало именоваться селом, а в советские времена – деревней. Не каждый может знать, почему происходили такие перемены, поэтому требуются пояснения. В Российской империи всякое поселение в сельской местности независимо от числа жителей называлось селом, если в нем была церковь, или деревней – если храма не было. Сельцо от деревни отличалось наличием усадьбы помещика (зачастую это был всего лишь дом, в котором проживал хозяин владений). До 1859 года в Глебово не имелось своего храма, а усадьба владельца была, по-

Фрагмент плана Рузского уезда Московской губ., 1777 г. (селение выделено Авт.) [2].

* Мологоща – так прежде называлась речка, протекающая вблизи Филатово, Глебово и Брыково. В XIX веке на картах уже используется название Маглуша, которое применяется и поныне.

этому и называлось оно сначала селцом, а после сооружения Казанской церкви стало селом*.

В СССР принцип именования поселений изменился, в первую очередь принималось во внимание количество жителей, наличие многоэтажных кирпичных домов и центральной усадьбы колхоза или совхоза. В самом Глебово крестьян всегда было немного. На сайте краеведческого проекта “Утраченный Божий Дом” (УБД) приводятся сведения о том, что в этом селении в XIX и в начале XX веков общее число крестьянских домов все время не превышало 15-ти, и проживало в них от 130 до 150 «душ обоего пола» [3]. Ситуация оставалась примерно такой же и в последующие годы. По советским меркам жителей было явно мало, чтобы Глебово именовать селом или поселком. Но сейчас пришли иные времена, гонения на Церковь прекратились. И хотя в XXI веке число постоянно прописанных в здешних местах не дотягивает до сотни, думается, что Глебово имеет полное право именоваться, как и в прежние годы, селом, так как здесь имеется действующий православный храм.

В изданной не так давно энциклопедии “Истринская земля” можно найти материалы об истории селца Глебово, перечисляются люди, которые им владели [4]. Информация о местных помещиках для удобства представления сведена в отдельную таблицу, в которую добавлены собранные в архивах данные о владельцах имения в XIX-XX веках (следует отметить, что пока крайне мало информации о том, когда и при каких обстоятельствах селение переходило к новому хозяину). Во второй колонке таблицы приведены имена и фамилии помещиков, а в первой указаны даты, когда эти люди упоминались в исторических документах как владельцы Глебово. Это, однако, не означает, что только отмеченными годами ограничивалось владение селением, хозяева могли оставаться прежними как до, так и после приведенных дат. Отсюда и пропуски в годах – не для всех отрезков времени удалось установить имена помещиков. В отдельной колонке отображено, как менялось название селца-села при разных владельцах. Иногда к названию добавлялась фамилия хозяина: Соколово,

Толстое, Брусилово (вероятно, это делалось во избежание путаницы – ведь недалеко имелось селцо со схожим названием – Глебово-Избище). Следует также иметь в виду, что помимо самой усадьбы Глебово помещики чаще всего владели и соседними деревнями Высоково (Высокое), Горки, Букарево (Бокарево).

Во все той же энциклопедии приводится объемная и содержательная цитата из “Экономического описания 1773 года”, в которой сказано: *«Селцо Глебово и принадлежащая к нему деревня Высокое лежат при речке Малогощи по течению ее на левой стороне, а деревня Горки на правой стороне. Та речка против оногo селца и деревень в самых мелких местах в жаркое летнее время глубиною бывает на четверть аршина** [18 см – Авт.], шириною на полторы сажени [3,2 м], в ней водится рыба гольцы, пискари и плотва. В том селце дом господский деревянный, при нем сад регулярный. Вода в речке для употребления людям и скоту здорова. При оном селце на речке Мологоще мельница мушная о дву поставках***, действует в одно веинее время, с нее оброку платится в Русскую воеводную канцелярию в год по три рубли по пятидесяти по три копейки с половиною; и сверх того на помещицу и на крестьян мелет разный хлеб для собственного их употребления. Земли на помещицу пашется шестьдесят, а на крестьян сто сорок семь четвертей в поле, а в дву потому ж. Грунт имеет она иловатой, к плодородию посредственна»* [4].

Как видно из сведений, приведенных в таблице, на протяжении четырех с половиной веков селцом-селом Глебово владело множество людей, среди которых особо следует выделить два имени. Во-первых, это Степан Степанович Шиловский (1823-1862), который построил чудотворную Казанскую икону Божией Матери и превратил усадьбу Глебово в чудесный уголок, куда с удовольствием приезжали многие знаменитости. Во-вторых, это последний владелец Борис Алексеевич Брусилов (1855-1918), который дольше всех (более 20 лет) являлся церковным старостой упомянутого храма. Об этих людях впереди более подробный рассказ.

* В некоторых дореволюционных источниках Глебово и после появления храма по старинке именовали селцом. Видимо сказывалось то, что Казанская церковь была домовою и приписной без образования отдельного прихода.

** Верста = 500 сажень = 1066 м. Сажень = 3 аршина = 2,13 м. Аршин = 16 вершков = 71,1 см. Вершок = 4,45 см.

*** Постав – это «пара мельничных жерновов или вальцов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем, размалывая зерно» (словарь Ушакова). Мельница «о дву поставках» имела два пары жерновов.

Даты упоминания	ФИО, чин (звание) владельцев сельца-села Глебово и степень родства	Наименование (по документам)
1567	Лыковы Степан, Ондрей и Петр Дмитриевы	Глебовское
1625-1628	Ромодановский Григорий Петрович, боярин	Глебовское
1646	Ромодановский Иван Григорьевич, сын Григория Петровича	Глебовское
1678	Ромодановский Федор Григорьевич, сын Григория Петровича, боярин и князь	Глебово
1705-1720	Соколов Григорий Борисович, поручик	Глебово-Соколово
1748-1773	Соколова Устинья Авдеевна, вдова майора Алексея Григорьевича, сына Григория Борисовича	Глебово-Соколово
1789	Маслова Настасья Алексеевна (Александровна?), «порутчица»	Глебово
1794-1799	Лобанов-Ростовский Александр Иванович, генерал-майор, князь	Глебово
1800-1817	Лобанова-Ростовская Аграфена (Анна) Никифоровна, жена Александра Ивановича, (дочь Масловой Н.А.), княгиня	Глебово
1818-1821	Лобанов-Ростовский Иван Александрович, сын Александра Ивановича и Аграфены Никифоровны, князь	Глебово
1821-1846	Толстой Федор Иванович, граф, полковник («Американец»)	Глебово-Толстое
1847-1853	Толстая Авдотья Максимовна, вдова Федора Ивановича, графиня	Глебово-Толстое
1853-1862	Шиловский Степан Степанович, потомственный дворянин, майор	Глебово
1862-1866	Шиловская (урожд. Вердеревская, во 2-м браке Бегичева) Мария Васильевна, вдова Степана Степановича	Глебово
1866-1885	Шиловский Константин Степанович, сын Степана Степановича, актер Малого театра	Глебово-Шиловское
1885-1888	Геслин Федор Васильевич, купец из Санкт-Петербурга	Глебово
1888-1889	Медведников Владимир Гаврилович, коллежский секретарь	Глебово
1892	Эдельберг (Адельберг?) Владимир Александрович	Глебово
1894(1893?) -1916	Брусилова (урожд. Рено) Анна Николаевна, баронесса	Глебово-Брусилово
1916-1918	Брусилов Борис Алексеевич, потомственный дворянин, действительный статский советник, муж Анны Николаевны	Глебово-Брусилово

Владельцы сельца-села Глебово Звенигородского уезда

Шиловские и последующие владельцы усадьбы Глебово

В самый последний момент удалось установить точную дату приобретения С.С. Шиловским имения Глебово. В архиве в книге регистрации купчих* Московской губернии обнаружены два дела 1853 года, в которых упоминается эта фамилия. Первый документ, датированный 21 сентября, посвящен вводу наследников, родных братьев Ивана, Петра, Степана и их сестры Марии в права владения имуществом, оставшимся «*после покойных родителей наших Надворного Советника Степана Ивановича и Елизаветы Петровны Шиловских*» [6]. В нем подробно расписано, как распределяются между родственниками имения, земли и деньги. Степан сразу часть своих денег потратил, об этом свидетельствует другой документ, составленный буквально через два дня. В архиве сохранилась копия купчей, в первых строчках которой сказано: «*Жена Полковника графиня Авдотья Максимовна Толстая продала потомственному дворянину Штабс-Капитану Степану Степановичу Шиловскому [...] свободное от всякого залога и запрещения недвижимое имение*» [7]. При этом были переданы права собственности на сельцо Глебово, пустоши, деревни Горки и Высокая, в которых проживали 155 душ «*мужеска пола*» (женщин в те времена в расчет не брали). Графиня получила 64.715 рублей серебром и при этом поставила условие, что «*пошлины по сей купчей платит ему покупщику*». Дополнительные платежи в казну составили 2.588 рублей, эти деньги внес Степан Степанович.

Фамилия Шиловских была достаточно известна в центральных регионах России, представители этого старинного рода занимали высокие посты в нескольких губерниях. Фамильный герб в Гербовнике описан так: «*В Щите, имеющим красное поле, перпендикулярно поставлен серебряный столб, сквозь середину которого крестообразно проходит шпага и ключ. Над сим столбом виден парящий черный орел. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой изображена выходящая рука с мечем. Намет на щите красный, подложенный золотом. Фамилии Шиловских [...] жалованы были в 1563 и других годах поместьями*» [8].

Фамильный герб дворянского рода Шиловских [8].

Дворянский род Шиловских очень обширный, о различных его представителях имеется немало публикаций. Но вот о владельце подмосковного имения Степане Степановиче информации совсем немного, пока даже не обнаружено ни одного его изображения. Он прожил недолго (менее 40 лет), и статей о нем, похоже, никто еще не писал (по крайней мере, ни одной ссылки на подобную публикацию не найдено). В различных источниках, в том числе и на общеизвестных генеалогических сайтах, приводятся лишь краткие биографические данные, причем зачастую с ошибками. Например, в интернете можно найти сведения о его смерти в 1865, 1866 и даже в 1870 году. На самом деле Степан Степанович умер 16 мая 1862 года в Самаре. Об этом сказано в архивном деле с названием «*Об установлении опеки над малолетними детьми Шиловского Степана Степановича, 1862-1870 гг.*» [9], которое, судя по всему, не было ранее известно исследователям. А вот похоронен он был, как и просил в своем завещании (об этом документе речь пойдет ниже), в храме, который сам же и построил.

В метрической книге приходской церкви села Филатово за 1862 год обнаружена такая запись: «*Июль. С Высочайшего разрешения привезено из Самары тело Надворного Советника Степана*

* Купчая (купчая крепость) – акт приобретения в собственность имущества в Российском государстве XII – начала XX века.

Степановича Шиловскаго, [возраст, лет:] 39. И положено с разрешения Высокопреосвященнейшаго Филарета Митрополита Московскаго и Коломенскаго в Казанской церкви сельца Глебова, за правым клиросом» [10]. Для погребения прямо в храме у южной стены был сооружен специальный склеп, в котором позже, судя по архивным документам, были также похоронены ближайшие родственники – мать и жена. Упомянутое архивное дело об опеке довольно большое (более 600 листов), в нем много интересной информации, что называется из первоисточника, которая прежде не публиковалась. Так, например, имеется выписка из свидетельства о рождении будущего храмоздателя, в которой сказано, что «у майора и кавалера Степана Ивановича Шиловскаго родился сын Степан (проситель) 1823 года апреля 19 дня» [9]. Там же приводится информация о его службе в армии и флоте, сообщается о наградах: «Кавалер ордена Св. Станислава 3 степени и имеет светло-бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853-1856 гг.».

Указанные сведения дополняются материалами дела, недавно обнаруженного в военном архиве и имеющего заголовок: «По рапорту командующего об увольнении от службы капитана Шиловскаго (Степана Степановича)» [11]. В нем приводится

послужной список офицера (подробности смотри в Приложении). Из этого документа следует выделить слова о том, что служение Отечеству началось 6 февраля 1836 года (то есть в возрасте 13 лет), когда Степан был зачислен «пансионером-кадетом». Далее написано, что после окончания в 1844 году «Морскаго Кадетскаго Корпуса мичманом» он был зачислен «в 5 Флотский экипаж». В течение нескольких лет службы на флоте Шиловский неоднократно участвовал в «Крейсерстве», то есть в плаваниях на различных кораблях по Балтийскому морю. В конце 1847 года он уволился с флота и был «определен канцелярским чиновником в Департамент Духовных дел Иностранных исповеданий» [11].

На «гражданке» Шиловский находился чуть более года, а после вновь вернулся на военную службу, но не на море, а в «Пехотный Забалканский полк», куда был определен адъютантом. В 1853 году «За отличие по службе» ему было присвоено звание капитана. В деле имеется рапорт на увольнение, поданный Степаном Степановичем 3 декабря 1857 года. И менее чем через 2 недели он был «уволен от службы для определения к статским [т.е. гражданским – Авт.] делам, с переименованием в Титулярные Советники».

Следует отметить, что в поданном прошении Шиловский писал: «обязываюсь иметь жительство в Санкт-Петербурге». Однако это обещание, судя по всему, выполнено не было, как, впрочем, и другое тоже. Речь идет о том, что к гражданской службе, он, видимо, так и не приступил. Такой вывод напрашивается из другого документа, имеющегося в том же деле. В служебной бумаге, датированной 28 декабря, говорится, что «По изменившимся обстоятельствам для устройства своих имений Капитан Шиловский не может вновь вступить в гражданскую службу; вследствие чего почтительнейше просит ходатайства Вашего Превосходительства об увольнении его по домашним обстоятельствам» [11]. И вновь просьба была удовлетворена. Обращает на себя внимание, что между двумя прошениями прошло совсем мало времени (менее месяца). Что же такое могло произойти

Кавалера	Поступил в			
Степана Шиловскаго	пансионером-кадетом	1836	февр.	6
Капитана	Получил звание			
Степана Шиловскаго	капитана	1853	декаб.	3
Уволен от службы	для определения к статским			
делам	с переименованием в			
Титулярные Советники				

Выписка из послужного списка С.С. Шиловскаго, 1857 г. [11].

за такой короткий срок, что Шиловский поменял свое решение устроиться на гражданскую службу? А может ничего неожиданного в его жизни и не случилось, может просто таков был в то время порядок увольнения? К сожалению, в бумагах нигде не расшифровывается, что скрывалось под словами «*изменившимся обстоятельствам*», можно лишь догадываться. Если учесть время, когда было подано прошение (самый конец 1857 года), и вспомнить, что это было начало, а может уже и самый разгар строительства Казанской церкви в сельце Глебово, то сам по себе напрашивается вывод, что, вероятнее всего, Шиловский просто хотел побыстрее закончить возведение храма. А для этого требовалось личное руководство стройкой. Поэтому он большую часть времени стал проводить в Глебово, по крайней мере, летом. И все же, это пока всего лишь предположение.

Чем С.С. Шиловский занимался после увольнения помимо строительства храма? О его дальнейшей общественной деятельности известно лишь, что вскоре был «*определен Почетным Директором Звенигородских Богоугодных заведений – 1859 г. декабря 22. [...] произведен в Коллежские Ассесоры со старшинством со дня определения в гражданскую службу – 1859 г. декабря 22*» [9]. Эту цитату надо понимать так, что быть «*Почетным Директором Звенигородских Богоугодных заведений*» и считалось гражданской службой Шиловского. В чем именно его функции составляли на этом посту – пока не установлено.

Возвращаясь к делу об опеке, следует добавить, что в нем приводятся сведения о семейной жизни: «*Брак гвардейского экипажа отставного мичмана Степана Степановича Шиловского с дочерью Статского Советника Василия Евграфовича Вердеревского девицей Мариєю Васильевною совершен был 1848 года января 28 дня*» [9]. В семье родились два сына: Константин появился на свет 22 октября 1848 г., а Владимир – 16 января 1852 г.

Степан Степанович получил богатое наследство, имел много земель и поместий. Ему принадлежало 10 родовых имений, которые находились в разных частях Российской империи: в Тамбовской губернии в Кирсановском уезде (Синявка, Ивановка, Волхонщина, Усово); в Саратовской губернии в разных уездах (Голицыно, Красное

Поле, Степановка, Шатчино); в Рязанской губернии в разных уездах (Желобовые Барки, Петровское-Галина) [9]. Кроме того, были приобретены у графини Толстой имения в Московской губернии в двух уездах: Звенигородском (Глебово) и в Московском (Всехсвятское). Были у Шиловского и два собственных дома в Москве (оценены в 75.000 рублей), один в Петербурге у Аничкова моста (100.000 рублей) и один в Моршанске (3.000 рублей).

Недавно обнаружен текст духовного завещания, составленного Степаном Степановичем за несколько месяцев до своей смерти*. Начинается оно так: «*Во имя Бога в Троице православнаго Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. 1862 г. января 15 дня по случаю болезни моей и воображая о смерти могущей последовать нечаянно за нужное ныне поставляю сделать всему имению моему как родовому, так и благоприобретенному следующее распределение, которое да будет по смерти моей исполнено*» [12]. Далее завещатель перечисляет все свои «*Родовые недвижимыя имения*» (перечень приведен выше), и добавляет: «*со всего землю, хлебом молочным и немолочным с строениями с заводами лошадиным и овчарными, одним словом все что в имении находится*». В конце упоминает свои дома в трех городах и указывает, как со всем наследством поступить: «*Все эти имения как родовыя доставшиеся мне от покойнаго родителя моего, брата и дяди, а также упомянутое благоприобретенное имение мое предоставляю своим родным детям сыновьям Константину и Владимиру Степановичам*».

Интересно отметить, что усадьба в Звенигородском уезде не входила в перечень поместий, переходившим сыновьям по наследству. Село Глебово с окрестными деревнями было отписано жене Марии Васильевне с условием, что она могла «*пользоваться и владеть этим имением не отдавая никому отчета в продолжении всей своей жизни*» [12], но в случае повторного замужества подмосковная усадьба должна была перейти сыновьям. Так же предписывалось «*поддерживать в селе Глебове на вечные времена церковь*» (об этом подробнее будет сказано далее).

То, что С.С. Шиловский особым образом в завещании выделил Глебово, говорит о том, на-

* Копии духовного завещания С.С. Шиловского обнаружены в трех разных архивных делах [9, 12, 13], тексты везде, по сути, идентичны. К сожалению, рукописные записи не всегда легко читаются, наиболее удобен для работы документ [12], по нему и будет далее производиться цитирование завещания.

сколько он дорожил этим местом и выделял его среди прочих поместий. В итоге все случилось так, как и было оговорено: 2 ноября 1866 года вдова вышла замуж за драматурга Владимира Петровича Бегичева. И владельцем села Глебово стал старший сын Константин, а села Филатово (после достижения совершеннолетия) – младший сын Владимир.

Еще при жизни Степана Степановича подмосковное имение посещали разные знаменитости, например, молодой композитор Модест Петрович Мусоргский (подробнее об этом будет сказано далее). Любовь к искусству передалась и детям помещика. Оба сына получили хорошее образование. Недавно обнаружены сведения о том, что Константин Шиловский в 1880 году написал пьесу для постановки спектакля «*Леший. Драматический этюд в трех действиях*» [14], в архивном деле хранится ее текст. Любопытно, что рукопись заканчивается указанием места, где появилась на свет: «*Глебово-Шиловское*»*. Константин с 1888 года входил в труппу Малого театра в Москве, некоторые специалисты считают, что соавтором композитора Петра Ильича Чайковского в либретто оперы «Евгения Онегина» был К.С. Шиловский [15]. Константин Степанович был дважды женат, у него родились дети, потом появились внуки**. Таким образом, род Шиловских по линии старшего сына нашел свое продолжение. Среди потомков народный артист РСФСР Всеволод Николаевич Шиловский. В 2005 году 16 августа внучка этого известного актера Даша была крещена в Казанской церкви села Глебово настоятелем о. Александром [16].

Артист В.Н. Шиловский с внучкой после ее крещения в Глебово, 2005 г. (архив Казанской церкви).

Младший сын Степана Степановича – Владимир – также был связан со сферой искусства. Он учился в Московской консерватории, там подружился с Петром Ильичем Чайковским. В различных источниках сообщается, что знаменитый композитор неоднократно приезжал в имение Глебово***, ему очень нравилось это место. В апреле 1877 года В.С. Шиловский женился на графине Анне Алексеевне, единственной дочери графа Алексея Владимировича Васильева. Чтобы не угас этот род, по высочайшему указу Императора соответствующий титул был дарован Владимиру Степановичу с правом именоваться графом Васильевым-Шиловским. Но, несмотря на это, данная ветвь рода все же прервалась, так как потомков в семье не было. Оба сына Степана Степановича – Константин и Владимир – умерли еще нестарыми в 1893 году.

Однако село Глебово сменило хозяина еще раньше. В одном из архивных дел, имеющем название: «*Нотариальные данные о переходах земли по Звенигородскому уезду с 1836 по 1892 года*», приводятся сведения о совершавшихся сделках по подмосковному имению. Так в деле имеются такие записи: «*Купчая. 1885 года сентября 2 дня. Местонахождение имения: в селах Глебове, Высоком и Горок, с-це Букареве [...] Общее кол-во земли: 580 дес. 1314 саж. [...] Ценность по акту: 45.000 руб. От кого перешла земля: от Шиловскаго Конст. Степан., Тут. сов. Приобретатель: Геслин Федор Васил., С-Пб. Купец*» [17]. В энциклопедии «Истринская земля» приводится дополнительная информация об обстоятельствах этой сделки: «*Он [К.С. Шиловский] задолжал банку 22000 руб.,*

* Необходимо отметить, что подобное наименование селения больше ни в одном из документов не встречается. Скорее всего, это было не официальное название поместья, а просто желание помещика.

** Сведения о потомках Константина Степановича Шиловского можно найти на сайте РРФ [124].

*** Владимир Шиловский был владельцем села Филатово, а соседнее Глебово принадлежало его брату Константину. Но думается, не будет ошибочным предположение, что родные братья были в хороших отношениях и знаменитые гости могли останавливаться и там, и там. Тем более что дорога в Филатово проходила недалеко от усадьбы Глебово, и большой крюк приезжающим делать было не надо.

имение назначили к торгам»* [4].

Итак, в 1885 году хозяином подмосковного имения стал петербургский купец Федор Васильевич Геслин. Однако помещиком он был недолго – менее трех лет. Согласно упомянутого выше архивного дела с нотариальными данными 19 июля 1888 года следующим владельцем Глебово стал коллежский секретарь Владимир Гаврилович Медведников. В той же энциклопедии поясняется, как это произошло: «за неуплату взносов Санкт-Петербургскому – Тульскому поземельному банку имение предполагалось продать “с молотка”» [4]. Но и Владимир Гаврилович недолго владел имением Глебово, вскоре ему «угрожала продажа с торгов». Поразительное совпадение: Медведникову, как до этого Геслину и Константину Шиловскому, предстояло расставание с усадьбой Глебово не по своему желанию. Случилось ли это на самом деле, сказать трудно, сведений о продаже с

торгов пока не обнаружено. Но фактом является то, что в 1892 году владельцем имения Глебово числился другой человек, а именно – Владимир Александрович Эдельберг (о Страховом деле, откуда почерпнута данная информация, будет еще сказано далее). Его имя не упоминается ни в одной из известных публикаций. И потому трудно пока сказать, при каких обстоятельствах и когда точно он приобрел подмосковное имение, когда и почему потом его продал. В любом случае, владельцем он пробыл недолго, так как в 1894 году село Глебово и окружающие деревни, судя по документам, принадлежали уже Брусиловым.

На этом закончился период частой смены хозяев подмосковного имения (менее чем за десятилетие – с 1885 по 1894 года – поочередно сменилось пять помещиков**). После этого и вплоть до самой революции владельцы Глебово больше не менялись.

* Относительно данного факта хочется сделать небольшое замечание. Познакомившись с завещанием Степана Степановича, в котором перечисляются множество имений, переходивших по наследству двум детям, остается только удивляться, как за не такой уж большой срок (23 года) можно было промотать огромное состояние, которого сыну не только не хватило, а пришлось даже влезать в долги. Отец построил Казанскую церковь, которая осталась на века. А чем отличился Константин, какая добрая память от него осталась?

** Интересно проследить изменение стоимости имения Глебово (с деревнями) при его переходах к новым владельцам в XIX веке. К сожалению, не для всех сделок удалось найти сведения о продажной стоимости. Но по тем данным, которые удалось собрать, получается любопытная картина. В 1821 году граф Ф.И. Толстой при покупке имения заплатил 100.000 рублей ассигнациями, да еще принял на себя долг продавца в 23.250 рублей [125]. В 1853 году С.С. Шиловский купил Глебово с деревнями за 64.715 рублей серебром и еще заплатил пошлину в 2.588 рублей [7]. Согласно «Нотариальному» делу имение было дважды оценено при продажах в 1885 и 1888 годах на одну и ту же сумму 45.000 рублей [17]. В документе эти деньги помечены как «ценность по акту». Была ли это продажная стоимость имения, сказать трудно. В 1894 году банк оценил приобретенные Брусиловыми земли в 90.000 рублей [79]. Почему на протяжении столетия происходили такие довольно резкие изменения продажной стоимости – нигде не объясняется.

Строительство Казанской церкви

В предыдущей главе довольно подробно рассказывалось о Степане Степановиче Шиловском. И это не случайно, ведь благодаря этому человеку на подмосковной земле появился чудо-храм Казанской иконы Божией Матери.

Как уже говорилось выше, до середины XIX века в сельце Глебово не было своего Божьего Дома. Да и нужды особой в этом не было, ведь в пределах трех верст, то есть пешей доступности, находились действующие церкви: Богоявленская в селе Брыково (ныне поселок Красный) и Рождества Христова в селе Филатово. Именно к последнему храму и были приписаны жители Глебово. Тогда зачем же была построена церковь в этом сельце, ведь приходская Христорождественская церковь не была ветхой и службы в ней шли своим чередом?

С.С. Шиловский был не только богатым, но и верующим человеком. И потому понятно его желание иметь свою домовую церковь во вновь приобретенном имении, в котором он собирался жить и принимать гостей. Так поступали многие состоятельные люди из знатных родов. В результате вскоре поблизости от усадебных домов и строений в Глебово был сооружен пятишатровый храм удивительной архитектуры, не похожий ни на какой другой на сотни верст в округе.

Чем был вызван выбор столь необычного проекта с множеством мелких деталей, к тому же сложного и дорогого при строительстве? Ответ можно найти в следующих словах: *«Семейство Шиловских отличалось высокими культурными запросами – не в последнюю очередь благодаря жене Степана Степановича Марии Васильевне (в девичестве Вердеревской), обладательнице прекрасного сопрано и известной певице, водившей близкое знакомство с М. Глинкой, А. Даргомыжским, М. Балакиревым, юным Мусоргским»* [18]. Поэтому, еще при покупке, Шиловский *«задумал превратить свое подмосковное имение в центр культурной жизни, где было бы нестыдно принимать знаменитых деятелей русской культуры»*. Молодому помещику хотелось поразить своих именитых гостей изяществом храма и

усадебой, он и его жена желали, чтобы знаменитости с удовольствием и чаще приезжали в гости в их подмосковное имение. Новые хозяева усадьбы Глебово не стали затягивать с реализацией своей мечты о собственной домово́й церкви.

Как оказался выбранным проект пятишатрового храма, разработанный в 1844 году *«Архитектором Его Императорского Величества Профессором Архитектуры Императорской Академии Художеств и Членом разных Иностранных Академий Константином Тоном»* [19] – осталось загадкой, можно лишь строить предположения. По этому проекту в Петербурге в 1849 году была построена Благовещенская церковь Конногвардейского полка. Красоту данного храма отмечали многие современники. Скорее всего, Степан Степанович лично видел, как строится необычная церковь, думается, что бывал в ней на службах. Возможности для этого были, ведь он несколько лет учился в столице в Морском кадетском корпусе, а потом проходил воинскую службу на различных кораблях в Кронштадте, расположенном недалеко от Петербурга. Восхитившись увиденным, молодому офицеру, вероятно, захотелось в собственной усадьбе построить нечто подобное. Средства для воплощения данного желания после получения наследства у него появились. Осталось лишь получить дозволение на сооружение нового храма.

Следует сказать, что получение разрешения на строительство церквей в те времена не было простым делом и пустой формальностью. Известно

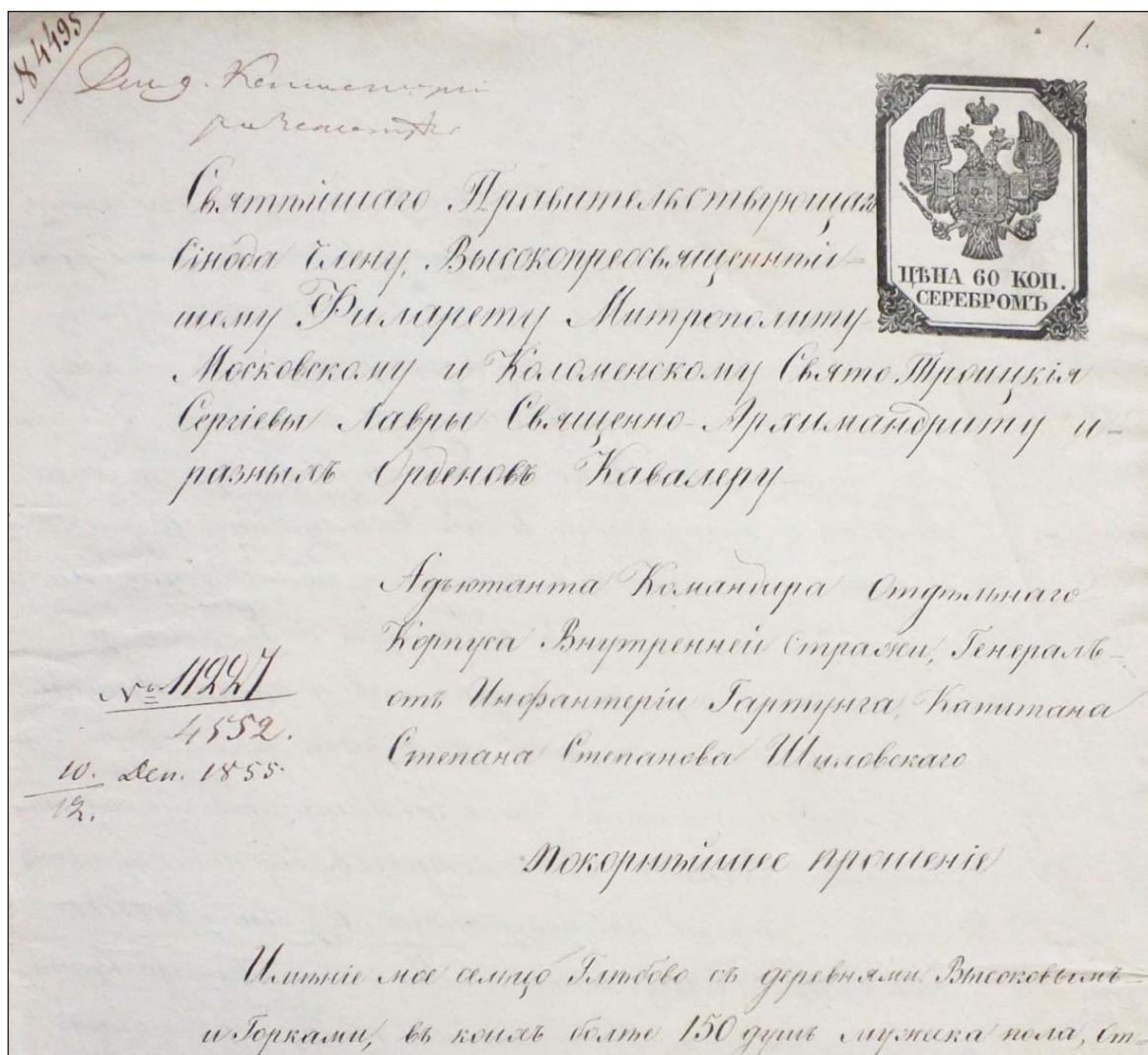
Вид Благовещенской площади, 1850-е. (Эрмитаж, художники Жакотте, Луи Жюльен Башелье, Шарль Клодт).

немало случаев, когда просителям (даже имеющим необходимые средства) в подобных просьбах отказывали. Священноначалие, которое принимало решение (разрешить или отказать), взвешивало разные обстоятельства, и в первую очередь оценивало: а есть ли действительно нужда в новом храме, кто будут его прихожане, не пострадают ли соседние приходы? (Было важно не ущемить интересы служителей близлежащих церквей, чтобы их доходы существенно не пострадали).

К счастью, сохранилось архивное дело «О построении каменной кладбищной церкви в сельце Глебово, состоящей в приходе села Филатова Звенигородского уезда, 1855-1856 гг.» [20]. Уже сам заголовок дает подсказку о том, благодаря чему, видимо, удалось получить разрешение у священноначалия. Возведение церкви при кладбище не затрагивало интересы местных церковнослужителей, так как существующие приходы оставались неизменными, а организация нового не планировалась. В указанном деле приводится много инте-

ресных подробностей, которые прежде не были известны. Поэтому стоит на некоторых остановиться отдельно (более детально с делом можно ознакомиться в Приложении).

В декабре 1855 года в Консисторию на имя митрополита Московского и Коломенского Филарета от имени капитана Степана Степанова Шиловского было подано прошение. В бумаге написано, что «дорога пролегающая от сего имения [Глебово] к селу Филатову, вообще гористая, а в весеннее и осеннее время при дурной погоде и разливе вод делается не проходимою; от чего крестьяне сего имения терпят постоянно затруднения в сообщении с приходскою церковью и причтом села Филатова» [20]. Как видно, проситель проникся заботой о прихожанах. Но это была не единственная причина, Шиловский еще упоминает о наказе: «равно исполнить завещание покойного моего родителя». Далее приводится, собственно, сама просьба: «душевно желал бы я построить в сельце Глебове каменную церковь и

Фрагмент листа прошения С.С. Шиловского, 1855 г. [20].

устроить при ней кладбище*, чтобы церковь сия числилась кладбищною».

Получив такую бумагу и ознакомившись с ней, правящий митрополит Филарет наложил резолюцию: «Консistorии рассмотреть». Местному благочинному священнику села Куритникова Александру Копьеву было выдано предписание изучить данный вопрос и потом представить свое заключение. Тот съездил в Глебово, все осмотрел и сделал вывод, о котором сказано в деле так: «Место избираемое г. Шиловским, для построения церкви и устройства при ней кладбища удобно по грунту и прилично по положению». И в достаточно короткий срок (всего через 2 месяца) прошение было рассмотрено и согласовано, а потом вынесено положительное решение: «Проект на построение церкви в сельце Глебове, Московскою Губернскою Строительною и Дорожною Комиссией, признан вполне и во всех частях соответствующим правилам архитектуры и строительного искусства и к исполнению одобрен» [20].

В рассматриваемом архивном деле имеется очень важный документ – текст храмозданной грамоты, выданной 21 февраля 1856 года Московской Духовной Консistorией (МДК) на построение церкви в сельце Глебово. И хотя сохранилась только черновая копия этой бумаги, ценность ее все равно велика, так как такого рода документов уцелело крайне мало (например, ни для какого другого храма Истринского района подобная грамота пока не обнаружена). Текст начинается со слов: «Божиею Милостию. Смиранный Филарет

Митрополит Московский. [...] г. Капитану Степану Степановичу Шиловскому в имение его в сельце Глебове, состоящем в приходе села Филатова Звенигород. уезда построить на его иждивение вновь каменную кладбищную церковь во имя Божией Матери Казанския Ея Иконы» [20].

Ниже приводится восстановленная по образцам храмозданная грамота на возведение Казанской церкви.

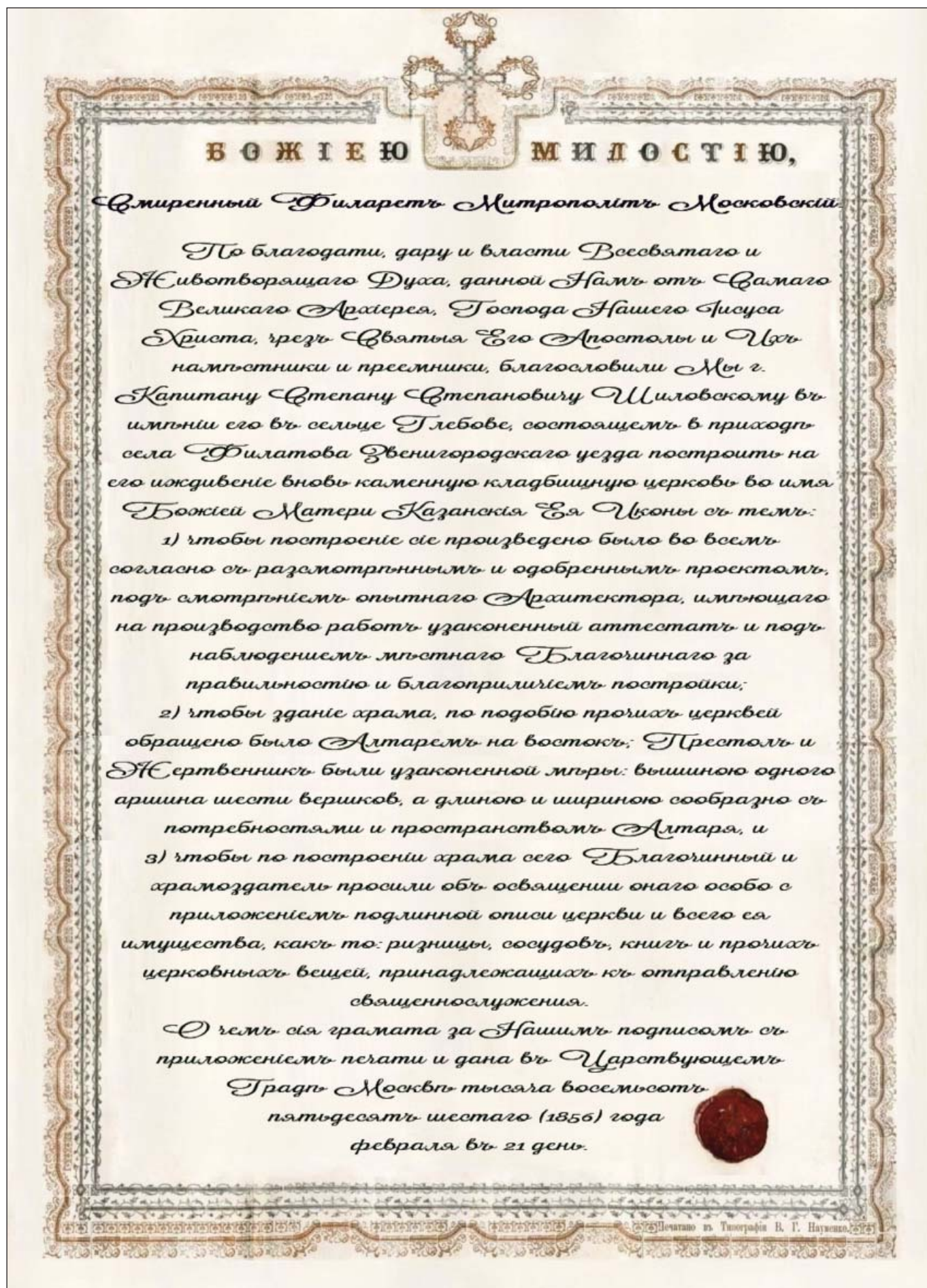
Вот так дважды пересеклись пути двух людей – Владыки и помещика. Сначала митрополит Московский и Коломенский Филарет (1783-1867) дал свое благословение Степану Шиловскому на построение храма и подписал соответствующую грамоту. Потом он же спустя 6 лет выдал разрешение на захоронение храмоздателя в построенном им храме. Необходимо еще отметить, что в 1994 году митрополит Филарет (Дроздов) был прославлен в лике святых Русской Православной Церкви.

Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов).

Отдельный вопрос: как, кем и почему было выбрано посвящение строящейся в Глебово церкви в честь Казанской иконы Божией матери? Прямо об этом нигде не говорится. Однако есть довольно весомое объяснение, подкрепленное историческим свидетельством. До революции довольно часто посвящение возводимой церкви выбирал храмоздатель, если таковой имелся. И священноначалие обычно удовлетворяло его желание. Так было и в Глебово. Еще в поданном в 1855 году прошении Шиловский объяснил, что «желает построить [церковь] во имя Божия Матери Казанския Ея иконы» [20]. Однако почему был выбран именно этот образ Богородицы – проситель не объясняет.

* Следует заметить, что в устройстве кладбища в Глебово на самом деле необходимости не было, неподалеку в 2 верстах находился приходской Рождественский погост, который, судя по всему, в то время не был еще переполнен (это случилось несколько десятилетий позже). Более того, погребение умерших вблизи усадьбы нарушало установленные санитарные нормы: согласно им кладбище должно было находиться не ближе нескольких сотен саженей от жилых домов. В Глебово эти нормы не могли быть соблюдены из-за близости усадебных построек к выбранному месту возведения храма и к новому кладбищу, однако это почему-то не привело к отказу в выдаче разрешения на строительство. Церковь в итоге была построена и при ней стали хоронить отдельных прихожан. Правда, участок под захоронения был небольшим (по воспоминаниям старожилов на нем было примерно три десятка могил).

Храмозданная грамота, выданная Шиловскому, 1856 г. (форма реконструирована по образцу).

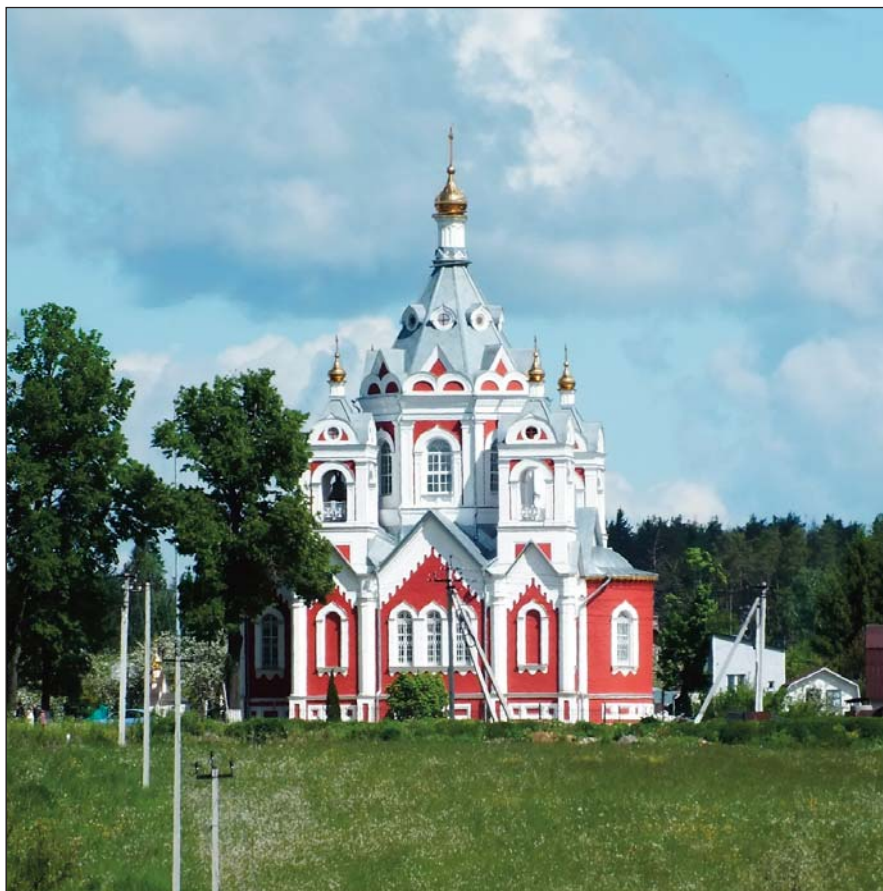
Все становится понятным из так называемой «Метрики церкви», составленной в 1887 году [21]. В Приложении имеются копии листов этого документа, из которых следует выделить следующие слова: «*В иконостасе есть изображение Б-цы [Богородицы] Матери Казанския иконнаго древняго письма на деке, мерою 9 верш. в вышину, и 8 верш. в ширину*». Далее приводятся некоторые подробности о святыне: «*К украшению иконы убрус на главе и одежды, вынизанные мелким жемчугом по малиновому бархату и украшенные по местам дорогими камнями в числе коих 14 зерен жемчуга средней величины, 5 изумрудов, 14 рубинов, 17 алмазов и 5 цветных неизвестных камушков, весом икона со всеми украшениями и камнями 11 фунтов [5 кг]. Икона эта родовая Шиловских, и когда майор Степан Степ. Шиловский устроил в своем имени церковь во имя Казанския Б. Матери, то пожертвовал икону эту в церковь, а ценится она знатоками в 8 тысяч рублей серебром [...]. Означенная выше икона Б. Матери Казанския сохранилась в своем первобытном виде*» [21]. При написании этого текста приходской священник Феодор Ильинский, думается, неспроста выделил слова про родовую икону. Тем самым было подчеркнуто (во всех смыслах), что сей образ особо почитался среди предков Степана Степановича. И святыню своего рода храмоздатель передал в построенную им церковь. К сожалению, никаких других подробностей об этой иконе не удалось найти, судьба ее осталась неизвестна.

Строительство храма в Глебово длилось около трех лет (точнее на протяжении 4 строительных сезонов: 1856, 1857, 1858, и 1859 годов). Летом 1859 года церковь была готова к освящению. В различных архивных делах приводятся несколько отличающиеся сведения относительно того, когда это произошло [22], и по ним непросто установить достоверную дату. На дан-

ный момент можно лишь утверждать, что освящение Казанской церкви в Глебово состоялось в конце июля в один из дней между 19 и 29 числами. После этого храм стал действующим и в нем стали совершаться Богослужения.

Так на подмосковной земле появилась уменьшенная копия Благовещенской церкви Конногвардейского полка. Это была вторая реализация проекта пятишатрового храма архитектора К.А. Тона. Была еще одна, третья копия, построенная полвека спустя. Речь идет о церкви Равноапостольной Ольги, сооруженной в лагере лейб-гвардии конного полка в Красном Селе недалеко от Петербурга*. Увы, оба столичных храма не сохранились до настоящего времени. Чудесным образом уцелело, пережив оккупацию немцев и безбожие советского времени, единственное оставшееся воплощение удивительного проекта Константина Андреевича Тона – Казанская церковь в селе Глебово.

Для полноты изложения надо сказать, что в нашей стране существует, по крайней мере, еще один храм подобной архитектуры. Речь идет о ка-

Казанская церковь, вид с моста через речку Маглушу, 2017 г.

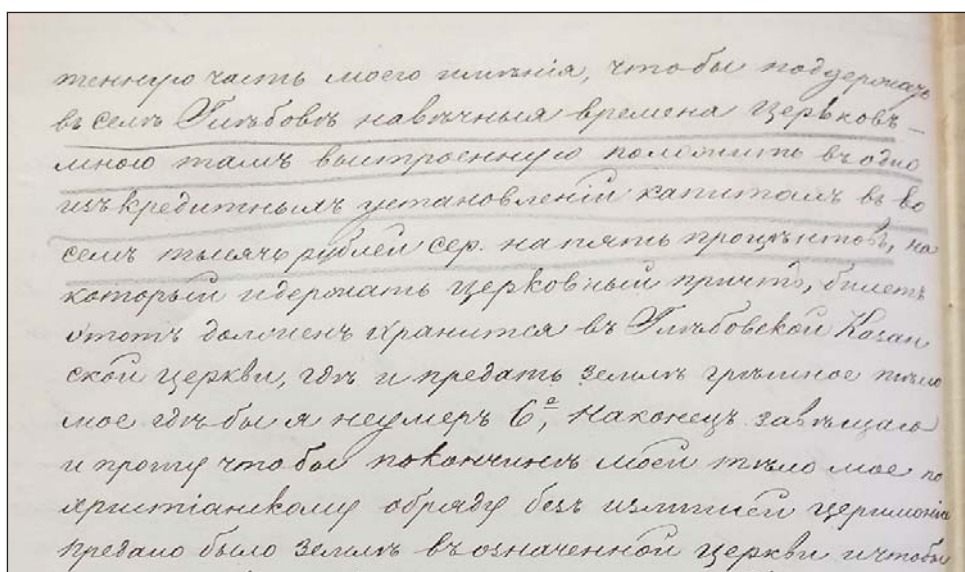
* Интересно отметить, что каждая следующая реализация проекта К.А. Тона уступала по своим размерам предыдущей.

федеральном соборе Александра Невского в Нижнем Новгороде. Он внешне похож на подмосковную церковь, только гораздо больше ее по размерам. Правда автором проекта собора считается другой архитектор – Роберт Яковлевич Килевейн. Эта постройка более поздняя, чем Благовещенская и Казанская церкви, храм на Волге соорудили в 1868-1881 годах. Безусловно, архитектор Килевейн был знаком с творениями петербургского коллеги. Это отмечают и современные специалисты: «Архитектура собора ориентировалась на проекты К. Тона, а за образец была взята Благовещенская церковь в Петербурге, построенная этим архитектором в 1849 году. Посланный в Петербург на утверждение, проект был существенно переработан с изменением общего стилистического характера фасадов, ориентированных уже на средневековую романскую архитектуру при сохранении общих габаритов и пятишатрового завершения. На самом деле в Петербурге был разработан фактически новый проект собора для Нижегородской ярмарки» [23].

Нет сомнения, что Степан Степанович Шиловский любил храм, построенный в своей усадьбе. Он настолько его ценил, что в своем завещании особыми пунктами прописал: «[...] 5) Детей своих обязываю [...] чтобы поддержать в селе Глебове на вечные времена церковь, мною там выстроенную, положить в одно из кредитных установлений капитал в 8.000 рублей серебром на 5 процентов, на которые и содержать церковный причт; билет этот хранится в Глебовской Казанской церкви,

где и предать земле грешное тело мое, где бы я не умер. б) Наконец завещаю и прошу чтобы по кончине моей тело мое по христианскому обряду без лишней церемонии и пышности предано было земле в означенной церкви» [12].

Пожелание храмоздателя о месте своего захоронения было впоследствии исполнено. А вот его предписание о финансовой поддержке причта выполнялось таким образом. В первые годы «Органами Дворянской опеки» местному священнику просто выплачивалось по 300 рублей в год*. И лишь пару лет спустя душеприказчик Петр Степанович Шиловский в донесении своем написал, что на имя церкви в банк был внесен вклад: «по силе Духовного Завещания покойного брата моего, в сем 1865 году 18 января внесено Московскому Митрополиту 8125 руб, в числе коих 5% билетов 8000 руб с причитающимися на оныя процентами на содержание священника и поддержание церкви в селе Глебово» [9]. Проценты по вкладу ежегодно составляли 400 рублей. Когда в первые годы в Казанской церкви служил собственный причт, то 300 рублей получал священник, а 100 рублей – псаломщик. Это были совсем небольшие деньги, явно недостаточные, чтобы на них служители с семьями могли прожить целый год. Поэтому желающих служить в Глебово находилось немного, и то только среди одиноких служителей. Когда же в конце XIX века в Казанской церкви не стало своего причта, деньги по распоряжению начальства стал забирать клир приходской церкви в Филатово.

Фрагмент копии духовного завещания С.С. Шиловского, 1862 г. [12].

* В ежегодных отчетах, имеющихся в упомянутом деле об опеке, отдельной строкой вносились записи о выдаче денег священнику в селе Глебово, такие записи имеются за 1863 и 1864 года.

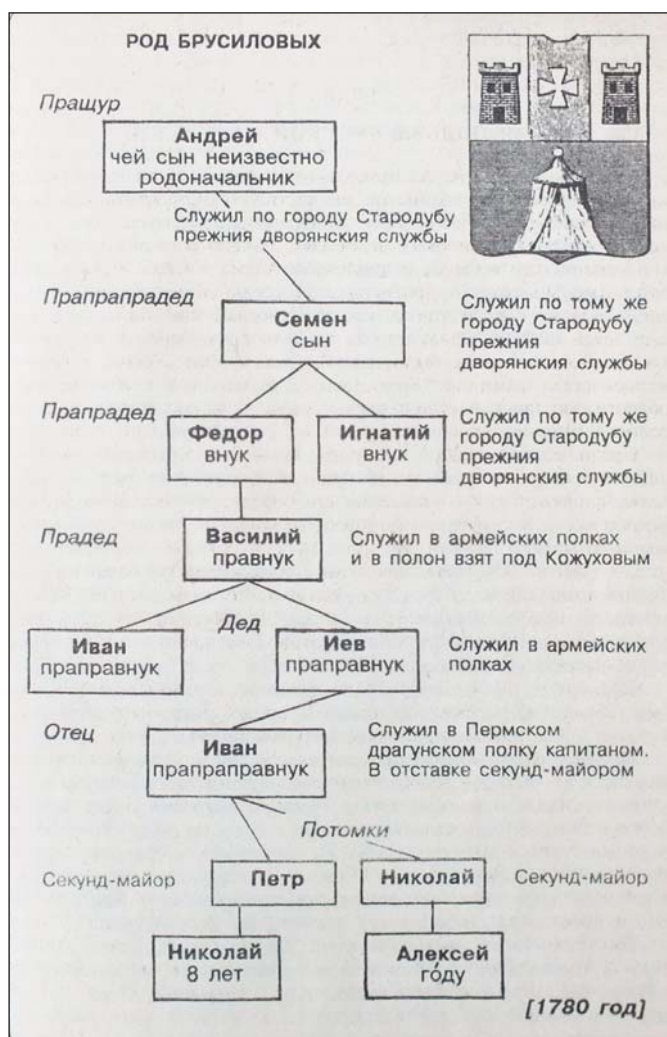
Братья Брусиловы

Как уже отмечалось выше, последним владельцем имения Глебово была семья Брусиловых. Фамилия эта в нашей стране известна благодаря знаменитому «Брусиловскому прорыву», случившемуся в 1916 году на фронте во время Первой Мировой войны. Творцом той победы русских войск был генерал Алексей Алексеевич – родной брат Бориса.

Род Брусиловых старинный. Представители по мужской линии в нескольких поколениях были военными, часть из них достигла высоких званий и чинов. Некоторые подробности о предках Брусиловых можно найти в тематическом выпуске журнала из серии «Знаменитые династии России» [24], а также в одном из изданий популярной серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), посвященному прославленному генералу [25]. В книге Соколова «Красная звезда» приводится восходящее древо рода Брусиловых из 8 колен, которое начи-

Фамильный герб дворянского рода Брусиловых [27].

Древо рода Брусиловых (по восходящей линии) [26].

нается с древних предков и заканчивается Алексеем Николаевичем (отцом братьев). Про источник информации автор пишет так: «Среди сохранившихся документов А.А. Брусилова имеется черновой набросок родословной этой фамилии» [26] и обосновывает дату его составления – 1780 год.

Как и Шиловские, Брусиловы имели свой дворянский герб. Здесь приводится одноцветный вариант изображения, цветной помещен на тыльную сторону обложки, он позаимствован из упомянутого тематического выпуска «Знаменитые династии России». Фамильный герб Брусиловых в Гербовнике описан так: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в серебряном поле поставлено по одной башне красного цвета, а посредине на красной полосе изображен золотый крест. В нижней части в голубом поле находится серебряная палатка. Щит увенчан дворянским шлемом и короною. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом. Фамилии Брусиловых [...] жалованы были в 1676 и других годах поместьями» [27].

Отцом братьев Алексея и Бориса был Алексей Николаевич Брусилов (отмечен справа внизу на приведенном ранее древе). Он потомственный дворянин Орловской губернии, более полувека своей жизни отдал армейской службе. Начал трудиться Алексей Николаевич, как сказано в его послужном списке, в 1802 году в «комитете Иностранных дел», через год уже был переводчиком (знал французский и немецкий языки) [28]. Через несколько лет уже был в армии, где продолжил

свое служение Родине: «В 1807 году он начал службу сотником. Затем, переведясь в армейскую пехоту майором, он участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., за что получил боевые награды и чин подполковника. В Бородинском сражении Алексей Николаевич был ранен. В 1823 году он переходит на гражданскую службу в чине статского советника. Служил в Сенате, по ведомству внутренних дел, с 1830–1831 гг. был московским, а затем, до 1835 года, курским вице-губернатором. В 1839 году А. Н. Брусилов вернулся в армию в чине полковника, проходил службу на Кавказе, с 1840-го начальник 4-го отдела Черноморской линии, участвовал в боях с горцами. Там в 1845 году он был произведен в Генерал-Майоры, а в 1847-м назначен председателем полевого аудитора Отдельного Кавказского корпуса, а в 1854 году – Кавказской армии» [29]. К этому можно еще добавить слова из других источников: «Материальное положение А.Н. Брусилова было относительно скромным. Никакой недвижимости или владений, унаследованных от родителей, либо приобретенных самостоятельно А.Н. Брусилов не имел» [30], «покойные родители не оставили детям никакого состояния» [31].

Женился Алексей Николаевич 4 октября 1852 г. будучи уже в зрелом возрасте. Невеста Мария-Луиза происходила из семьи поляка, коллежского асессора Антона Нестоенского*. Она была почти вдвое моложе своего супруга, в то время такие браки не были редкостью. Жили Брусиловы в Тифлисе (ныне г. Тбилиси в Грузии). В этом городе у них поочередно родились 4 сына: Алексей, Борис, Александр и Лев, из них Саша умер в младенчестве. К

сожалению, это была не единственная утрата, вскоре семью Брусиловых постигло двойное горе. Сначала умер отец. В свидетельстве о его кончине сказано, что он скончался «от болезни нервною горячкою и лихорадкою 8 ноября 1859 г.» [31] (в мемуарах А.А. Брусилова причина смерти записана так: «от крупозного воспаления легких»). А через 4 месяца ушла из жизни мать Мария-Луиза: 9 марта 1860 года она скоропостижно скончалась от чахотки (в возрасте примерно 35 лет). Дети остались круглыми сиротами, в то время Алеше было 6 лет, Боре 4 года, а Леве только 2 года. У отца близких родственников не было, а у матери была родная сестра, которая проживала также в Грузии в городе Кутаиси. Как потом вспоминал Алексей

Алексеевич в своих мемуарах: «и нас, всех трех братьев, взяла на воспитание наша тетка, Генриетта Антоновна Гагемейстер, у которой не было детей. Ее муж, Карл Максимович, очень нас любил, и они оба заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова [...] Дядя и тетя не жалели средств, чтобы нас воспитывать [...] французский язык был нам как родной» [33].

С юных лет все трое мальчиков выбрали карьеру профессиональных военных, но не все оставались ими до конца своих дней.

На данный момент известна единственная фотография, на которой изображены братья Брусиловы. Оригинал снимка

Портрет отца Алексея Николаевича Брусилова (1789-1859) [32].

хранится в военном архиве, на его обороте карандашом написано: «Алексей Алексеевич, Борис Алексеевич и Лев Алексеевич Брусиловы в 1880-х годах. Штатский – Борис Брусилов» [34]. Дату съемки можно уточнить, если учесть, что на изображении только один человек в гражданском костюме. Ниже будут приведены сведения о том, что Борис

* Следует отметить, что в литературе встречаются разные варианты написания девичьей фамилии матери братьев (отличия выделены автором): НестоеНская [30], НестоеМская [122], НестРоеНская и НестРоеМская [47], и даже Нестеровская [25]. Понять, какой вариант правильный, неспециалисту сложно, так как в своих мемуарах [33] Алексей Алексеевич девичью фамилию матери не упоминает. Разобраться в этом вопросе помогло архивное дело, в котором имеется послужной список отца Алексея Николаевича. В нем записаны сведения о браке: «Женат на дочери Коллежского Асессора НестоеНскаго девице Марии Луизе» [28].

Братья Борис, Лев и Алексей Брусиловы, Николаев, 1890 г. [34].

Алексеевич уволился из армии в самом конце 1889 года и потому можно предположить, что фотография была сделана вскоре после этого. Два других брата оставались военными намного дольше.

Указанный фотоснимок продублирован во многих книгах и публикациях, он размещен на разных интернет-сайтах (правда, везде качество изображения невысокое, поэтому пришлось заказывать копию снимка в архиве). На одном из них стоит подпись: «*Николаев, 1890 г.*» [35]. Почему указан именно этот город? Объяснение этому нигде не встречается, но на самом деле нетрудно догадаться. В своих мемуарах А.А. Брусилов говорит о брате Льве, что «*женился он в бытность свою в Черноморском флоте, в Николаеве*» [33] и потом прожил в этом городе около 20 лет. Можно предположить, что Алексей и Борис приехали в гости к младшему брату и потом вместе зашли в городское фотоателье.

* * *

Старший брат Алексей (1853-1926) почти всю свою жизнь был профессиональным военным и к концу карьеры достиг высоких чинов. В годы Пер-

вой Мировой войны командовал Армией, в 1916 году стал Главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Во время Февральской революции поддержал приход к власти Временного правительства. После Октябрьского переворота Алексей Алексеевич отказался вступать в Белое движение, с 1920 года стал служить в Красной армии, в 1923-1924 годах был инспектором кавалерии РККА. А.А. Брусилов скончался 17 марта 1926 года в Москве от воспаления легких в возрасте 72 лет и был похоронен на территории Новодевичьего монастыря недалеко от могилы друга генерала Ростислава Николаевича Яхонтова* (1858-1924) [25, 26]. Захоронение Алексея Алексеевича сохранилось (был лишь утрачен каменный крест, уже в наше время вместо него поставили новый памятник). Могила генерала находится за алтарем Смоленского собора монастыря.

О знаменитом генерале А.А. Брусилове опубликовано немало статей и книг, кроме того он написал свои мемуары под названием «Мои воспоминания», которые позже неоднократно переиздавались (выдержки из этого важного источника уже приводились ранее и будут ни один раз еще

Портрет А.А. Брусилова и памятник на территории Новодевичьего монастыря, 2017 г.

* Всю свою взрослую жизнь Р.Н. Яхонтов тесно был связан с братьями Брусиловыми. В 1876 году его определили в 15-й Тверской драгунский полк, в котором в то время служили молодые офицеры братья Брусиловы. С Борисом Алексеевичем он потом был однополчанином 13 лет вплоть до увольнения. А его полукровная сестра (по матери) Надежда Владимировна Желиховская в 1910 году стала второй женой Алексея Алексеевича.

приводиться). Известно, что Алексей Алексеевич был дважды женат, от первой жены* остался сын, которого также звали Алексей, он был полным тезкой отцу.

Однако нас больше интересуют отношения генерала с братом Борисом – владельцем усадьбы Глебово. К сожалению, эта сторона жизни военачальника в литературе освящена недостаточно. Алексей Алексеевич в своих мемуарах пишет о родственниках очень кратко: *«Мы все жили дружно, и семейные наши события всегда были близки одинаково нам всем, хотя часто мы жили в разных местах и виделись редко. По характеру, образу жизни и служебным интересам все три брата были весьма различны»* [33].

Некоторые подробности можно найти в Государственном архиве РФ (ГАРФ), где в отдельном фонде (Р5972)** собрана переписка генерала Алексея Алексеевича со своей второй женой Надеждой Владимировной Желиховской***. Сохранившиеся письма показывают, что отношения между братьями были теплыми, заботливыми. Они еще более укрепились, когда в 1909 году умер Лев, и из трех братьев-сирот остались только двое. Позже генерал в одном из писем жене так отзывался о Борисе: *«Он ведь у меня единственный брат»*. В других его посланиях встречаются такие слова: *«О Борисе ни слуха, ни духа»*, *«Видела ли Ты Бориса?»*, *«Передай эти несколько строк Борису»* [36]. Сохранилось письмо генерала с фронта, в котором сказано: *«Милый, дорогой брат Борис! Очень перед Тобой виноват за долгое молчание. Но если бы Ты варился в моем котле, то, вероятно, Ты бы мне простил, ведь мне приходится работать от 15 до 16 часов в день. Я до того устаю, что ложусь спать совершенно обалделым. В особенности тяжело было Главком. Ю-3. [Юго-Западным] фронтом. [...] Крепко Тебя любящий брат»* [36]. Иногда дело доходило и до критики близкого человека. Алексей Алексеевич

считал брата, который был моложе его, не слишком практичным, неэкономным и транжирившим деньги (об этом подробнее будет сказано ниже), порой отказывал дать взаймы. Но все же, следует сказать, что трения на почве финансов не портили отношения братьев.

О любви Алексея Брусилова говорит и то, как он близко переживал кончину родного брата. В мемуарах Желиховской есть такие слова о муже: *«Эти годы переживаний за Россию, потеря брата Бориса, скончавшегося в Бут. тюрьме, сына Алеши, пропавшего без вести, смерть моего брата Ростислава расшатала его здоровье окончательно. [...] вспоминал [Алексей] своего брата Бориса, умершего в Бутырской тюрьме в 1918 г. от острого припадка той же роковой для нашей семьи грудной жабы [...] бедный Борис в тюрьме без всякого ухода, без помощи задыхался. И несколько раз он воскликнул: Бедный, бедный мой Борис»* [37].

Все это говорит о крепкой братской любви Алексея к Борису. Хотелось бы узнать и об ответных чувствах. До недавнего времени документальных свидетельств об этом было совсем немного. В архиве ГАРФ сохранилось несколько писем Бориса Алексеевича. В одном из посланий 1915 года, отправленном по случаю присвоения Алексею очередного воинского звания генерал-адъютанта, от имени всей семьи было написано: *«все мы от всего сердца горячо поздравляем тебя и радуемся [...] До свидания, любящий тебя брат»* [38].

И вот совсем недавно в другом архиве (РГВИА) обнаружено около трех десятков оригиналов писем, написанных Борисом старшему брату на фронт во время войны в 1914-1916 годах [39]. К сожалению, работать с сохранившимися рукописными текстами оказалось совсем непросто из-за малоразборчивого почерка Бориса Алексеевича и тонкой просвечивающейся бумаги (текст написан на обеих сторонах листов). Из-за

* Первая жена Анна Николаевна, урожденная Гагемейстер, была племянницей для дяди и тети, воспитавших трех братьев сирот. В браке она взяла фамилию мужа. Интересно, что жену брата Бориса звали точно также – Анна Николаевна Брусилова (урожд. Рено). И еще. У каждой был сын, и обоих звали Алексей.

** Выдержки из писем любезно предоставлены Надеждой Александровной Родионовой, которая на протяжении ряда лет занимается исследованием документов фонда Р5972 и ей удалось найти в сохранившейся переписке немало упоминаний имен Бориса Алексеевича, его жены Анны (Нины) Николаевны, а также дочерей Ольги и Елены. Благодаря ее находкам удалось узнать про некоторые, ранее неизвестные, эпизоды из жизни родственников Брусиловых в 1910-х – 1930-х годах. Копия переписки генерала и его второй жены также имеется в архиве РГВИА в фонде 162.

*** Вторая жена после замужества взяла фамилию мужа и стала Брусилова. Однако в тексте для удобства идентификации будет использоваться ее девичья фамилия Желиховская.

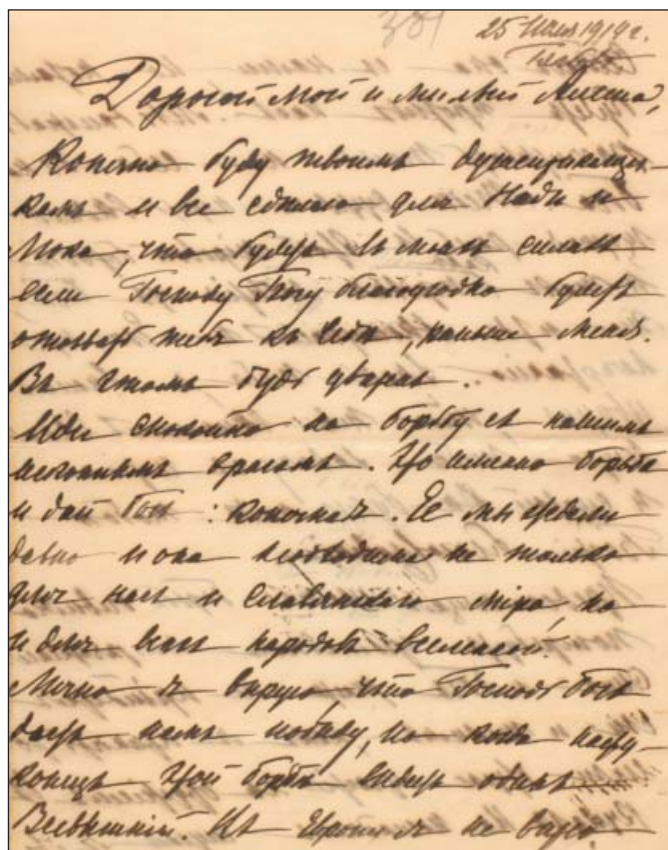
этого довольно много фрагментов посланий разоб-
раться не удалось. Но из того, что можно прочита-
ть, бросается в глаза, как часто в своих письмах
Борис адресует Алексею очень теплые слова:
«меня так сильно тянет к тебе», «Ведь я давно
хочу повидаться с тобой», «Все время думаю о
тебе и вижу во сне», «Нина* и я от всего сердца
благодарим тебя за это важное для нас одолже-
ние, без которого было бы нам трудно справиться
с текущими делами» (последние строчки были на-
писаны в ответ на то, что брат согласился одол-
жить 5.000 рублей). Практически каждое послани-
е из Глебово на фронт заканчивалось теплыми
словами: «Нина, дети и я крепко обнимаем тебя»,
или «От всего сердца любящий брат» [39].

Очень интересным и трогательным является
первое послание, которое было отправлено 25
июля 1914 года во время начала Мировой войны.
Алексей был кадровым военным и оба брата осо-
знавали, какая смертельная опасность грозит каж-
дому офицеру, который должен принимать участие
в боевых действиях. Но не было и речи, чтобы

уклониться от исполнения воинской присяги и
гражданского долга защиты Родины. Письмо
Алексея не сохранилось, но из ответа Бориса по-
нятно, что старший брат просил в случае своей ги-
бели на фронте быть его душеприказчиком (обыч-
но исполнителем завещания назначался самый
близкий человек, которому доверяли безогово-
рочно). Вот некоторые выдержки из ответного по-
слания Бориса на фронт: «Дорогой мой и милый
Алеша. Конечно буду твоим душеприказчиком и все
сделаю для Нади и Люка, что будет в моих силах,
если Господу Богу благоугодно будет отозвать
тебя к Себе раньше меня. Лично я верую, что Гос-
подь Бог даст нам победу. [...] Иди спокойно на
борьбу с нашим исконным врагом. Мы должны
рассчитывать только на себя и на Бога. [...] Если
же я умру раньше, а ты вернешься здоровым, то
и ты окажи помощь Нине, детям моим. Уверен,
что ты и без этой просьбы сделаешь все, что
будет возможно. До свидания дорогой брат.
Прими издали мое благословение, благослови и
меня с семьей. Господь да сохранит нас» [39].

До недавнего времени оставались некоторые
(совсем небольшие) сомнения насчет того: а
бывал ли Алексей Алексеевич в имении Глебово?
Казалось бы, о чем тут говорить, такие поездки
были бы вполне естественными, особенно, если
учесть дружеские отношения братьев, и то, что
Борис жил в своей усадьбе более 20 лет, а само
Глебово находилось недалеко от Москвы, в кото-
рой генерал многократно бывал. Однако прямых
подтверждений таким визитам в первоисточниках
долгое время не находилось. В различных доку-
ментах лишь упоминалось, сын генерала Алексей
Алексеевич младший (Люк) любил подмосковное
имение, много раз приезжал в гости к родствен-
никам. И вот, наконец, было обнаружено прямое
свидетельство от самого генерала, записанное в
1926 году незадолго до его смерти. Текст довольно
большой, но заслуживает того, чтобы привести
его целиком:

«В бытность свою инспектором кавалерии,
Алексей Алексеевич Брусилов организовал полевую
поездку (верхом) представителей всех частей
московского гарнизона с целью проверить уровень
подготовленности среднего командного и комис-
сарского состава. [...] Ехали мы верхом вдоль

Фрагмент первого письма Бориса брату
Алексею на фронт, 1914 г. [39].

* Нина – домашнее имя баронессы Анны Николаевны, жены Бориса Алексеевича Брусилова. Вообще у Брусиловых была традиция вторых имен. Например, Лина – это Елена, дочь Бориса; а Люк – Алексей Алексеевич, сын генерала. Почему были выбраны именно такие вторые имена – осталось загадкой.

речки. Алексей Алексеевич был заметно возбужден, дышал часто, как при сильной жаре, поправляя изжелта-седые усы. Впереди, в широкой долине, возник силуэт пирамидального храма. Я* бросил взгляд на картину: населенный пункт Глебово. Что-то знакомое, я слышал о нем когда-то, но не мог вспомнить. Деревня как деревня. Ряды изб. Остатки барской усадьбы. А вот храм, действительно, хорош! Даже старания местных разрушителей изувечить, испохабить это старинное сооружение не смогли испортить его красоты. Шатровая колокольня, окруженная по углам четырьмя башнями-звонницами, возвышалась над деревней, над местностью, придавая всему пейзажу некую завершенность. – Казанская церковь, – негромко произнес Брусилов, снимая фуражку с синим околышем и поднимаясь на ступенях. – Чудесное место, не правда ли? Река Истра, ее притоки – древняя обитель наших пращуров**. – Подъедемте ближе, – предложил я. – Нет, это было бы бестактно с моей стороны. Меня могут узнать, – ответил Брусилов. – Да и смотреть нечего. Обломки, – усмехнулся невесело. – На новых картах не совсем точное обозначение, Николай Алексеевич. Вернее – новое название. А прежде сей населенный пункт был известен как Глебово-Брусилово. Счастливейшие дни провел я в этой усадьбе. Думал, что и похоронят здесь. Алексей Алексеевич повернул коня, и мы поехали назад. Так попрощался он незадолго до смерти со своим прошлым» [40].

А совсем недавно были найдены еще два документальных подтверждения того, что генерал бывал в подмосковной усадьбе брата, причем задолго до революции. Первое – это запись в метрической книге приходской Христорождественской церкви села Филатово за 1904 год. В ней говорится о рождении сына Алексея у помещика Бориса Брусилова и указаны восприемники: «Генерал-майор Алексей Алексеевич Брусилов и Капитана 1-го ранга Льва Алексеевича жена Екатерина Константиновна Брусилова» [41]. Это означает, что Алексей приезжал в Глебово (вполне возможно, что специально) и стал крестным отцом у своего племянника.

Второе свидетельство обнаружено в мемуарах Желиховской, которая пишет о событиях 1911

года вскоре после своего бракосочетания с А.А. Брусиловым: «Мы в эту зиму ездили к ним на праздниках в имение Глебово под Москвой. [...] В давние годы мы были хороши с Борисом и Ниной, рожденной баронессой Рено, пировали на их свадьбе; [...] Я знала, что они были очень сердиты на Алексея Алексеевича за то, что он женился на мне, не спросив их совета» [37].

* * *

В приведенной выше выписке из метрической книги упомянуто имя «Капитана 1-го ранга Льва Алексеевича». Это третий, младший брат Л.А. Брусилов (1857-1909). Он тоже выбрал карьеру военного, но пошел в морской флот и дослужился до звания вице-адмирала. О его отношениях с Борисом никаких подробностей не обнаружено. Но учитывая, что Алексей писал о теплых и близких чувствах между родственниками, то это означает, что у Бориса и Льва также были хорошие отношения и что тот наверняка приезжал в подмосковное имение к брату, как и его жена Екатерина Константиновна, упомянутая в метрической книге (это значит, что она точно была в Глебово). Интересно, что Лев Алексеевич был похоронен в Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в одной ограде с первой женой старшего брата Анной Николаевной урожд. Гагемейстер (она умерла годом раньше).

У Льва Алексеевича было четверо детей: Татьяна, Ксения, Георгий и Сергей (смотри древо родословной в конце книги). Из них сын Георгий Львович Брусилов (1884-1914) стал знаменитым. Он, как и отец, пошел служить в военно-морской флот, со временем стал лейтенантом. В 1910-1911 годах участвовал в гидрографической экспедиции по Северному Ледовитому океану. И после этого, как пишут в литературе, «заболел» этим краем. Георгию захотелось организовать собственный арктический поход, пройти на шхуне по северному морскому пути до Тихого океана. Однако на это требовалось много денег. Таких средств у него не было, но он их нашел у близких родственников – дяди и тети, проживающих в Глебово. Именно благодаря помощи родни в 1912 году состоялась полярная экспедиция. В одной из книг про это сказано так: «она почти целиком была снаряжена на

* В книге говорится, что повествование идет от человека по имени «Н.А. Лукашов».

** На самом деле подмосковное имение не было родовым для Брусиловых, которые были из Орловских дворян (по отцовской линии), и в Глебово семья Бориса переехала после его покупки в конце XIX века.

Портрет Л.А. Брусилова и захоронение в Александро-Невской лавре, 2018 г.

деньги его дяди Бориса Алексеевича Брусилова, который дал на проведение экспедиции 200 тыс. рублей» [26].

Существуют также и иные сведения о размере финансовых вложений родственников в подготовку морского похода: «Сам Г.Л. Брусилов ничего, кроме своего полярного опыта, в общий пай внести не мог. Испросив отпуск, он отправился в Англию и за 20 тысяч рублей купил там старую, но еще крепкую паровую шхуну "Пандора". Ее переименовали в "Св. Анну" – по имени А.Н. Брусиловой, отпустившей на снаряжение экспедиции 90 тысяч рублей» [42]. Как видно – в литературе приводятся существенно различающиеся денежные суммы и, не имея первоисточника, трудно определить, какие цифры верны. К счастью, это удалось сделать благодаря недавно обнаруженному прямому свидетельству. В переписке генерала с женой в одном из писем, датированным 1915 годом, встречаются такие слова: «Борис оказывается не сто, а двести тысяч ухлопал на экспедицию Юрия [Георгия] Львовича» [43]. Стоит лишь добавить, что в 1912 году это были весьма большие, можно сказать – огромные деньги.

Вкладываемые в экспедицию средства дяди и тети не были благотворительностью с их сто-

роны – Борис Алексеевич и Анна Николаевна рассчитывали все вернуть сполна. Как сказано в одном из современных изданий, посвященных истории пропавшей экспедиции: «Компромисс между возвышенным и приземленным удалось найти быстро: одной из главных целей экспедиции должна была стать банальная охота. Охота на медведей, тюленей и моржей. А также исследование зверозаготовительных возможностей вдоль всего этого маршрута. Короче говоря, для финансирования экспедиции была создана зверобойная компания, основными – но не единственными – акционерами которой стали дядя Борис и его супруга. Все это предприятие являлось, надо сказать, сугубо частным» [44].

Все финансовые и прочие договоренности между родственниками были оформлены юридически. 14 июля 1912 года был составлен особый договор, который подписали: «поверенный жены своей Анны Николаевны Брусиловой действительный тайный советник* Борис Алексеевич Брусилов, с одной стороны, а с другой – лейтенант флота Георгий Львович Брусилов» [45].

Но не все в подготовке похода происходило споро и гладко, уходило много времени: «Нужды экспедиции Борис Алексеевич согласился оплачи-

* Скорее всего, чин Б.А. Брусилова указан неверно. В различных официальных документах начала XX неоднократно упоминается, что он был действительным статским советником.

Портрет Г.Л. Брусилова, шхуна "Святая Анна" на рейде в Петербурге, 1912 г.
(музей Северного флота в г. Мурманск).

вать только по частям при предоставлении сметы всех текущих расходов. Коммерческая составляющая проекта выглядела так: от всех доходов будущей пушной концессии Георгию причиталась четверть. Остальное делили между собой дядя с тетей. [...] И вдруг перед самым отплытием родной дядя командира шхуны, московский помещик Борис Алексеевич Брусилов, один из основных акционеров новоявленной зверобойной компании, предъявляет условие – он вкладывает дополнительные средства, но все прочие компаньоны должны выйти из дела. Кроме племянника, разумеется. И первый помощник капитана, и акционер лейтенант Н.С. Андреев выходят из состава экспедиции. [...] На самом деле дядя выплачивает необходимые суммы с огромным опозданием, судно простаивает неделями, а нанятые матросы неделями не получают денег» [46]. Мотивы задержек в выплатах средств нигде не объясняются. Но догадаться об их причинах нетрудно – ведь, как известно из других источников, свободных денег у семьи Брусиловых не было (об этом подробнее будет сказано ниже).

Так прошла половина лета и только в конце июля 1912 года экспедиция на шхуне "Святая Анна" вышла в море из Петербурга. Через не-

сколько недель судно зашло в Александровск-на-Мурмане* и потом отправилось в дальнейший путь по северным морям. Но далеко шхуна не смогла уплыть – полярное лето очень короткое, благоприятное время для похода было упущено. В конце сентября судно оказалось в ледовом плену и начало дрейфовать.

В письмах Бориса Алексеевича на фронт несколько раз упоминается полярная экспедиция племянника. Так в октябрьском послании 1914 года говорится: «Юра [Георгий Брусилов] же со Св. Анной зажатой льдом в Карском море в 1912 г. [...] и пошел вокруг Земли Франца Иосифа к Шницбергеноу. Об этом он сам мне телеграфировал из Рынды 18 августа 1914 г. Рында – телеграфный пункт на Мурманском берегу. Отправил же депешу штурман "Св. Анны" Альбанов. [...] Альбанов покинул Св. Анну 10 апреля 1914 года. [...] По мнению Альбанова Св. Анна может выбраться на свободную воду у Шницбергеноу только через год» [39]. Видимо предсказание спасшегося штурмана Альбанова не сбылось, так как шхуна нигде позже не была обнаружена. В сентябре 1915 года Борис писал брату: «Я отправил запрос о нашей экспедиции и вот что он [начальник в Мурманске] мне ответил: "пока определенных сведе-

* Ныне это город Полярный недалеко от Мурманска.

ний о Юрии не получено»». Что же, в конце концов, стало с руководителем похода Георгием Львовичем Брусиловым – осталось загадкой. Понятно, что он погиб, но где, когда и при каких обстоятельствах? Где находятся останки шхуны “Святая Анна”? Прошло уже более века со времени пропажи судна с экипажем. Немало людей в разное время пытались найти следы пропавшей экспедиции, делается это и в наше время. Но многое по-прежнему покрыто тайной.

По мотивам истории полярной экспедиции на шхуне “Святая Анна” и биографии Г.Л. Брусилова известный писатель Вениамин Каверин в годы войны написал роман “Два капитана”, который был очень популярен в свое время. Книга эта хорошая, интересная, на ней воспитывалось не одно поколение советских детей. Однако к ней надо от-

носиться не как к историческому документу, а как к художественному произведению, в котором писатель, имея право на вымысел, многое в сюжете придумал. В частности, некоторые люди считают, что прототипом отрицательного персонажа Николая Антоновича Татарина, которого главный герой романа считает основным виновником неудач экспедиции, был дядя капитана судна Борис Брусилов. Это ошибочное мнение. К сожалению, официальных бумаг о подготовке и прохождении полярного похода сохранилось очень мало. Однако другие исторические документы, которые удалось собрать в архивах о личности Бориса Алексеевича, свидетельствуют о том, что ему не были присущи такие черты характера, как трусость, подлость, корысть и лживость, свойственные отрицательному персонажу романа Каверина.

Обложка книги В. Кавелина
“Два капитана”, 1956 г.

Юные годы, служба Бориса Брусилова

Рассказав о близких родственниках, знаменитых представителях рода Брусиловых, пора перейти, собственно, к описанию жизни последнего владельца усадьбы Глебово и его семьи.

Борис родился в Тифлисе 15 сентября 1855 года (28 сентября по новому стилю). Крестили мальчика в местном Николаевском соборе, восприемницей при этом была родная тетя (по линии матери) Генриетта Антоновна Гагемейстер [47]. Как уже говорилось ранее, именно она вместе со своим мужем Карлом Максимовичем стала воспитывать Бориса и его братьев, когда мальчики в раннем детстве остались круглыми сиротами. Проживало семейство Гагемейстер в Грузии. Видимо, от них братьям-сиротам позже досталось имение, о котором в архивном документе сказано так: «*Имение его [Б.А. Брусилова] родовое нераздельное с двумя братьями в Кутаисской губернии Сухумского округа 500 десятин земли*» [48]. Где точно находились эти земли – нигде не конкретизируется.

И.В. Обьедков в своей статье «*Алексей Алексеевич Брусилов и его учеба в Пажеском корпусе в 1867-1872 гг.*» [49] приводит ранее неизвестные сведения о детстве братьев, на какие средства они жили, как учились. Среди источников, которыми пользовался исследователь, указано архивное дело «*О пенсии семейству умершаго Генерал-Лейтенанта Брусилова, 1859-1869 гг.*» [31], некоторые сведения почерпнуты из этого очень ценного документа.

В статье сообщается, что отец Алексей Николаевич «*По выслуге лет [...] имел право на ежегодную пенсию в размере 1145 руб. серебром, которая и была предоставлена его вдове Марии-Луизе Антоновне и троим сыновьям*». Это были не такие уж большие деньги – когда был жив Алексей Николаевич, то он, будучи генералом, получал жалование в несколько раз больше (4.092 рубля). После смерти Алексея Николаевича вдове трудно было прожить с тремя детьми на резко снизившиеся доходы, и она, используя свое знакомство с главнокомандующим Кавказской армией, обратилась за помощью и нашла в этом вопросе поддержку. В итоге была назначена «*усиленная пенсия*» 2.000 рублей в год, из которых одна половина предназначалась ей самой, а другая – на троих сыновей. Увы, через 4 месяца Мария-Луиза умерла. И на содержание сирот осталась только их часть пенсии в тысячу рублей.

Ранее уже отмечалось, что оставшихся без отца и матери братьев взяла к себе на воспитание тетя Генриетта Антоновна Гагемейстер. Как она сама потом написала: «*мне, как ближайшей родственнице, встала доля усыновления моих племянников*». Тетя хотела дать мальчикам хорошее образование, но на это пенсии не хватало. В 1861 году она обратилась в военное министерство с просьбой об увеличении вдвое пособия на содержание сирот, обосновывая это так: «*пожалованная [...] в 1000 руб. пенсия покрывали только крайне необходимые [расходы] на содержание, так что при постепенном усилении воспитания [...] чувствую, что не в состоянии выполнить священной обязанности на мне лежащей*» [31]. Однако Генриетта Антоновна получила отказ, размер пенсии остался прежним. Нехватка денег, вероятно, сказалась не в лучшую сторону на качестве образования детей, а это, в свою очередь позже негативно повлияло на их учебу в Петербурге.

Как уже говорилось выше, в роду Брусиловых практически все мужчины были военными, поэтому с выбором будущей профессии братьев-сирот вопросов не возникало. Высшим учебным заведением страны, где готовили кадровых офицеров, являлся столичный Пажеский корпус (его приемником потом стало Суворовское военное училище). Право на обучение своих детей в этом элитном учреждении имели только знатные лица государства или имеющие особые заслуги. Отец Алексей Николаевич, как дворянин, генерал и «*ветеран наполеоновских войн и Кавказской войны, имел право на зачисление сыновей в самое привилегированное военно-учебное заведение Российской империи*» [49], и он им воспользовался. Однако прежде чем отправлять детей на учебу в корпус, сначала следовало записать их кандидатами в пажи и потом на протяжении ряда лет ждать своей очереди, когда освободится место. Число учеников в Пажеском корпусе было ограниченным и небольшим (в 1870-х годах во всех 6 классах обучалось примерно 150 человек). Поэтому родители записывали своих детей кандидатами как можно раньше в ожидании, что к моменту их взросления нужное место как раз освободится. Точно так же сделал и Алексей Николаевич. 27 июля 1857 года вышел приказ «*по Военно-учебным заведениям*», в котором говорилось: «*сыновей Председателя Полеваго Аудито-*

Императорский Пажеский корпус, Петербург, 1858 г. (литография по рисунку И.И. Шарлеманя).

риата Отдельного Кавказского Корпуса Генерал-Лейтенанта Брусилова, Алексея и Бориса Брусиловых зачислить в Пажжи к Высочайшему Двору с внесением в список общих кандидатов Пажеского Его Императорского Величества корпуса» [50]. Стоит отметить, что первому сыну было почти 4 года, а второму не исполнилось еще и 2 лет.

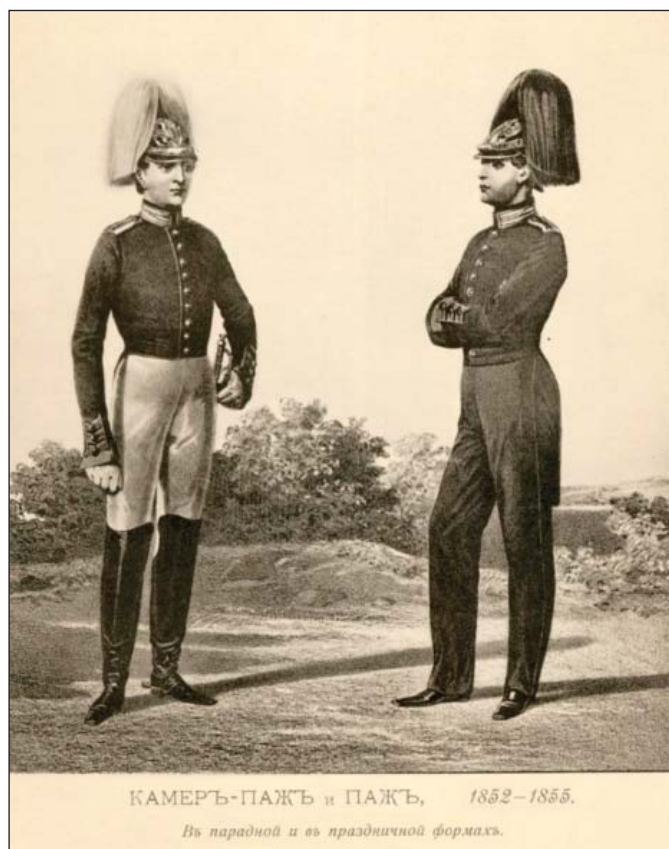
Через 10 лет подошла очередь, и в 1867 году дядя Карл Максимович Гагемейстер отвез Алексея в Петербург, где его зачислили в Пажеский корпус. Мальчик, как сирота, был определен на казенное содержание (обучение каждого пажа обходилось казне в тысячу рублей в год), но при этом уже лишился права на пенсию. В результате выплаты оставшимся братьям Борису и Льву должны были уменьшиться на треть. Тетя Генриетта Антоновна вновь обратилась в военное ведомство с прошением о материальной поддержке, но ходатайствовала в этот раз не об увеличении, а об оставлении пенсии в прежнем размере (1.000 рублей). Свою просьбу она мотивировала следующим образом: *«на воспитание двух меньших его братьев остается 666 руб. 66 коп. в год, сумма чрезвычайно недостаточная, если принять в соображение дороговизну с которой сопряжено изыскание педагогических и учебных пособий в г. Кутаисе. Мои собственные ограниченные средства не позволяют мне уделять на это предмет,*

[...] я не замедлила бы поместить меньших в низшие классы военно-учебных заведений, но к сожалению здоровье этих двух сирот так слабо, [...] что по заверению медиков они могут безопасно переносить один лишь южный климат, поездка на север раньше, чем достигнут периода их юности была бы для них губельна» [31]. На сей раз просьбу удовлетворили, пенсию не уменьшили.

В приведенной цитате говорится о слабом здоровье двух «меньших» братьев. Сложно сказать, что изменилось за год, стал ли крепче здоровьем Борис или тете уже просто стало трудно воспитывать мальчиков, но так или иначе, следом за старшим братом на учебу в столицу отправился средний: *«Второй сын Борис Брусилов зачислен на казенное содержание в 2-ю Петербургскую Военную гимназию в сент. 1868 г.»*. Как и Алексея, Бориса в дороге сопровождал кто-то из опекунов (дядя или тетя), ведь мальчику было всего 13 лет. Путь из Грузии в Петербург в те времена был долгим и недешевым. Как писала потом Генриетта Антоновна в прошении: *«При этом двукратныя путевыя издержки в Петербург для доставления двух мальчиков в учебныя заведения обошлись мне не мало, едва собственные средства позволили. [...] чтобы привезти их в Петербург для определения в казенное заведение вошла в долг» [31].*

Борис проучился в гимназии всего один учебный год. А потом 15 июля 1869 года вышло распоряжение Императора: «*Пажей, кандидатов Пажескаго Корпуса [...] определить в августе сего года в комплект на вакансии открывшиеся выпуском воспитанников на службу Бориса Брусилова, Льва Брусилова*» [51]. Как видно из цитаты, в самом престижном заведении могли начать обучение сразу два брата. Но этой возможностью воспользовался только один, про Льва тетя написала: «*по малолетству и слабому здоровью не может быть перевезен в Петербург*» [31]. Может возникнуть вопрос: а почему Борис сначала поступил в гимназию, и только через год перешел в корпус, ведь он там числился кандидатом много лет? Об этом в источниках не говорится, можно лишь предположить, что в 1868 году свободной вакансии еще не было. Но зачем тогда мальчика повезли в Петербург, если не было места? Ответа на это пока нет...

Итак, спустя 12 лет после ожидания своей очереди Борис оказался в Пажеском корпусе, куда его еще совсем маленьким ребенком записал отец. В том же военно-учебном заведении уже 2 года учился старший брат Алексей. В корпусе принято было обращаться к ученикам по фамилиям, и чтобы по документам различать родственников,

КАМЕРЪ-ПАЖЪ и ПАЖЪ, 1852–1855.
Въ парадной и въ праздничной формахъ.

Форма камер-пажа и пажа, 1855 г.

особым приказом 21 августа 1869 г. было велено именоваться пажем: «*Алексею Брусилову – № 1, Борису Брусилову – № 2*» [51].

Порядки в Пажеском корпусе были довольно строгие, даже общение близких родственников ограничивалось. В упомянутой выше статье приводятся сведения из внутреннего распорядка, которые имеют прямое отношение к Брусиловым: «*Пажи 5-6 классов могли общаться со своими братьями, зачисленными в младшие классы, каждый вечер с 20.00 до 20.30 в течение первого месяца. По его истечении встречи ограничивались средами и пятницами, но в экстренных случаях можно было получить разрешение на короткую встречу у дежурного по роте или у воспитателя*» [49]. А ведь Алексей и Борис были еще подростки, да к тому же круглые сироты, которые почти все время находились на казарменном положении. Кому-то могут показаться такие правила слишком суровыми и жестокими. Но так будущим офицерам прививалась дисциплина и стойкость к трудностям.

Обучение наукам обоим братьям давалось не просто, сказывались кроме этого особенности переходного возраста. В статье И.В. Обьедкова, посвященной в основном Алексею Брусилову, говорится о том, что тот некоторые учебные предметы не любил и учил их ровно настолько, чтобы получить удовлетворительные оценки и перейти в следующий класс. Но не всегда это удавалось, случались и переэкзаменовки по отдельным предметам. А по итогам завершения учебы в 5-м классе Алексей, «*не выдержав экзамена и не захотев оставаться на второй год, [...] взял годичный отпуск и уехал к родным на Кавказ*». Такой перерыв в учебе ныне назвали бы «*академическим отпуском*».

Примерно так же не очень удачно складывались дела в Пажеском корпусе и у Бориса. Об этом свидетельствует один из архивных документов 1871 года, в котором про него говорится, что «*По определению воспитательнаго комитета прибавлены баллы в поведении, 4 класс, I отделение Брусилову: из 6 – [до] 7 баллов*» [52]. С учетом того, что в корпусе была принята 12-бальная система и нижней удовлетворительной считалось 6 баллов, то поведение пажа с такими оценками, как у Бориса, следует считать далеким от идеального. Вероятнее всего, средний брат находился под влиянием старшего Алексея, который, как написано в упомянутой статье, начал курить «*и вошел*

в товарищеский кружок шалунов». Но это лишь версия о возможном дурном влиянии родственника. Но вот о чем точно можно говорить, так это о том, что оба брата Брусиловых не числились в Пажеском корпусе среди лучших воспитанников ни в науках, ни в поведении.

Обучение пажей в корпусе в то время начиналось с 3-го класса. Борис его закончил в 1870 году и перешел в 4-й класс, который завершил со средней оценкой 7,54 [53]. Это невысокий результат, но его хватило для перевода в следующий класс. А вот учеба в 5-м классе по каким-то причинам не заладилась, средний бал по итогам учебного года был крайне низким – 5,77. С такими оценками он не мог продолжать учебу. Поэтому в 1872 году Борис, как и двумя годами ранее Алексей, взял годовой отпуск и уехал к дяде и тете в Кутаиси.

А вот дальше судьбы братьев складывались по-разному. Если Алексей по завершении своего годового отпуска возвратился в Пажеский корпус, сдал необходимые экзамены и продолжил обучение, то Борис в Петербург уже не вернулся. Осенью 1873 года истек срок отпуска, однако в корпусе он так и не появился, и более того, там не знали о причине неявки. Было принято решение об отчислении пажа как «не явившагося в срок из онаго [отпуска]». Однако по требованию Главного Управления военно-учебных заведений сначала запросили опекуна инженер-полковника К.М. Гагемейстер о причине невозвращения воспитанника. Тот ответил: «Племянник мой, паж Борис Брусилов после тяжелой его болезни еще не поправился на столько, чтобы мог явиться из годового отпуска в Пажеский Корпус для продолжения наук, а потому оставлен в моем доме» [54]. Следом в феврале 1874 года дядя сперва послал телеграмму, а потом отправил письмо директору корпуса, в котором написал: «Желая определить племянника моего пажа Бориса Брусилова на службу в один из полков Кавказской Армии, я покорнейше прошу распоряжения [...] о высылке в непродолжительное время документов в окружной штаб Кавказскаго Военнаго Округа в г. Тифлис» [55]. Просьба опекуна была выполнена, документы выслали, а самого пажа отчислили. Таким образом, Борис

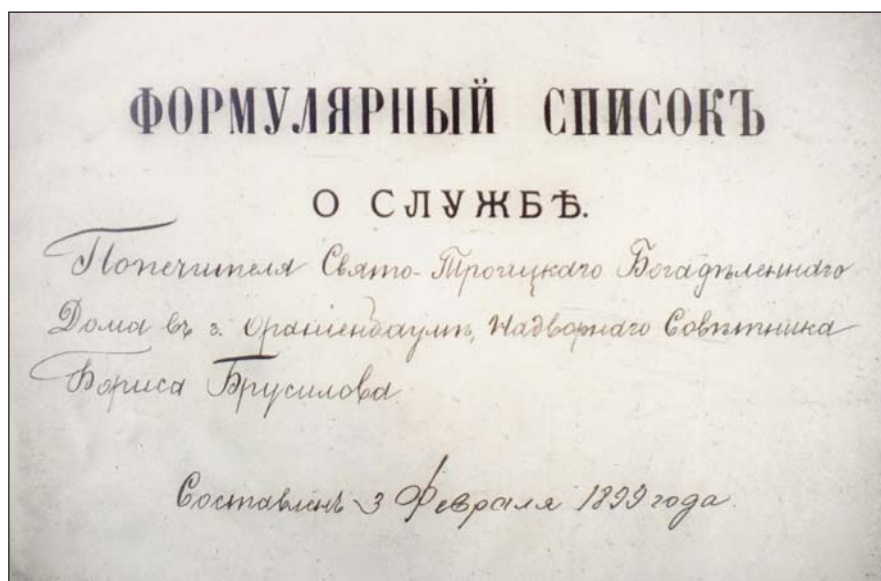
проучился в Пажеском корпусе ровно половину положенного срока: 3 года вместо 6.

На данный момент это все сведения, которые удалось собрать об обучении Бориса в Петербурге. По правде говоря, их не очень много, особенно в сравнении с его братом Алексеем (тот проучился в корпусе 5 лет). К счастью, информации о дальнейших годах жизни Б.А. Брусилова обнаружено существенно больше.

* * *

Основной источник данных по биографии Бориса Алексеевича, особенно раннего периода – это «Послужной список», он же «Формулярный список» (далее – ФС). В архивах было обнаружено несколько вариантов этого ценного документа. Самый ранний (по дате написания) находится в военном архиве РГВИА, он был составлен в 1889 году по случаю увольнения Б.А. Брусилова из армии [56]. Следующий ФС обнаружен в петербургском архиве РГИА и датирован 1899 годом [57]. Третий написан в 1906 году, его место хранения в московском архиве ЦИАМ [48]. И, наконец, в самый последний момент в РГВИА был найден еще один ФС Брусилова, составленный в 1907 году [28].

Сравнивая все эти варианты списков, можно отметить, что информация об армейской службе Бориса Алексеевича везде представлена примерно одинаково, что в принципе и следовало ожидать. А вот сведения о гражданской карьере наиболее полно отображены в последних двух вариантах, что тоже вполне естественно, если учесть время их составления.

Фрагмент титульного листа формулярного списка Б.А. Брусилова, 1899 г. [57].

Информация, приводимая в ФС, очень важна для описания биографии Бориса Алексеевича (особенно его воинской службы). Ввиду значительного объема списка ниже приводятся только самые важные сведения (полная версия документа дается в Приложении).

Сведения о карьере Бориса Алексеевича начинаются со слов: «*В службу вступил из корпусных пажей Двора Его Императорского Величества и по выдержании установленного экзамена в науках унтер-офицером* на правах вольно определяющихся [зачислен] в 13 Л.-Гв. [Лейб-Гвардии] Эриванский Его Величества полк, 1874 года февраля 28*». Таким образом, в 19 лет молодой офицер оказался в действующей армии на юге Российской империи. Через 2 месяца он был «*переведен в 15 (ныне 43) драгунский Тверской Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего полк*». Следует отметить, что в той же воинской части в это время находился и старший брат, который в своих мемуарах сказал так: «*Борис служил вначале в том же самом Тверском драгунском полку на Кавказе, как и я*» [33]. Но почему именно эта часть свела братьев? Объяснение очень простое, его дал Алексей: «*мой выбор пал на Тверской полк вследствие того, что дядя и тетка рекомендовали мне именно этот полк, как ближе всего стоящий от места их жительства*» [33].

Однако в этом полку Борис Алексеевич пробыл недолго (через несколько лет он потом вернулся в него). Для того, чтобы иметь возможность в будущем продвижения по службе, ему надо было закончить свое прерванное в Пажеском корпусе военное образование. Поэтому в августе того же 1874 года, как сказано в ФС, он был «*Командирован в Ставропольское юнкерское училище*» и находился там 2 года. Информация об итогах обучения Брусилова в указанном училище обнаружена в архиве РГВИА, в одном из дел которого хранятся аттестаты «*портупей-юнкеров*»**. В документе, который получил Борис, сказано: «*с 1 сентября м-ца 1874 г. по 11 июля 1876 года обучался в Ставропольском казачьем юнкерском училище, состоял по поведению в первом разряде*» [58].

Оценки, выставленные в аттестате, свидетельствуют о том, что юноша успешно зарекомендовал себя как в обучении традиционным учебным предметам, так и в изучении военного дела и в

строевой подготовке – по всем предметам аттестован от «*хорошо*» до «*отлично*». Как видно, результаты обучения в юнкерском училище явно лучше, чем были в Пажеском корпусе. Да и к поведению («*в первом разряде*») претензий не было. Почему так? Возможно, в Ставрополе было легче учиться, климат был более благоприятный, да и дом находился ближе. Но, скорее всего, сказалось то, что юноша к тому времени повзрослел и стал относиться к учебе серьезно. В конце аттестата имеется запись: «*Ныне по окончании курса наук в училище юнкер Борис Брусилов установленный экзамен выдержал, как имеющий все условия [...] для второго разряда, признается достойным к производству в офицеры на вакансию*» [58].

По окончании училища, согласно записи в ФС, Борис был «*произведен в прапорщики с переводом в 18 драгунский Переславский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк*». А в марте следующего 1877 года вернулся в свой Тверской полк, откуда был направлен на учебу в Ставрополь.

В это время началась Русско-Турецкая война. Борис Алексеевич участвовал в боевых действиях на Кавказском театре военных действий и вскоре был отмечен первой своей наградой: «*За отличие, оказанное в разновременных делах и перестрелках с турками награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, августа 30*» (здесь и далее награды для наглядности выделены в тексте жирным шрифтом). В ФС имеются сведения о конкретных заданиях командования, которые выполнял Брусилов. Приходилось Борису Алексеевичу участвовать и в непосредственных боевых стычках с турками, например: «*16 апреля [1877 г.] перестрелка кавалерии под Карсом у Азад-Кеви. [...] 20, 21, 22 сентября трехдневное сражение с Турецкою армиею под Аладжинскими высотами и у гор Б. и М. Аты [...] 5 октября перестрелка кавалерии с частями войск Карскаго гарнизона у сел. Магараджихи*».

Интересно отметить, что записи в формулярных списках братьев Бориса и Алексея периода Русско-Турецкой войны на Кавказском фронте почти дословно совпадают, они были вместе во многих походах и сражениях.

По завершении войны с турками Б.А. Брусилов принимал участие в еще одной известной военной

* Унтер-офицер примерно соответствует званию сержанта в нынешней армии.

** Портупей-юнкер – звание старшего юнкера в военных училищах (из словаря Ушакова).

Офицеры Кавказского фронта, 1878 г. (сайт "Забытые фотографии русско-турецкой войны").

кампании, ознаменовавшей присоединение Средней Азии к Российской империи. Это так называемая «Ахал-Текинская экспедиция 1880–1881 годов». Офицер отличился при взятии крепости Геок-Тепе (ныне город Гекдепе в Туркмении) под командованием ставшего потом знаменитым генерала Михаила Дмитриевича Скобелева. Молодого офицера наградили вторым боевым орденом: «*В награду отличного мужества и храбрости оказанных в делах с Текинцами [...] в составе войск Закаспийского края в 26 день августа 1880 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом*».

В 1881 году Борис Алексеевич был произведен в поручики. В том же году «*За отличие, оказанное*

в разное время с Текинцами в составе войск, действующих в Закаспийском крае награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами».

В июле 1882 года «*В награду отличий, оказанных в делах с Текинцами в 1880-1881 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степ. с мечами и бантом*». Это был уже 4-й боевой орден у молодого офицера, причем, если первый заслужил «*За отличие*» в Русско-Турецкой войне, то остальные три получил за военные операции в Средней Азии.

В 1884 г. сослуживцы выразили Брусилову свое доверие, избрав его членом полкового суда. А через год он уже стал «*Заведующим учебною командою*» (пробыл в этой должности до 1886 г.). Затем был «*Командирован в Инструкторский*

Армия Скобелева отражает атаку туркменской конницы.

отдел офицерской кавалерийской школы для прохождения курса Инструкторов».

В феврале 1887 года Бориса Алексеевича произвели в штабс-ротмистры, потом он «Окончил курс отдела верховой езды и выездки лошадей офицерской кавалерийской школы [на] “отлично”». В 1888 г. вернулся в свой 43-й (бывший 15-й) Тверской полк и в том же году был «награжден орденом св. Анны 2 степени».

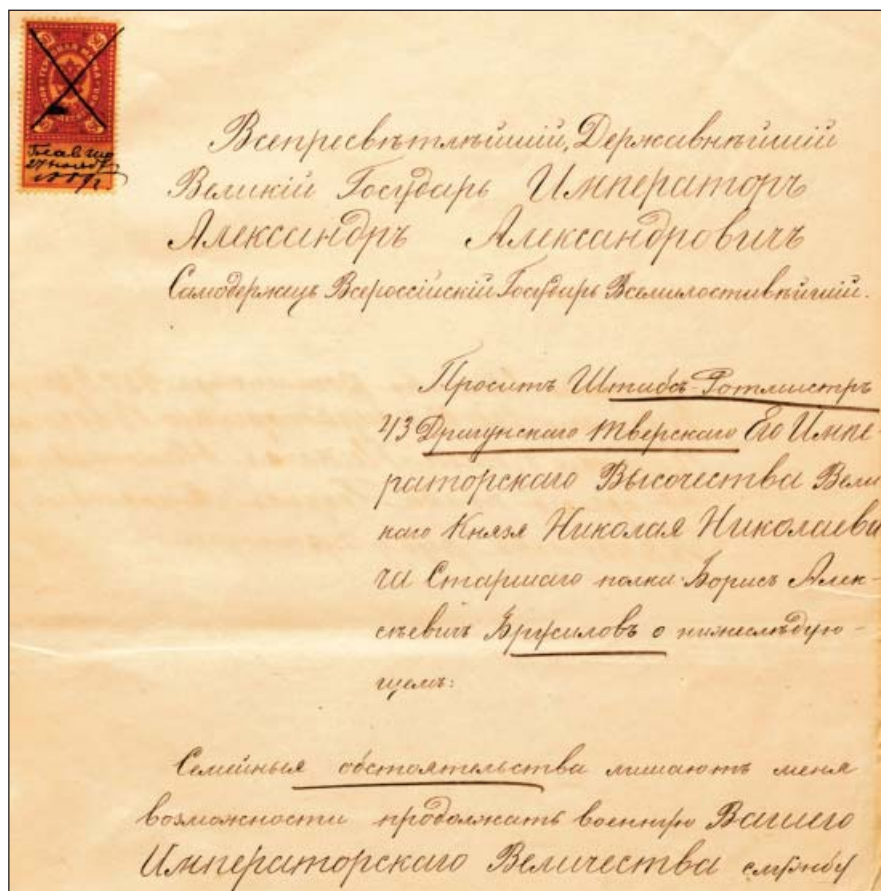
Через год завершилась воинская служба Б.А. Брусилова. Как следует из документов – она сложилась удачно, не только из-за значительного числа наград и повышений в чинах, но немаловажным является то, что офицер «Ранен и в плену у неприятеля не был». Лишь несколько раз в бумагах упоминаются некие «уважительные» медицинские свидетельства, представляемые в оправдание задержек возвращения из отпусков. Таким образом, если вычесть годы учебы, в действующей армии Брусилов прослужил около 14 лет, причем большую часть времени в 15-м (потом 43-м) Тверском драгунском полку. Этот срок хоть и заметно меньше, чем отдали воинской службе его родные братья Алексей и Лев, но все равно можно сказать, что армейские заслуги Бориса также приумножили доблесть и славу рода Брусиловых.

Молодой офицер оказался явно не из трусливых. На юге страны ему довелось принимать непосредственное участие в нескольких военных кампаниях. К 33 годам на его груди было уже 5 орденов* Российской империи, причем заработанных не в тиши кабинетов или благодаря знатному роду, а честно заслуженных за ратный труд и подвиги в рядах действующей армии при выполнении различных, в том числе и опасных приказов командования. Кроме этих наград, у него были еще и три «серебряные медали: за Турецкую войну 1877-1878 гг., за взятие штурмом Ахал-Текинской крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года, в память царствова-

ния императора Александра III и установлением в память всех походов и в Средней Азии 1853-1895 гг.» [28]. Вот какой славный боевой путь оказался у Б.А. Брусилова! Как жаль, что эта сторона жизни Брусилова до сих пор не была известна нашим современникам.

Сведения о наградах и продвижении по службе для наглядности сведены в единую таблицу. По ней наглядно видно, когда и какими наградами Борис Алексеевич был отмечен. В общей сложности у него было 3 серебрянных медали и 6 орденов (о последнем будет сказано отдельно). И что следует подчеркнуть особо, 4 ордена были с припиской «с мечами», то есть получены за боевые заслуги. Такой характерной деталью в Российской империи помечались военные награды, чтобы их можно было отличить от таких же гражданских.

Молодому офицеру было всего 34 года, когда он вышел в отставку. Почему это случилось так рано – об этом удалось узнать совсем недавно. В военном архиве обнаружено дело, в котором имеется рапорт с прошением об отставке, поданный

Фрагмент рапорта об увольнении
Б.А. Брусилова, 1889 г. [56].

* В некоторых источниках сообщается, что Б.А. Брусилов имел только три ордена. Это подтверждает то, что его формулярный список не был известен современным исследователям.

	<p>1869-1872 – учеба в Пажеском корпусе, г. Петербург, знак воспитанников (слева).</p> <p>1877-1889 – служба в 15-м (43-м) драгунском Тверском полку, нагрудный знак (справа).</p>	
	<p>1877, 30 августа – орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.</p> <p>? – серебряная медаль “В память русско-турецкой войны 1877-1878”.</p>	
	<p>1880, 26 августа – орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (слева).</p> <p>1881, 17 июня – орден Св. Станислава 2-й степени с мечами (справа).</p>	
	<p>? – серебряная медаль “За взятие штурмом Геок-Тепе”.</p> <p>1882, 8 июля – орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.</p>	
	<p>1888, 9 декабря – орден Св. Анны 2-й степени (слева).</p> <p>1899, 8 декабря – орден Св. Владимира 3-й степени (справа).</p>	
	<p>? – серебряная медаль “За походы в Средней Азии 1853-1895 г.г.”.</p>	

Награды и знаки отличия Б.А. Брусилова.

штабс-ротмистром Б.А. Брусиловым 27 октября 1889 года. В нем объясняется причина такого решения: «Семейные обстоятельства лишают меня возможности продолжить военную Вашего Императорского Величества службу» [56]. Подробности не приводятся, но они и так понятны. Незадолго до этого Борис Алексеевич женился, и в семье появилась дочь Мария. Видимо, после полутора десятков лет трудных и опасных военных походов, проживания в непростых полевых условиях захотелось спокойной семейной жизни, домашнего уюта. Возможно, на решение выйти в отставку повлияла и кончина дочери, которая прожила менее года.

Указанное архивное дело об отставке небольшое по объему, но содержит некоторые интересные детали, ранее неизвестные. Например, указывается воинская должность и чин перед увольнением: «полковой наездник», «штабс-ротмистр*» (как видно, воинское звание у Брусилова было невысоким). Приводятся также сведения о денежном довольствии, которое получал офицер в армии: «жалование 507 руб. и столовых 276 руб. в год». В деле имеется еще одна любопытная бумага, озаглавленная «Реверс». В ней Борис Алексеевич писал, что «если последует разрешение об увольнении меня от воинской службы, то о казенном содержании просить нигде не буду» [56]. Прошение рассматривалось примерно полтора месяца и 14 декабря того же года было удовлетворено. Увольняющемуся был присвоен гражданский чин титулярного советника.

* * *

После ухода из армии Б.А. Брусилов, как сказано в ФС, практически сразу был определен в Петербург на службу в Министерство внутренних дел (МВД) и «Откомандирован для занятий в Главное тюремное Управление» [28]. На новом месте Борис Алексеевич добросовестно трудился, спустя непродолжительное время, 30 августа 1890 года ему была объявлена «искренняя благодарность Министра за особо усердные труды [по проведению] бывшего в С-Петербурге IV Международного Тюремного Конгресса и международной

тюремной выставки». Примерно в это же время «произведен за выслугу лет в Коллежские Ассесоры со старшинством». А 29 ноября 1891 года Борис Алексеевич был «назначен Попечителем Свято-Троицкого Богадельного Дома в Ораниенбауме» и менее чем через месяц уволился из МВД «за истечением срока». 11 марта 1894 года последовал очередной чин: «произведен за выслугу лет в Надворные Советники со старшинством».

Петербургский период жизни Бориса Алексеевича продолжался около 5 лет: с конца 1889 и примерно до 1893-1894 годов (до покупки имения под Москвой). В столице у Брусиловых родились две дочери: Ольга и Елена (об этом подробнее будет сказано далее). Обе были крещены в Казанском соборе, вполне возможно, поблизости от него и проживала семья (адрес дома и квартиры нигде не указан).

Информацию о продвижении на гражданской службе, присваиваемых чинах можно найти в Приложении. Стоит лишь особо отметить награждение Брусилова шестым орденом: «За благотворительное служение на пользу Свято-Троицкого Богадельного Дома Всемилоостивейше пожалован Кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени». А также присвоение очередного классного чина в 1905 году: «за заслуги оказанные Свято-Троицкому Богадельному Дому чином Действительного Статского Советника». Это, по-видимому, были последние награда и продвижение по службе, о последующих знаках отличия достоверных сведений не обнаружено.

Таким образом, как минимум 16 лет** Б.А. Брусилов был связан с Богадельным домом***. Все это время он был Попечителем этого благотворительного учреждения, даже после увольнения со службы и переезда из столицы в подмосковное имение Глебово. Именно за деятельность на этом поприще Брусилов и получал очередные классные чины.

В чем именно заключались функции Попечителя (помимо него такую же должность при Богадельном доме занимало еще немало людей)? Ответ на этот вопрос удалось найти в представлении, подготовленном в 1905 году «Попечитель-

* Штабс-ротмистр – этот чин кавалерии соответствовал званию капитана в пехоте.

** Когда именно Борис перестал быть Попечителем Богадельного дома, пока не установлено. В 1907 г. он им еще был [28], а в 1914 г. в одном из писем написал в прошедшем времени: «я был попечителем» [39].

*** Богадельными домами (Богадельнями) в России до 1917 года называли приюты для престарелых и инвалидов.

ным советом Свято-Троицкого Богдельного дома» [59]. В нем имеются такие слова: «за оказанные сему благотворительному учреждению труды и материальныя пожертвования Высочайшаго награждения [...] попечителя дома Статского Советника Брусилова [...]». Это надо понимать так, что Борис Алексеевич жертвовал на благотворительные дела личные средства и, кроме того, видимо, участвовал в заседаниях Попечительского совета, помогал в решении возникающих вопросов. К сожалению, информация о разmere пожертвований нигде не приводится.

Выше уже отмечалось, что Свято-Троицкий Богдельный дом располагался в г. Ораниенбауме. Этот заштатный город находился недалеко от Петербурга, ныне это г. Ломоносов Ленинградской области. Богдельный дом был основан в 1859 году «для престарелых и убогих женщин», в 1868 году при нем был организован Попечительский совет [60]. Деревянное здание бывшей богдельни уцелело*. Это хорошо. А плохо то, что сохранившиеся постройки ныне бесхозны и постепенно разрушаются. По обнаруженным в интернете сведениям, бывший Богдельный дом «неоднократно пытались поджечь» [60].

Следует немного рассказать о географии переездов и поездок Бориса Брусилова: где, в каких ме-

стах в течение своей жизни ему довелось побывать. Родился он в Грузии (в то время она была в составе Российской империи), военную службу проходил в южных краях, принимал участие в различных воинских походах на территории Турции, Закавказья и Средней Азии. Ему дважды доводилось длительное время проживать в Петербурге: в юном возрасте, когда обучался в гимназии и в Пажеском корпусе, и потом во время службы в МВД. В столицу Брусилов неоднократно приезжал по делам и позже, например, сохранились 2 письма брату Алексею, написанные в 1914 и 1915 годах из Петрограда, в одном из них объясняется причина поездки: «мне дали всего 129 рублей в месяц пенсию» [39]. В мемуарах Желиховской описывается также эпизод, когда в Петербурге в начале 1910-х годов собрались семьи родных братьев [37].

Относительно посещения других городов и мест удалось узнать следующее. В одной из книг сообщается, что семья Бориса приезжала на встречи с братом Алексеем в имение его первой жены, находившееся недалеко от Ревеля (ныне Таллинн) [25]. Борису Алексеевичу также доводилось ездить на юг Малороссии (ныне Украина). Например, одна из сохранившихся фотографий (там, где он с братьями) сделана в городе Николаеве. Вероятно, Б.А. Брусилов бывал и в еще одном украинском городе

Открытка с видом Богдельного дома в г. Ораниенбауме, нач. XX века [60].

* Современный адрес: Ленинградская область, г. Ломоносов, ул. Оранжерейная, д.18 (рядом с Троицким кладбищем и одноименным храмом).

Херсоне (на родине жены) – ведь имение Глебово было дважды заложено в банке и необходимые бумаги заверялись нотариусами этих двух южных городов. Для полноты картины надо напомнить и о его двухлетнем периоде обучения в Ставропольском юнкерском училище.

Доводилось ли Борису Алексеевичу бывать за границей Российской империи? Выше уже говорилось о боевых походах в Турцию и Среднюю Азию, в которых он участвовал во время воинской службы. А вот ездил ли Брусилов в зарубежные страны после отставки, бывал ли в Европе (как его брат Алексей) – сведения об этом пока не обнаружены. Можно лишь сказать, что в первые годы после отставки денежные средства для таких поездок имелись и, по крайней мере, одним из иностранных языков он владел (французским).

После приобретения имения Глебово, находящегося в Звенигородском уезде, семья Брусило-

вых переехала в него для постоянного проживания. Безусловно, Борису Алексеевичу приходилось по различным делам выезжать в Москву, благо она находилась неподалеку. Такие поездки, вероятнее всего, сопровождались последующей ночевкой. Были ли у семьи Брусиловых дом или квартира в Москве – сказать трудно, напрямую об этом нигде не говорится. Но, скорее всего, собственного жилья в городе не было. В пользу такого предположения свидетельствует такой факт, упомянутый в одном из писем Желиховской: она сетует, что Борис неразумно тратит большие деньги на проживание в московской гостинице “Дрезден”, тогда как мог бы останавливаться в квартире брата в Мансуровском переулке и платить только за телефон [61]. Об отсутствии жилья в Москве говорят и слова самого Бориса Алексеевича, написанные им в конце 1916 года: *«пока не будет квартиры в Москве, будем жить в Глебово»* [39].

Дом в Мансуровском переулке, в котором жил генерал А.А. Брусилов, 1920-е гг. (фото с сайта pastvu.com)

Церковный староста Казанской церкви

К числу наиболее ранних документированных упоминаний, где связывается имя помещика Брусилова с селом Глебово, относится архивное дело 1894 года. В нем сообщается, что в приписную Казанскую церковь 24 октября прибыл настоятель храма села Филатово «для совершения вселенской панихиды по в Бозе почившем Государе Александре Александровиче, и потом для приведения г. Брусилова со всеми его служащими и рабочими к присяге и благодарного молебна» [62]. Указана фамилия приходского священника – Феодор Ильинский. Через несколько месяцев вместо него в село Филатово настоятелем был назначен молодой иерей Алексей Смирнов.

Начиная с 1896 года в различных архивных делах, касающихся храмов сел Филатово и Глебово, фамилии приходского священника Смирнова и помещика Брусилова довольно часто упоминаются вместе. Одним из первых таких документов является «Книга прихода церковных сумм Казанской церкви с. Глебово» [63], которая сохранилась в архиве музея «Новый Иерусалим» в фонде Звенигородского духовного Правления. Финансовый отчет за январь 1896 года в этой книге подписали: «Священник Алексей Смирнов, псаломщик Михаил Гусев, псаломщик Николай Зве-

рев, церковный староста Надворный Советник Борис Алексеевич Брусилов».

Объяснение совместному упоминанию фамилий простое. Борис Алексеевич был избран церковным старостой кладбищенской Казанской церкви села Глебово, которая являлась приписной к Христорождественскому храму. По существующим в то время правилам ряд отчетных документов должны были подписывать все служители. Должность старосты подразумевала, что избранный на нее должен следить за порядком в своем храме и радеть о его благолепии, вести строгий учет прихода и расхода денег в церковной кассе. Возникающие вопросы староста решал совместно с настоятелем храма. Поэтому Брусилов и Смирнов по церковным делам постоянно контактировали между собой.

В отличие от других служителей должность церковного старосты была выборная, и срок пребывания на ней определялся тремя годами. Но при этом ограничений на количество последующих перевыборов не было. Избирали церковного старосту на сходе всех прихожан, присутствовали и члены причта. Потом протокол собрания передавался в уездное духовное Правление, далее в Консисторию и священноначалие его утвер-

№ статей по порядку.	Месяць и число.	Приходъ 1896 года.	
		Переносъ	
1	Январь	Закада айль и продажки своихъ 0 динъ (1) рубль.	
2		Кружкового и кашемяковаго сбора 56 коп.	
		Всего въ кешайку айль Декабря мѣсяца	
		Наличными 181 р 40 к.	
		Билетай айль	мѣсяць
	Въ Январь пошутно:	Наличными 1 р 56 к.	
		Билетовъ	мѣсяць
		Всего въ приходъ Наличными 182 р 96 к.	
		Священникъ Алексей Смирновъ	
		Псаломщикъ Михаилъ Гусевъ	
		Псаломщикъ Николай Зверевъ.	
		Церковный Староста Надворный Советник	
		Борис Алексеевичъ Брусиловъ	

Фрагмент листа из книги прихода денег церкви села Глебово, 1896 г. [63].

ждало, либо нет. По документам Брусилов являлся старостой почти все время, пока проживал в Глебово. Как сказано в клировой ведомости за 1916 год, он находился в этой должности уже «шесть трехлетий» [48]. То, что Бориса Алексеевича многократно переизбирали всем приходом на эту должность, говорит о том, что помещик всех устраивал, со своими обязанностями справлялся хорошо, и люди ему доверяли учет церковных денег.

Среди обнаруженных архивных документов стоит выделить дело 1898 года о разборе жалобы [64], в которой некоторые прихожане села Филатово высказывали недовольство своим священником Алексием Смирновым. Батюшка, в частности, обвинялся в том, что слишком большое внимание уделял приписной Казанской церкви в ущерб приходской Христорождественской. Консистория поручила благочинному провести следствие по указанному вопросу. И в итоге разбирательства настоятель был оправдан. Это дело интересно многими подробностями, в нем приводятся письменные объяснения, как настоятеля храма Смирнова, так и церковного старосты Брусилова. Так, например, священник сообщал о том, что староста заботится о Казанской церкви: «приписная церковь требует поддержки в благолепии, только благодаря помещику сельца Глебова г-ну Брусилову она еще не находится в упадке» [64]. И добавлял, что владелец усадьбы подарил в приходскую церковь села Филатово «четыре серебряно-вызолоченных лампады пропильной работы, им же жертвуется и на освещение храма». В свою очередь староста дал такие пояснения: «Вне очередного служения по воскресным дням в Казанской церкви служатся по средам Литургии и молебны с чтением акафиста Пресвятой Богородицы, что учреждено мною частным соглашением с о. Смирновым в благодарность к Царице Небесной за великую милость Ея к нам».

В указанном деле приводятся уникальные сведения о расписании Богослужений, проходивших в Казанском

храме в 1898 году (подобного документа ни для какой другой церкви Истринского района обнаружить пока не удалось). На отдельной бумаге записано: «Январь: [число] 1, четверг – Новый год; 7, среда; 11, воскресенье – очередная; 21, среда; 28, среда;» и т.д. [64] (смотри копию листа с расписанием). Как видно – службы в церкви села Глебово совершались регулярно и довольно часто, если учесть ее приписной статус.

В другом архивном документе, в котором содержится опись Христорождественского храма села Филатово, приводятся такие слова: «При церкви имеется два каменных входа с тремя железными дверьми, а кругом оной каменная с железной решеткой ограда с двумя входами, покрыта железом и устроена в 1898 году благотворителем Борисом Алексеевичем Брусиловым и Ольгой Тимофеевной* Поповой» [65].

Через пару лет в МДК рассматривалась еще одна жалоба нескольких прихожан на местного священника Алексия Смирнова, в которой настоя-

Список 15.

Создания отслужившихся в приписной Казанской церкви с 1 Января 1898 года

<i>Месяца</i>	<i>Дни</i>	<i>В какие дни отслужившихся созидана</i>	
<i>Января</i>	1	<i>Четверг</i>	<i>Новый год</i>
	7	<i>Среда</i>	
	11	<i>Воскресенье</i>	<i>Очередная</i>
	21	<i>Среда</i>	
<i>Февраля</i>	28	<i>Среда</i>	
	1	<i>Воскресенье</i>	<i>Очередная</i>
	4	<i>Среда</i>	
	15	<i>Воскресенье</i>	<i>Очередная</i>
	18	<i>Среда</i>	
<i>Марта</i>	25	<i>Среда</i>	
	1	<i>Воскресенье</i>	<i>Очередная</i>
	7	<i>Суббота</i>	<i>Вспомогательная служба</i> <i>Крестного. пед. п.</i>
	9	<i>Понедельник</i>	<i>Товные</i>
	11	<i>Среда</i>	
	12	<i>Четверг</i>	<i>Товные</i>
	15	<i>Воскресенье</i>	<i>Очередная и товные</i>
	18	<i>Среда</i>	
19	<i>Четверг</i>	<i>Товные</i>	

Лист с расписанием Богослужений в Казанской церкви, 1898 г. [64].

* О.Т. Попова владела усадьбой в соседнем сельце Чаново Рузского уезда, входящим в приход церкви села Филатово. На ее средства до 1908 года в указанном сельце содержалась школа для деревенских детей [126].

телю вменялось в вину то, что он из Христорожественского храма самовольно передал в приписную Казанскую церковь древнюю икону Богоматери. И вновь после разбирательства выяснилось, что претензии безосновательны и потому были отклонены. Указанное дело интересно тем, что объясняет, по какой причине Брусиловым были пожертвованы в Филатовский храм упомянутые выше 4 лампы. История эта занимательная и ее стоит привести целиком, как написано в архивном деле:

«Икона Богоматери “Споручница Грешных” до поступления о. Смирнова в с. Филатово находилась не в храме, а наверху под крышею храма, лежала вместе с рухлядью церковною как ненужная, потемневшая. О. Смирнов, пересматривая там ветхия церковныя вещи, нашел ее, немного промыл, поправил ее и вместо того, чтобы лежать ей наверху за неимением свободного места в Филатовской церкви, поставил ее в приписной Казанской церкви, так как Филатовская церковь много меньше приписной Казанской, и вся так много занята Св. иконами, что свободного и приличного места для этой иконы не имеет, кроме окон, где прихожане обыкновенно кладут свои картузы или шапки. Напрасно они называют эту икону древней, она просто старая, неветхая потемневшая икона без всяких украшений около аршина вышины и ширины. Когда владелец сельца Глебова, он же и Церковный Староста Казанской церкви г. Брусилов узнал, что Филатовские прихожане недовольны этим перемещением иконы в Глебовскую церковь, которая находится в центре их прихода и все прихожане свободно могут приходить и ходят молиться, то он пожертвовал от себя в Филатовскую церковь четыре серебряныя вызолоченныя 84-й пробы лампы к четырем местным иконам, стояция не меньше сто рублей» [66].

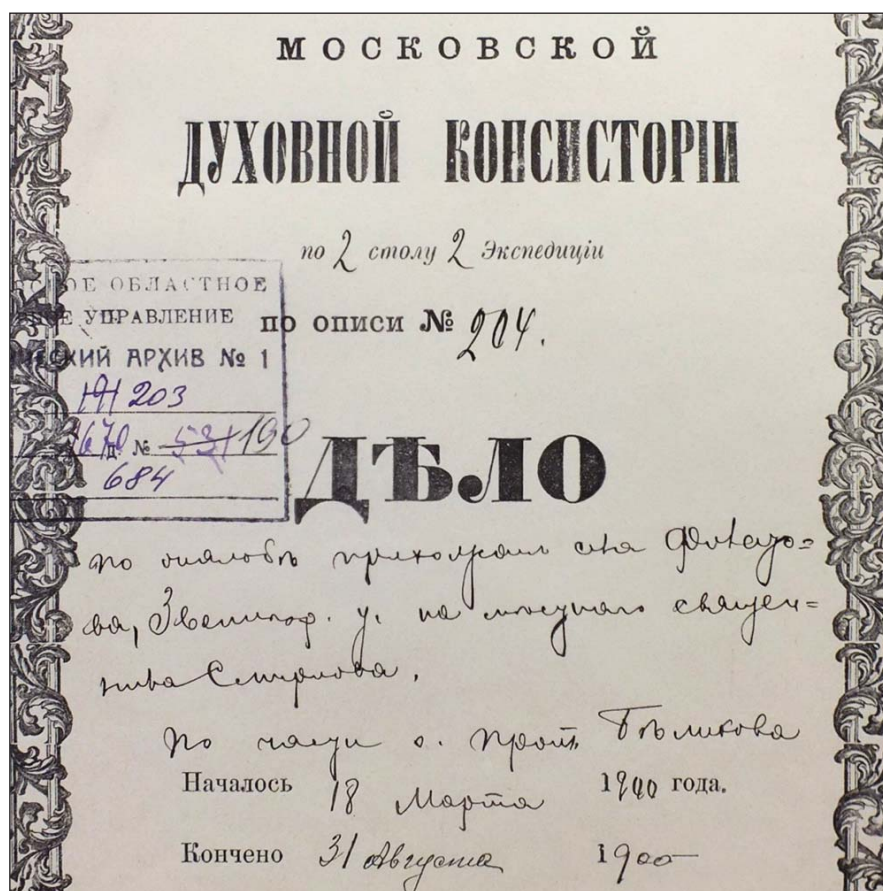
В том же архивном деле имеется еще одно свидетельство помощи помещика приходскому храму: «Обнести оградой приходское кладбище вместе с восстановле-

нием на нем ветхой деревянной часовни изъявил свое согласие владелец сельца Глебова Надворный Советник Борис Алексеевич Брусилов, о чем уже и подано прошение Епархиальному начальству, если только прихожане привезут от него лес для этой ограды».

Дело не ограничилось только ограждением кладбища и восстановлением часовни, вскоре пришлось решать вопрос поиска места, где хоронить людей. И вновь пришел на помощь староста: «причт Христо-рождественской села Филатова церкви донес, что существующее при церкви кладбище в настоящее время стало тесно, и что прихожане желают отвести для кладбища церковный участок земли, за каковой помещик Борис Брусилов жертвует в церковь 300 руб» [67]. Необходимые деньги вскоре были выделены.

* * *

В одной из приведенных ранее цитат говорится о «ветхой деревянной часовни» на кладбище. Ко-гда, при каких обстоятельствах она там появилась? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо совершить небольшой экскурс в историю данного места.

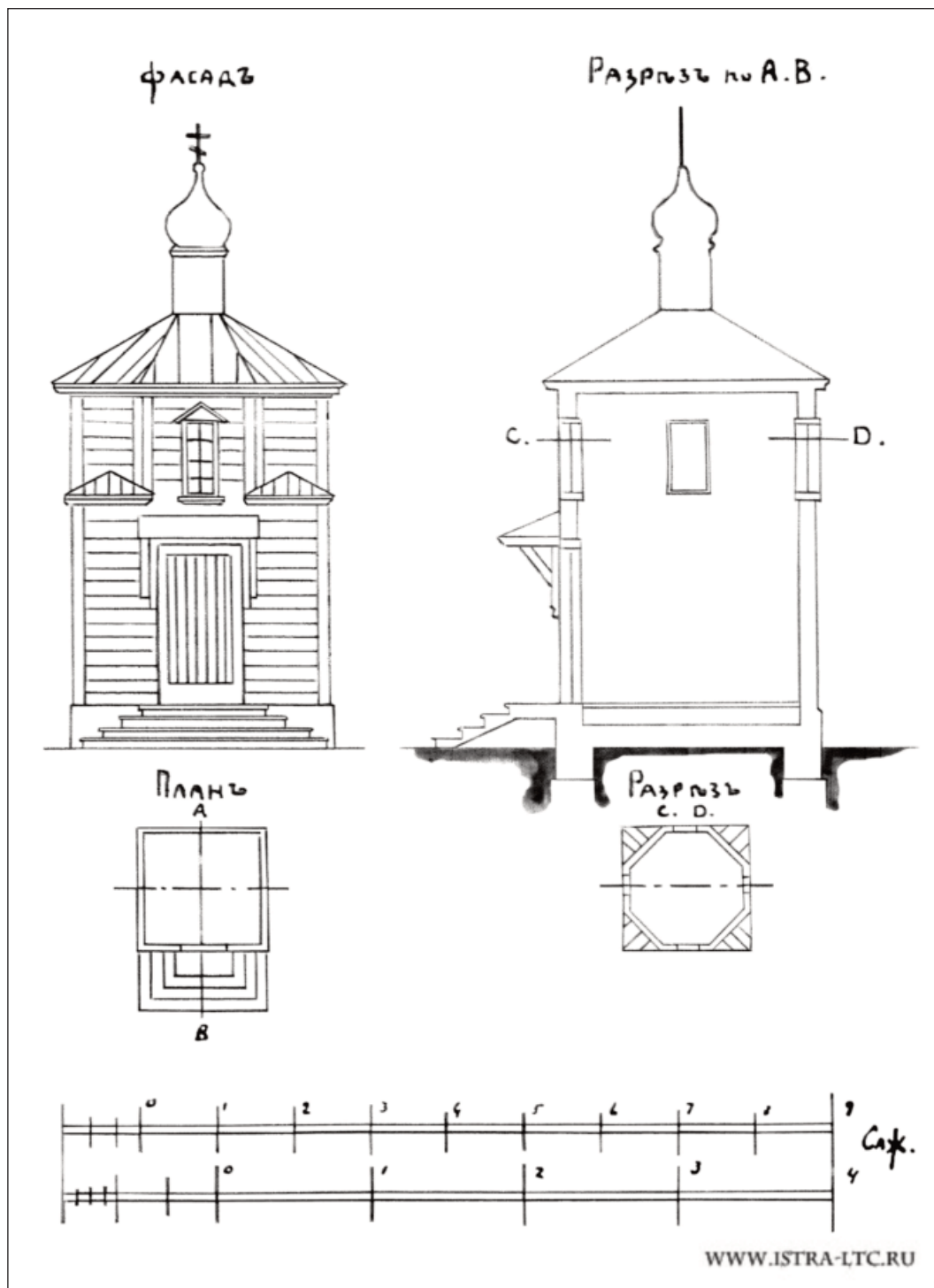

Фрагмент титульного листа дела о жалобе на священника, 1900 г. [66].

Посредине дороги между селами Филатово и Глебово с давних пор находится сельское кладбище, на котором местные жители хоронят умерших родственников. Эта местность прежде именовалась «Рождественский погост на Мологоще», здесь сохранились древние курганы славянских племен, тут, по преданию, когда-то был женский монастырь. И хотя информация о существовании древней обители в этих краях не нашла подтверждения в первоисточниках, православный храм Рождества Христова там имелся издавна, это

подтверждается записью в Писцовой книге Рузского уезда 1567-1569 годов [1]. Упомянутая церковь простояла до 1707 года, когда взамен обветшавшего строения был построен новый деревянный храм.

Вторая церковь простояла столетие и сгорела в 1808 году. Не сразу решился вопрос об опустевшем церковном месте. Сначала хотели храм на кладбище восстанавливать, а регулярные Богослужения предложено было временно проводить в расположенной поблизости каменной Христорож-

Чертежи новой часовни на Рождественском погосте, 1906 г. [69].

дественской церкви, которая в те времена числилась приписной к погостовской. Однако в течение нескольких последующих лет никаких приготовлений к строительству не делалось, и потому священноначалие отменило прежнее решение о восстановлении кладбищенской церкви и утвердило Филатовский храм как приходской. А там, где прежде на погосте стояла церковь, во избежание осквернения Святого места в 1823 году соорудили часовню. Она простояла несколько десятилетий, пока в начале XX столетия строение не обветшало. Именно об этом говорится в приведенной выше цитате. Для возведения новой постройки требовались деньги, и их согласился дать церковный староста по своей доброй воле. Данный факт помощи подтверждает запись, обнаруженная в журнале МДК за 1906 год: «*вместо ветхой часовни согласно проекту, утвержденному Строительным Отделением Московского Губернского Правления устроить новую на средства землевладельца Бориса Алексея Брусилова*» [68]. Чертежи при этом не прилагались, они обнаружены в другом архивном деле [69]. Глядя на фасад часовни можно отметить, что вид ее довольно необычный.

Была ли часовня построена в том виде, как показана на чертежах, сказать трудно, так как фотографий ее нигде не обнаружено. Но старожилы

утверждают, что она точно существовала и находилась вблизи захоронения членов семьи последнего Филатовского священника Алексия Смирнова. Разрушили часовню перед войной, место, где она стояла, опустело, со временем туда стали сваливать кладбищенский мусор. Так продолжалось многие годы.

В 2016 году это Святое место решили благоустроить местные жители Станислав Францевич Мякота и Мария Ивановна Ларикова. За два летних сезона с помощью многочисленных помощников в этом уголке сельского кладбища была проделана большая работа: расчищена и выровнена площадка, установлен Памятный крест и несколько информационных щитов с историей Рождественского погоста и прежде находившихся здесь церквей и часовен, проложена аккуратная дорожка из плит, собраны заброшенные старинные надгробия со всего кладбища, заменены кресты и ограда на месте захоронения членов семьи священника Алексия Смирнова.

* * *

Но вернемся в начало XX века. Следует подчеркнуть, что Глебовский помещик вовсе не должен был жертвовать личные деньги и утварь в Филатовскую церковь, его обязанностью было следить за благолепием приписного Казанского храма,

Церковное место на Рождественском погосте, 2018 г.

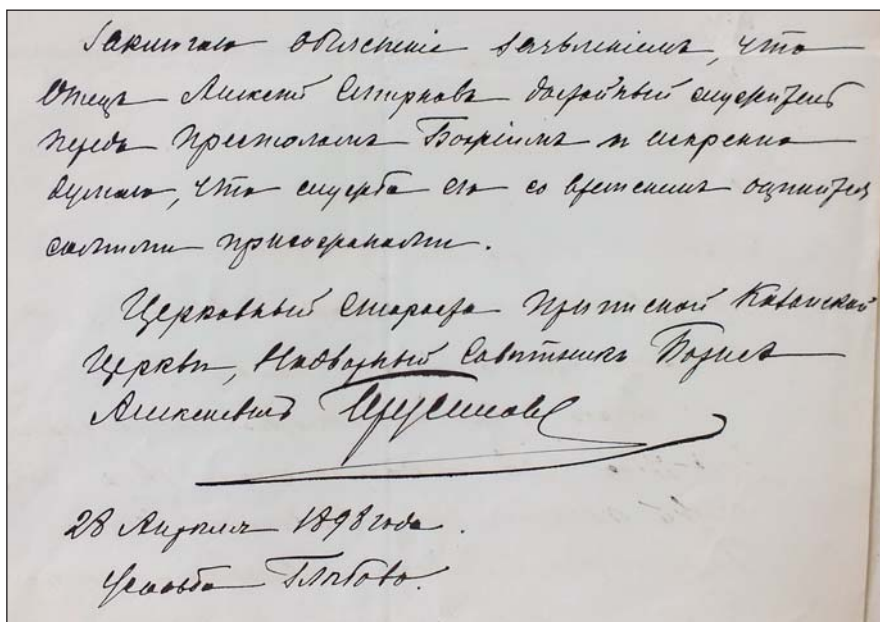
Отец Алексей Смирнов с дочерьми, 1916 г.
(музей священномученика в селе Филатово).

где он был старостой. Трудно сказать, можно ли отношения между Б.А. Брусиловым и А. Смирновым назвать дружбой (ни в одном из обнаруженных документов напрямую об этом не говорится). Но многочисленные факты помощи приходскому храму говорят о том, что у церковного старосты с самого начала установился хороший личный контакт с настоятелем приходского храма (у них была не такая уж большая разница в возрасте – Борис Алексеевич был всего на 12 лет старше о. Алексия).

О неформальных отношениях этих людей, которые явно превышали чисто служебные, свидетельствуют многочисленные вы-

писки из метрических книг Христорождественской церкви села Филатово, согласно которым почти у всех детей, родившихся у настоятеля, восприемником при крещении был записан Б.А. Брусилов. По воспоминаниям дочерей батюшки, добрый помещик неоднократно делал в их семью ценные подарки, некоторые из них сохранились. Ниже будет представлена фотокопия страниц книги, подаренной помещиком священнику Алексею Смирнову.

В судьбах обоих служителей оказалось немало схожего. Назначение на свои церковные должности оба получили в одном и том же 1895 году: Алексей Смирнов был определен настоятелем храма села Филатово 29 июня, а Бориса Брусилова утвердили старостой Казанской церкви полгода спустя – 11 декабря [48, 70]. И потом на протяжении многих лет до конца своих дней оба честно и преданно несли свое служение Церкви. Еще надо отметить, что каждый пробыл на своей должности дольше других предшественников: Борис Алексеевич был церковным старостой более 20 лет*, а срок настоятельства о. Алексия в селе Филатово в два раза больше. Это говорит об истинной вере и преданности обоим служению Господу Богу. И, наверное, поэтому оба потом были арестованы и замучены безбожной советской властью.

Фрагмент листа с отзывом Брусилова о священнике Смирнове, 1898 г. [64].

* Самый поздний из обнаруженных архивных документов, где Брусилов упоминается как церковный староста, датирован 1916 годом [48]. Но при этом нет сведений о том, что позже он оставил эту должность. А учитывая, что Борис Алексеевич умер всего через два года, можно предположить, что Брусилов оставался старостой до последних дней своей жизни. И тогда его стаж церковнослужителя Казанской церкви составляет 23 года.

Здесь уместно привести характеристику, которую дал церковный староста настоятелю храма села Филатово в ответ на жалобу некоторых прихожан: *«Отец Алексей Смирнов достойный служитель перед Престолом Божиим и искренне думаю, что служба его со временем оценится самими прихожанами»* [64]. Под этими словами стоит подпись Бориса Алексеевича и дата – 28 апреля 1898 год. Впереди у двух служителей было еще много лет совместного труда на благо Церкви.

Как Брусиллов оказался прав, насколько пророческими были его слова! Опытный (но не старый еще) человек, прошедший через ряд войн и побывавший во всяческих опасных переделках, хорошо разбирался в людях. Думается, что уже с первых

месяцев знакомства и после нескольких Богослужений Борис Алексеевич понял, что молодой священник – настоящий Пастырь душ человеческих. Спустя некоторое время все недоразумения между иереем и недовольной частью прихожан села Филатово исчезли, батюшку полюбили местные верующие люди, неоднократно потом его выручали в трудные советские годы.

Ныне Алексей Смирнов прославлен в лике святых Православной Церкви как новомученик. В селе Филатово в сохранившемся доме, где более 40 лет прожил священник Алексей Смирнов, несколько лет назад был открыт музей его памяти [71]. В скором времени должна быть издана книга о жизни и подвиге святого Филатово-Глебовской земли.

Музей священномученика Алексия Смирнова в селе Филатово, 2016 г.

Усадьба Глебово в XIX и XX веках

Теперь настала пора рассказать о месте, в котором семья Брусиловых прожила долгие годы, где выросли их дети. Подмосковное имение включало в себя благоустроенную усадьбу с барским домом, несколькими флигелями, хозяйственными постройками, прудом и парком, находящимися с западной стороны от Казанской церкви. Кроме того, Брусиловым принадлежали несколько окрестных деревень (Высоково, Горки, Букарево) с землями и пустошами, а также мельница на речке Маглуша, находившаяся вблизи усадьбы.

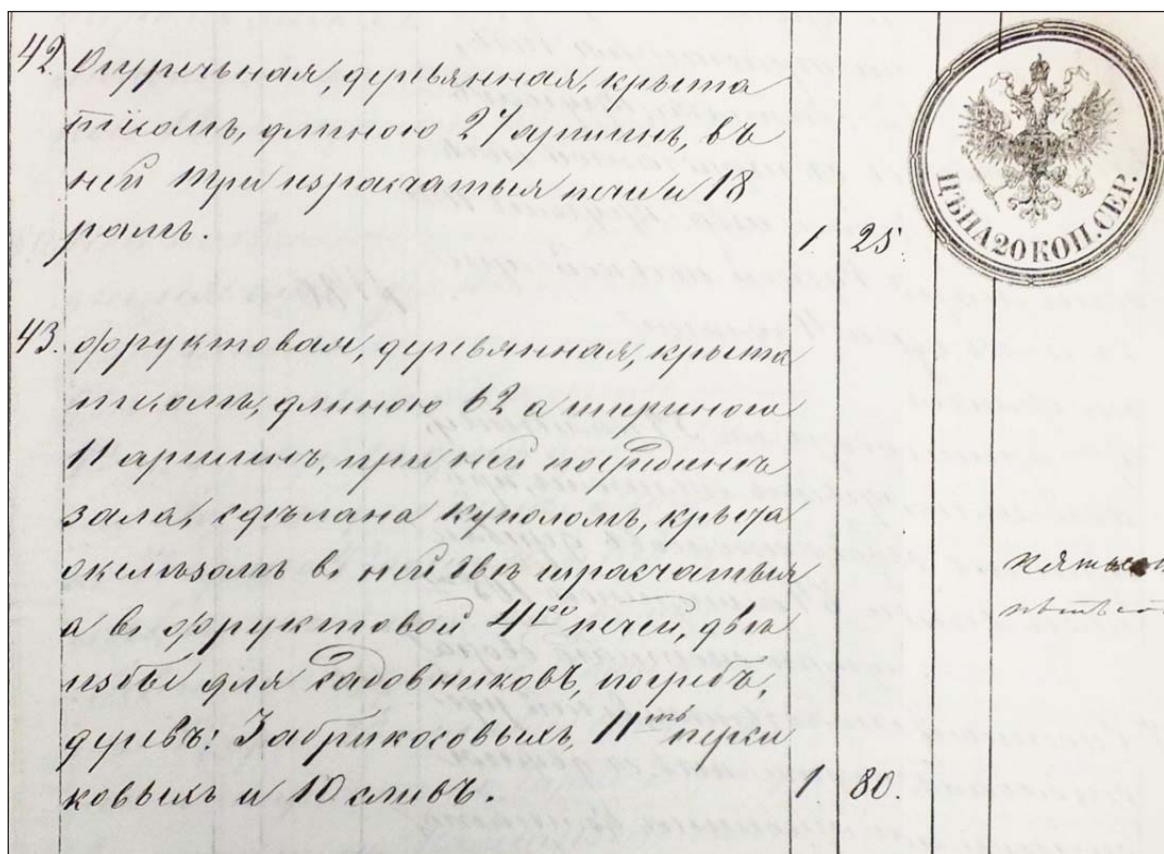
Фрагмент военно-топографической карты Московской губернии (Ф.Ф. Шуберт), 1860 г.

Интересным представляется вопрос: а какой была подмосковная усадьба до того, как ее приобрели Брусиловы? Ранее отмечалось, что сельцом-селом Глебово владело много помещиков, были приведены в таблице их фамилии и звания. Если не все хозяева, то часть из них вносили свои изменения в существующие постройки и возводили новые, благоустраивали территорию. Выше уже приводился план местности XVIII столетия, на котором явно просматривается звездообразная планировка дорожек усадебного парка, давалась цитата из «Экономического описания 1773 года», в которой среди прочего сказано: «В том сельце дом господский деревянный, при нем сад регулярный. [...] При оном сельце на речке Мологоце мельница мушная о дву поставях» [4].

В середине XIX века имение Глебово посещал начинающий композитор Модест Петрович Му-

соргский. В одном из писем, написанных другу Балакиреву, он сообщает о первых своих впечатлениях от увиденного: «Глебово, 12 июня 1859 г. [...] Теперь о Шиловских, барский дом роскошный на горе; сад английский (род парка) чудесный, [...] ферма, — все великолепно (оно так и должно быть — ведь богат, [...] Шиловский), церковь миленькая, род соборчика. У Шиловских хор певчих, [...] певчие поют Бортнянского (кроме концертов) и разучивают интродукцию, польский хор 4-го действия и финальный (гимн) из “Жизни за царя”, — это штука приятная, позаймусь с ними, говорят, поют недурно, не кричат и получают приличное домашнее воспитание. [...] Хозяева очень милы, и Шиловская весьма заботится о приезжих» [72]. Это письмо было написано, когда еще хозяином имения был Степан Степанович Шиловский.

Когда он умер в 1862 году, органом “Дворянской опеки” было заведено дело по опекунству двух оставшихся несовершеннолетних сыновей Константина и Владимира. Дело это сохранилось, выше уже приводилось несколько цитат из этого объемного документа. Но в нем содержится еще много другой интересной информации, в частности, приводится описание имения Глебово, составленное в 1867 году. Из обширного текста стоит выделить следующие строки: «Дома господская: 1) Против церкви деревянный, крыт железом, мерою длины 25 ари., ширины 10 ари. В нем 17 окон [...] На верхний этаж лестница. Наверху прихожая комната, кроме того 5 комнат, полы досчатые некрашеные. Во всем доме 2 камина и 2 голландских печи. С одной стороны этого дома устроен ботанический фонарь, крытый железом, в нем 26 рам, дом внутри обит обоями и при нем 5 балконов. [оценка:] 300 руб. сер.» [9]. Следом идет еще один деревянный дом, который «в саду». Он двухэтажный, и, судя по описанию, совсем немаленький: на первом этаже «31 окно, [...] билеярдная, [...] 1 камин и 6 голландских печей», а на втором — «23 окна, 15 комнат, 5 голландских печей, [...] 5 балконов». В описи

Фрагмент описи имения Глебово, 1867 г. [9].

также приводятся сведения о трех флигелях, о «собачьем дворе близ дер. Высоковой [...] Аранжереи: ананасная теплица деревянная, крыта тесом, длиною 27 аршин, в ней израсчатая печь и парник для ананасов. [...] Огуречная [...] Фруктовая». Возможно, не все обратят внимание на слова «парник для ананасов». Только надо иметь в виду, что данная цитата взята из документа полуторавековой давности! Это значит, что в то время в Подмосковье уже умели выращивать тропические фрукты и росли южные деревья («дерев: 3 абрикосовых, 11 персиковых»).

Сохранилось несколько отзывов об усадьбе Глебово конца XIX века. Вот что писал в 1877 году знаменитый композитор Петр Ильич Чайковский, когда находился в гостях у Константина Степановича Шиловского: «Я встаю в 8 часов, купаюсь, пью чай (один) и потом занимаюсь до завтрака. После завтрака гуляю и опять занимаюсь до обеда. После обеда совершаю огромную прогулку и вечер просиживаю в большом доме. Общество здесь состоит из обоих хозяев, двух старых дев Языковых и меня. Гостей почти не бывает – словом, здесь очень покойно и тихо. Местность в полном смысле восхитительная» [73]. В другом письме композитор о Глебово пишет: «Я совершенно погрузился в сочинение оперы. Правда и то,

что нельзя себе представить обстановки более благоприятной для сочинения, как та, которою я пользуюсь здесь. В моем распоряжении целый отдельный, превосходно меблированный дом; никто, ни одна душа человеческая кроме Алеши не появляется ко мне, когда я занят, а главное, у меня фортепьяно, звуки которого, когда я играю, не доходят опять-таки ни до кого... Гостей почти не бывает, – словом, здесь очень покойно и тихо. Местность в полном смысле восхитительная...» [74]. В связи с этим стоит напомнить, что К.С. Шиловский был соавтором композитора П.И. Чайковского в либретто оперы «Евгения Онегина». И работали они вместе в усадьбе Глебово.

Еще одна будущая знаменитость – русский писатель Антон Павлович Чехов – по просьбе издателя Суворина ездил в 1887 году в Глебово, чтобы осмотреть продаваемую усадьбу. По итогам поездки он так описал увиденное: «В Звенигородском уезде Моск. губ. продается бывшее имение Шиловского, которое я видел. Имение красивое, уютное, с прекраснейшим парком (пихты и лиственницы), с рекой, прудами, изобилующими рыбой, с церковью, театром, художнической мастерской, со статуями и монументами, которые в лунную ночь похожи на мертвецов, с громоотводами и проч. Стоит 50-60.000 [рублей]. Дом сред-

ний. Недостаток: отсутствие вблизи телеграфа (12 верст) и ж. дороги* (30 в.)» [75]. Не исключено, что отдаленность от коммуникаций помещала сделке**.

Много позже, уже в советские времена в этой местности побывал и племянник писателя художник Сергей Михайлович Чехов. На одной из своих картин он запечатлел остатки плотины от мельницы на речке Маглуше вблизи села Глебово [76].

И еще два отзыва, но уже наших современников о привлекательности здешних мест. В конце XX столетия в районной газете была напечатана статья, в которой высказывалась обеспокоенность судьбой Глебово: «В своих воспоминаниях и переписке друзья отмечали примечательность здесь-него ансамбля, состоящего из прекрасно ухоженного парка на крутом берегу Маглуши, оборудованного укромными беседками, гипсовыми скульп-

турами и строгой геометрической линией прогулочных дорожек, посыпанных разного цвета песком. Сочетание желтого с белесым и оранжево-красным цветом навевали поэтическое вдохновение, а изумительно обихоженный пруд с островком и плавающими на нем лебедями и изобилием в нем рыбы, по воспоминаниям А.П. Чехова, дополняли очарование» [77]. А в материале Истринского краеведа Елены Вильгельмовны Штейдле есть такие слова: «Характерная деталь: усадьба [Глебово] была настолько великолепна, что, по рассказам старожил, крестьяне за-долго до усадебных ворот спешили с лошадью, снимали шапки и шли пешком. Главный усадебный дом в глубине парка – двухэтажный деревянный особняк, с его причудливой живописной отделкой, в чем-то перекликался со своеобразным, в роман-тическом стиле, Казанским храмом» [78].

Речка Маглуша около села Глебово, 1959 г. (художник С.М. Чехов) [76].

* Во второй половине XIX века в Глебово из Москвы добирались по Николаевской железной дороге через станцию Крюково (ныне г. Зеленоград), а далее на лошадях. Этот путь описан в письме Мусоргского [72]. Только в самом начале XX века построили Московско-Виндавскую железную дорогу, на которой спустя некоторое время появился полустанок Холщевики, от которого до Глебово всего несколько верст.

** Это и к лучшему, что сделка не состоялась, так как оказался Суворин хозяином усадьбы Глебово, то, вполне вероятно, Брусиловы позже не стали бы ее владельцами и купили бы имение в каком-нибудь другом месте. И тогда книги этой, скорее всего, не было бы ...

* * *

Однако вернемся в самый конец XIX века, когда Брусиловы купили имение Глебово. Когда именно сделка состоялась – этот вопрос остается открытым, точной даты установить не удалось, пока лишь имеются косвенные данные. В архиве РГИА сохранилось очень интересное дело «*О ссуде А.Н. Брусиловой*» [79], которое было заведено в 1894 году после приобретения подмосковного имения при его последующей закладке в банке для займа денег. В нем сообщается сумма совершенной покупки – 90.000 рублей. Но, к сожалению, имя предыдущего владельца в деле не приводится. Оно, как уже отмечалось выше, упоминается в другом архивном деле [87], в котором есть косвенное свидетельство о том, что в сентябре 1892 года хозяином усадьбы Глебово был Владимир Александрович Эдельберг*. Вполне возможно, что это и был тот человек, у которого Брусиловы купили имение.

Самое раннее упоминание фамилии Брусиловых в качестве владельцев подмосковной усадьбы встречается во все том же деле о ссуде, в котором сообщается о заложенных 8 апреля 1894 года Анной Николаевной землях имения. Стало быть, в этот полутораговой интервал времени – с осени 1892 года (когда имением еще владел предыдущий хозяин) и до весны 1894 года – и произошла покупка села Глебово и окружающих деревень.

Необходимо также разобраться в вопросе: на кого именно из Брусиловых было оформлено владение имением, так как в источниках встречаются различные сведения. Казалось бы, ответ очевиден, в упомянутом деле о ссуде четко сказано: «*Землевладелица: Брусилова Анна Николаевна*». Однако в мемуарах генерала А.А. Брусилова есть такие строки о семье брата: «*вскоре для них специально родными Нины было куплено имение “Глебово” под Москвой, около г. Воскресенска. Пока мать была жива, хозяйство этого прекрасного имения велось хорошо, но после ее смерти все пошло*

вкривь и вкось, ибо Борис вообразил себя помещиком, но ровно ничего в хозяйстве не понимал» [33]. Кажущееся противоречие, думается, можно объяснить так: формально (юридически) имение Глебово было записано на жену Анну Николаевну. Но по факту всеми работами по управлению большим хозяйством в первое время руководила ее мать баронесса Юлия Григорьевна Рено, которая, видимо, проживала вместе с молодой семьей. Но так продолжалось недолго, в 1901 году теща умерла. И все дела по имению перешли к его фактическому хозяину, то есть к А.Н. Брусиловой: «*После своей матери владела им. [имением] Глебово, которое по ее смерти перешло к мужу*» [47].

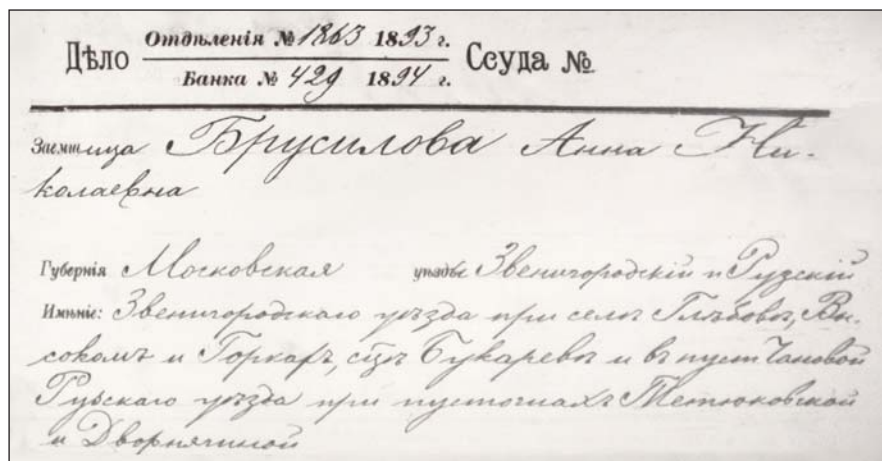
Сведения о том, что подмосковные земли были записаны на жену, подтверждаются записями в различных справочниках по Московской губернии за 1899, 1912 и другие года. Но, скорее всего, управляли хозяйственными и финансовыми делами оба супруга. После смерти жены в 1916 году всеми вопросами стал заниматься Б.А. Брусилов единолично. Текст завещания жены не обнаружен, однако в одном из писем Бориса брату встречаются такие слова: «*Глебово оставлено мне лично в собственность*» [39]. Вдовцу пришлось очень тяжело, так как к тому времени имение было многократно заложено в банках и долговые обязательства вовремя не выполнялись, стоял вопрос о продаже имущества с торгов (об этом речь еще впереди).

Теперь пора разобраться в том, что собой представляли подмосковные земли, хозяевами которых стали Брусиловы. В деле о ссуде денег дается общая характеристика приобретенного владения: «*Имение 2-жи Брусиловой принадлежит к типу старинных барских поместий, характерной чертой которых является роскошная усадьба с уютным парком, на украшение которой положено много средств и труда*» [79]. Там же сообщается, что была куплена пара участков земли: «*Состав имения определяется двумя земельными свидетельствами в 580 дес. 1314 саж.** + 334 дес.*

* Кем был этот человек, установить не удалось. Заглавная буква фамилии в деле записана не очень разборчивым подчерком, возможно, правильно – Адельберг. И еще надо сказать, что нет полной уверенности в том, что Владимир Александрович Эдельберг (Адельберг) был тем человеком, у которого Брусиловы купили Глебово. Это имя упоминается всего лишь раз в одной из бумаг Страхового дела [87] и то в нем оно зачеркнуто и поверх написано: «*Анны Николаевны Брусиловой*». Если зачеркивание сделано по причине смены владельца поместья, тогда все рассуждения остаются в силе. Ну а если это была, например, просто ошибка писаря, которую позже исправили, то тогда имя предыдущего владельца и продавца имения остается неизвестным.

** 1 десятина = 1,09 гектара. В 1 дес. было 2.400 квадратных сажений, 1 кв. саж. = 4,55 кв. м. Когда при указании размера площади писали, например «*1314 сажений*», то это следует читать как «*1314 квадратных сажений*».

1746 саж. = 915* дес. 660 саж.» (большой по размерам находился в Звенигородском уезде, а меньший – поблизости от него в Рузском). В деле также приводится информация, какая именно земля была приобретена: «648,60 дес. лесных насаждений; 263,60 дес. сельскохозяйственных угодий и 18,14 дес. неудобной земли».

Фрагмент листа дела о ссуде денег А.Н. Брусиловой, 1894 г. [79].

“Памятная книжка Московской губернии” за 1899 год содержит такую запись в списке владельцев имений в Звенигородском уезде: «Брусилова Анна Николаевна, двор. [дворянка], 556 и 11/12 [десятин земли], 17821,5 [оценка имения в рублях]» [81]. В архивном деле за 1904 год приводятся сведения о дворянах-землевладельцах и их владениях по Рузскому уезду: «жена Коллежскаго Ассесора Анна Николаевна Брусилова – 319 [дес.] 1076 [кв. саж.]. Также указана «доходность земли, исчисляемой для обложения земским сбором»: «316 [руб.] 17 [коп.]». В том же документе имеется аналогичная информация и для Звенигородского уезда, владения А.Н. Брусиловой записаны так: «Глебово, Лучинской волости – 552 [дес.] 1386 [кв. саж.], 794 [руб.] 98 [коп.]» [82]. Как видно из приведенной информации – цифр много, и все они разные. Какие цифры наиболее точные, определить непросто, так как все указанные сведения приводятся в официальных источниках.

И это, к сожалению, не единственный вопрос,

который остался по владениям Брусиловых. Так, например, не до конца ясно: а где именно находились их земли? Казалось бы, все очевидно, в упомянутом деле о ссуде перечислены приобретенные земельные участки: «Звенигородскаго уезда при селѣ Глебовѣ, Высоком и Горкахъ, сельце Букаревѣ и въ пустошѣ Чановой; Рузскаго уезда при пустошахъ Петюковской и Дворянской**» [79]. Большинство упомянутых топонимов сохранились и поныне, по ним видно, что все это земли нынешнего Истринского района, расположенные довольно компактно по берегам речки Маглуши. Это и понятно – управлять хозяйством всегда проще, когда участки находятся близко друг от друга. Но почему-то в паре архивных дел приводятся сведения о том, что земли, принадлежавшие А.Н. Брусиловой находились: «при селѣ Голубом Еремеевской

вол, 552 дес., Ея же дачи при с. Глебовѣ» [83]. Это тоже Звенигородский уезд, но село Голубое находилось почти в 30 верстах (по прямой линии) от усадьбы Брусиловых. Никаких пояснений в указанных делах нет, это ни что иное, как краткий справочник избирателей. И думается, что его составители просто допустили опечатку, спутав схожие названия Глебово и Голубое.

Дело о ссуде интересно и другими подробностями. Вскоре после покупки новыми владельцами были «сделаны значительныя затраты: на ремонт построек, покупку мертвого и живаго инвентаря***, введение многопольнаго хозяйства и на устройство правильнаго леснаго хозяйства» [79]. “Московский Земельный Банк” после этого оценил суммарную стоимость всего поместья Брусиловых в 100 тысяч рублей. Однако отделение “Государственного Дворянского Земельного банка” «признает справедливой подходящую оценку [...] имения в 90.000 руб». При выдаче ссуды было решено использовать второе значение

* Необходимо отметить, что в указанном архивном деле о размере земельных участков имения Брусиловых встречаются разные данные: «А) по заложенным свидетельствам от 8 апреля и 31 мая 1894 года [...] – 915 [дес.], 660 [кв. саж.]. Б) по плану – 930, 816. В) по оценочной описи – 928, 897. Г) по поверочной описи – 930, 816» [79].

** Согласно плану, приведенному в деле 1869 года [12], «пустошь Дворягина» (именно так написано) находилась недалеко от Глебово южнее речки Воздержиножки (ныне Чановки). О местоположении пустоши «Петюковской» сведений найти не удалось, но думается, что она была где-то неподалеку.

*** Под мертвым инвентарем имеются в виду инструменты и оборудование, под живым – домашняя скотина.

и выдать деньги «в размере 60% оценки». В результате А.Н. Брусилова получила 54 тысячи рублей на срок в 66 лет и 6 месяцев*. Среди обязательных условий ссуды было то, что владельцы имения должны были ежегодно страховать строения усадьбы от различных несчастных случаев на сумму не менее 18.500 рублей и мельницу на 2.845 рублей.

При решении вопроса о выдаче ссуды банк произвел достаточно подробное исследование подлежащего залогоу подмосковного имения, и его результаты приведены в деле: даются сведения о хозяйственной деятельности и о том, какой доход, по оценке банка, поместье приносило владельцам. При этом сообщается масса любопытных подробностей. Так, например, в хозяйстве было 25 коров, из молока каждой делали в среднем по полтора пуда масла в год. И тогда при цене масла в 12 рублей за пуд годовой доход от всего стада получался 450 рублей. Кроме того в усадьбе был флигель, про который сказано, что он «сдается как дача и приносит владельце доход 250-300 руб. в год». Приводятся и суммарные оценки. Так «Валовой доход» имения слагался из следующих частей: от «усадебной земли – 600 руб., полеводства – 1164 руб., скотоводства – 164 руб., сенокосов – 1000 руб. Всего – 2928 руб. [...] чистый доход – 1799 руб.» [79]. Эти сведения относятся к 1894 году, то есть сразу после покупки имения.

Сведения о прибыльности имения Глебово имеются и в других источниках. Например, выше уже приводились данные за 1904 год про «доходность земли, исчисляемой для обложения земским сбором»: 794 рублей (для Звенигородской части имения А.Н. Брусиловой) и 316 рублей (для Рузской части) [82]. Примерно такие показатели были в 1895 году: 801 и 311 рублей соответственно [94]. А в 1913 году цифры подросли: «[Доходность земель и имущества, уездная:] 2762 [руб.], [губернская:] 2210 [руб.]» [84].

Завершая обзор архивного дела о ссуде денег, следует отметить, что в нем имеется несколько бумаг, датированных более поздней датой, а именно 1899 годом. В это время на западе губернии строилась новая ветка железной дороги, на-

званная «Московско-Виндавской»**, и для прокладки ее путей изымались*** земли. Среди них оказались 14 десятин и 528 квадратных саженей, принадлежащих А.Н. Брусиловой. Ввиду того, что размер заложенных в банке земель после изъятия уменьшался, был пересмотрен и общий размер ссуды – ее снизили пропорционально на 800 рублей. Указанную сумму обязан был внести (погасить) заемщик, то есть А.Н. Брусилова.

Где конкретно находились изымаемые под строительство путей земли, в указанном деле не говорится. Можно предположить, что это была местность, которую ныне занимает железнодорожная станция Холщевики (или где-то недалеко от нее). Почему именно она? В пользу такого суждения свидетельствует то, что здесь ближе всего дорожные пути подошли к усадьбе, а также то, что упомянутая станция связана с Глебовским помещиком таким местным преданием: «До сих пор возле станции Холщевики существует аллея, посаженная Б. А. Брусиловым» [85].

После покупки село получило двойное наименование: Глебово-Брусилово. Такое название сохранялось еще некоторое время и после революции. Как долго – сказать трудно, на сей счет имеются противоречивые сведения. В одной из приведенных ранее цитат словами генерала А.А. Брусилова утверждается, что фамилия бывшего владельца исчезла из названия селения к середине 1920-х годов. Однако в справочнике по материалам всесоюзной переписи населения 1926 года даются такие сведения: «Лучинская волость. 8. Глебово-Брусилово, сельцо, [население:] 83 чел.» [86]. Много лет спустя в современной энциклопедии было записано так: «В 1960-е гг. пос. Глебово-Брусилово стал именоваться просто Глебово» [4].

Ну а как название селения писали на географических картах? Исследование различных планов и карт Московского региона показало следующее. На обнаруженных дореволюционных планах местности указано только Глебово. На нескольких советских картах довоенного периода встречается двойное название села. В тоже время на планах местности времен войны и более поздних вновь пишется только одно слово. Так что вопрос о дате

* Сведения о процентной ставке на ссуду нигде не приводятся. По информации из интернета «Государственный Дворянский Земельный банк» в те времена обычно выдавал деньги при ставке от 4% до 5% годовых.

**Ныне это Рижское направление Московской железной дороги.

*** За изъятие земель хозяевам полагалась компенсация, которую должны были выплатить строители железной дороги. Информация о том, какие деньги получили Брусиловы, пока не попадалась.

переименования селения остался открытым, официальный документ пока не обнаружен.

Фрагмент топографической карты Подмосковья, 1931 г. (название села выделено Авт.).

До недавнего времени почти никаких подробностей об усадьбе Глебово не было известно, отсутствовал и земельный план. Большой удачей следует считать то, что такой план был обнаружен. Он имеется в «Страховом» деле, нарисован в масштабе «5 сажень = 1 дюйм» (то есть в 1 см примерно 4 метра) [87]. Дата на нем не проставлена. Но учитывая, что в указанном деле приводятся документы 1892-1917 годов, можно предположить, что первоначальная схема имения была составлена в начале 1890-х годов, и не исключено, что еще предыдущим владельцем.

На плане усадьбы Глебово показаны пруд и 18 строений, в основном деревянные. Первое из них – это барский дом (на повернутом плане находится в левом нижнем углу). В деле имеется его описание: «Дом деревянный двухэтажный на каменном фундаменте [...] высота сруба 4,2 саж. Стены снаружи обшиты и окрашены, внутри оштукатурены, потолки и переборки оштукатурены. Полы дубовые паркетные щитовые крашены и простые досчатые. [...] Зан. [занят] квартирою владелицы» [87]. Барский дом оценен по страховке в 20 тысяч рублей. Помимо этого в список застрахованных строений вошли: кухня, домашний театр, флигель деревянный, оранжерея, баня и прачечная, контора и квартира управляющего, рига, флигель, два строения каменных, квар-

тира служащих, флигель каменный, сушильня для белья, птичник, изба деревянная, сенной сарай (в Приложении приводится краткое описание каждого из них). Суммарно все имение Глебово было оценено при страховании в 51.500 рублей (сведения на конец XIX века).

Следует сказать про еще один объект, которого почему-то нет в упомянутой ведомости. В справочниках по Московской губернии за 1912 и 1914 года имеется такая информация: «Кирпичный завод Анны Николаевны Брусиловой при с-це Глебове, Лучинской волости, 2 стана. [Заведует:] владелица. Рабочих – 6 [м.п.]. Существует с 1894 г.» [88]. Где именно он находился – неизвестно. Но судя по приведенной дате, завод

появился, как только хозяевами имения стали Брусиловы.

* * *

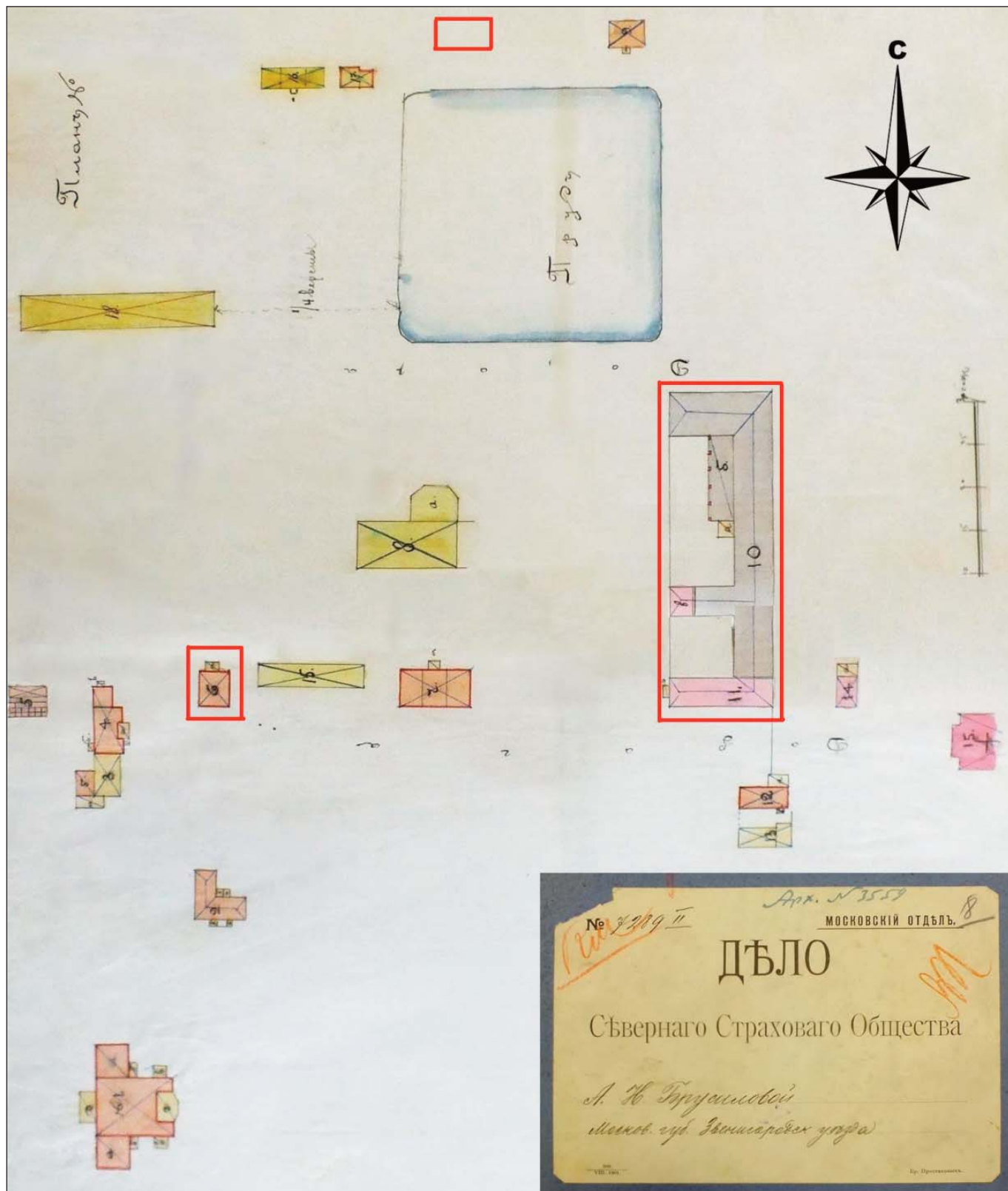
После большевистского переворота судьба подмосковного имения оказалась схожей со многими другими дворянскими усадьбами страны. Земли в Глебово рабоче-крестьянская власть реквизировала, часть имущества было изъято музеями и местными властями, а то, что осталось – растаскивалось населением. Бывшие хозяева поместий либо сами уезжали из своих домов, в которых прежде жили, либо их принудительно выгоняли или, того хуже, репрессировали (о судьбе членов семьи Брусиловых после революции будет рассказано далее).

Сохранилось несколько документальных свидетельств о том, куда делось имущество бывшей усадьбы. Изъятие началось практически сразу после смерти владельца Бориса Алексеевича, последовавшей вскоре после Октябрьской революции. В энциклопедии «Истринская земля» написано: «В конце 1918 г. из усадьбы Брусиловых были отправлены в Национальный музейный фонд: портрет*, 3 картины Ван-Дейка и копия с Рубенса, икона св. Николы Можайского в серебряном окладе. Гарнитур из карельской березы XVIII века стиля “жакоб” передали в музей усадьбы

* К сожалению, не сказано, чей портрет был изъят, возможно, кого-то из представителей рода Брусиловых.

(бывший Ново-Иерусалимский монастырь)» [4]. Эти сведения дополняются материалами, помещенными в «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны» [89, 90, 91], в котором сказано: «в 1919 году набор мебели, вывезенный из усадьбы

Глебово (Брусиловых) в музей-усадьбу Архангельское, в 1925 году был снова передан в музей «Новый Иерусалим»». Среди изъятых далее перечисляются: «Диван. Начало XIX в. [...] Карельской березы, обитый зеленоватым плюшем, спинка орнаментирована резьбой; [...] Кресло. Начало XIX

План усадьбы Глебово (лист повернут на 90 градусов), 1892-1917 гг. [87].
(обведены 3 уцелевших строения).

Отдел экспозиции по истории дворянского быта в музее, 1920-е гг. [5].

в. [...] *Шкафчик дубовый с женскими резными фигурами на углах и металлическими украшениями. Россия, конец XIX в. Дерево, металл, столлярная работа, резьба*», упоминаются книги из библиотеки Брусиловых. То, что осталось после реквизиции в музей, забирали органы власти на местах: «*Мебель и посуда из имения вывезена местным Совдепом*» [92].

В Московском областном музее, организованном на территории бывшего Новоиерусалимского монастыря, в 1920-х годах была подготовлена специальная экспозиция «*быт дворянской усадьбы XVIII-XIX вв.*». Она была призвана наглядно показать трудящимся, как прежде жили богатые помещики. В одной из книг [5] имеется фотоснимок одного из залов музея, вполне возможно, что некоторые предметы, попавшие в кадр, были изъяты из усадьбы Глебово.

Поиски информации по истории усадьбы Глебово и ее владельцах продолжаются. Не так давно удалось обнаружить пару архивных дел, проливающих свет на то, что происходило в селе в первые годы советской власти. Название одного из них говорит само за себя: «*Сметы врачебно-санитарного отдела Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги на ремонт дома в имении Глебово при станции "Холщевики" для устройства в нем санатория на 1919 год*» [92]. Оказывается, на территории бывшей усадьбы железнодорожники планировали организовать туберкулезную лечебницу для своих работников. Выбор местности обуславливался так: «*Имение Глебово – хорошее дачное место, где можно поместить больных, требующих для своего лечения хорошего воздуха,*

покою, то есть после перенесения тяжких заболеваний и нервно-больных». Это дело замечательно тем, что в нем имеется детальная смета предполагаемого ремонта, приводится отчет специалиста о командировке в Глебово, в котором описывается, как имеющиеся строения могли быть приспособлены для нужд санатория, а главное – даются подробные планы двух этажей бывшего барского дома. План второго этажа дома размещен ниже, а первого – на тыльной стороне обложки.

В упомянутом архивном деле подробно описано, как предполагалось выполнить перепланировку внутренних помещений большого двухэтажного дома, чтобы в 23 комнатах смогли разместиться до 70 больных: «*40 в нижнем этаже и 30 в верхнем*». Еще сказано, что «*в большой комнате с верандой могла бы быть устроена столовая, где могли бы больные обедать или все одновременно или в две смены*». Для «*вспомогательного*» медицинского персонала планировалось в том же доме отвести «*одну комнату в нижнем этаже и две комнаты в верхнем*». Для реализации этих планов предлагалось в барском доме произвести следующие ремонтные работы: «*Разобрать двойной паркетный пол с лагами [...] Обрешетить балки [...] Разобрать 3 пришедшие в ветхость крыльца перед входом в кухню, переднюю и террасу, изготовить вновь 3 крыльца [...] Вырубить в бревенчатой стене сгнившие венцы во 2-м этаже [...] Сменить сгнившую потолочную балку на 2-м этаже [...] Ремонт печей и плит [...] Для воды приобрести 3 бочки по 40 ведер [...] Необходимо в обоих этажах установить добавочные клозеты и исправить существующий водопровод. Освещаться комнаты будут керосиновыми лампами*» [92]. Была составлена смета на работы и материалы на 60 тысяч рублей.

Для нужд санатория планировалось также использовать и некоторые другие строения и территорию усадьбы: «*В парке имеется отдельная кухня с большой плитой, достаточной для приготовления пищи на 100 человек (70 больных и 30 человек персонала). На кухне имеются две комнаты, где будут размещены служащие по хозяйственной части после самого незначительного ремонта. Прачечная пришла в совершенную негодность и*

Бывший барский дом усадьбы Глебово-Брусилово, 1920-е гг. [80].

Оба фотоснимка сделаны на фоне двухэтажного деревянного дома, на первом из них хорошо видна его необычная архитектура. Сравнивая внешний вид здания на снимках с приведенными выше чертежами этажей «под санаторий» можно сделать вполне определенный вывод, что это одно и то же строение – бывший барский дом. В этом сомнений практически нет. А вот что за контора в нем располагалась на момент съемки, тут существуют разные мнения.

В энциклопедии «Истринская земля» фотография необычного дома (та, что на обложке) снабжена надписью: «Контора Глебовской птицефабрики в бывшем имении Глебово-Брусилово. Фотография 1920-х гг.» [80]. Сопоставляя эти слова с данными из других источников, можно утверждать, что авторы уважаемого издания ошиблись, в тексте имеются неувязки. Дело в том, что Глебовская птицефабрика была открыта в 1934 году [96]. И тогда получается, что датировка снимка не верна. Но думается, что ошибка заключается в другом. Показанная на снимке «контора» никак не могла принадлежать Глебовской птицефабрике, так как к моменту ее открытия бывшего барского дома уже несколько лет как не было, он сгорел. Это стало недавно известно из другого источника. Он настолько уникален, что стоит о нем сказать несколько слов.

В конце XX века ветеран войны местный житель Семен Ефимович Карягин (1908-1991) собирал информацию об истории малой Родины и о

людях, на ней обитавших. Собранные материалы он с любовью оформил в виде альбома с фотографиями, сопроводил их текстами и назвал свой труд «Книга Памяти». Она написана рукой автора, существует в единственном экземпляре, который хранится в Музее боевой и трудовой славы при Совете ветеранов пос. Глебовский. В книге много интересного краеведческого материала, приводятся сведения и об усадьбе: «После Октябрьской революции 2-этажный бревенчатый дом помещика до 1928 году использовался как сельский клуб. Ветераном этого клуба был Гурыничев Н.В. [...] В 1928 году после капитального ремонта (покраска) от неосторожного обращения с огнем бригады ремонтников – дом от возникшего пожара сгорел» [95]. Как видно, Семен Ефимович ничего не пишет о санатории, возможно, он о нем и не знал. Ведь в тексте ветерана речь идет о конце 1920-х годах, тогда как лечебницу хотели организовать почти на 10 лет раньше.

Возвращаясь к снимкам бывшего барского дома, можно сказать следующее. Датировка в энциклопедии указана правильная, фотографии сделаны в 1920-х годах. А вот то, что здесь находилась «Контора Глебовской птицефабрики» – это неверно. Как уже отмечалось выше, скорее всего, что в доме размещалось какое-то медицинское учреждение, возможно санаторий. В пользу такого предположения свидетельствует и одежда женщин на указанных фотографиях.

Ближайшие родственники, жизнь в имении до революции

Судя по записям, сделанным в формулярном списке, в 1891 году Брусиллов уволился со службы в МВД и тут же стал «*Попечителем Богадельнаго дома в Ораниенбауме*» [28, 48]. Жил он по-прежнему в Петербурге, в пользу этого говорит то, что именно в этом городе в 1893 году родилась вторая дочь Лена. Вероятно, вскоре после ее рождения родственниками жены было приобретено имение Глебово, куда молодая семья и переехала на новое место жительства.

Как уже отмечалось, в ФС почти нет сведений личного и семейного характера, Борис Алексеевич про себя и супругу написал очень кратко: «*Из дворян Орловской губернии. [...] Женат на дочери помещика Херсонской губ. Рено девице Анне Николаевне*». Дополнительную информацию пришлось искать в других источниках.

О жене Анне удалось собрать такую информацию. Она была дочерью «*крупного землевладельца*

в Херсонской губернии барона Николая Осиповича Рено (1837-1886) и его супруги Юлии Григорьевны Соколовой (1838-1901)» [35]. К сожалению, изображений отца и матери найти не удалось. Да и фотография самой Анны Николаевны известна только одна – и то на групповом снимке (приводится ниже). От родителей она наследовала титул баронессы. Пока не найдены сведения о точной дате рождения Анны и времени ее бракосочетания с Борисом Брусилловым*. По косвенным свидетельствам можно лишь предположить год рождения 1866-й** и что замуж вышла не позже 1887 года***. После бракосочетания Анна Николаевна взяла фамилию мужа и стала Брусилловой. Про брак Бориса говорили, что «*Женившись “на деньгах”, по расчету, который оказался верным, он жил в счастливом браке*» [97]. Брат Алексей отзывался о невестке так: «*Она была украинкой, православная, но с французской фамилией, воспита-*

Могильные плиты некрополя Рено-Романн в Новоиерусалимском монастыре, 2017 г.

* В мемуарах Желиховской есть такие слова о Борисе и Нине (Анне): «*пировали на их свадьбе*» [37], но, увы, не сказано, где и когда это было.

** В метрической записи о ее смерти, последовавшей в 1916 году, указан возраст 50 лет [113]. Стало быть, наиболее вероятный год рождения Анны Николаевны Рено – 1866-й.

*** Учитывая, что первый ребенок в семье Брусилловых родился в феврале 1888 года, бракосочетание могло состояться в предыдущий год или еще раньше. Отметим, что в это время Борис Алексеевич был еще офицером и неизвестно, где именно был зарегистрирован его брак с А.Н. Рено.

нием и образованием. Рено были люди очень богатые. Борису повезло, ибо он совсем не знал своей невесты, был сосватан заочно, а получил исключительно милую, добрую, любящую жену, да еще ее мать и бабушку, которые буквально боготворили его и баловали, как родного сына» [33]. Запомним эти слова из цитат про «любящую жену», «жил в счастливом браке».

В усадьбе Глебово вместе с молодой семьей, вероятно, проживала, как отмечалось ранее, и мать Анны (теща Бориса) баронесса Юлия Григорьевна Рено. Она здесь же и скончалась, запись о смерти обнаружена в метрической книге приходской церкви села Филатово за 1901 год: «Июль. [умерла:] 27, [погребена:] 3 августа. Коллежская Регистраторша Юлия Григорьевна Рено, вдова; [возраст:] 69 лет, [от чего:] от паралича сердца; [где похоронена:] в Воскресенском (Новый Иерусалим) монастыре» [98]. Могильная плита с захоронения Ю.Г. Рено сохранилась и недавно была выставлена после завершения восстановления Ново-иерусалимского монастыря на его территории вблизи крепостной стены (на приводимом фотоснимке она 2-я слева). На камне помимо даты кончины читается год рождения баронессы – 1838.

Обращают на себя внимание еще несколько выставленных в том же монастыре надгробных плит, изготовленных из такого же камня, как у Ю.Г. Рено и оформленных в том же стиле. На них указаны следующие имена и даты рождения-кончины людей: «Ксения Михайловна Соколова родилась в 1813 г. скончалась 9 декабря 1896 г.» (крайняя слева на фотоснимке), «Михаил Альфонсович Романн родился в 1867 г. скончался 5 июля 1899 г.», «Елисавета Алексеевна Панютина скончалась 18 июня 1900 г.», «Варвара Гри-

горьевна Романн родилась в 1842 г. скончалась 17 ноября 1900 г.». Таким образом, получается, что в Новоиерусалимском монастыре было 5 однотипных захоронений людей, умерших на рубеже веков в интервале нескольких лет.

Как оказалось – схожесть могильных плит не случайна, все перечисленные имена упомянуты в так называемом “Поминальнике” [47], составленным Е.К. Брусиловой*. Это говорит о том, что все эти лица были связаны родством. Но каким именно? По сведениям, собранным в интернете и в различных источниках, удалось установить, что почти все перечисленные имена – это родственники по линии жены (в конце книги приведено древо, в котором можно найти упомянутых людей). К.М. Соколова – это бабушка Анны Николаевны и мать Юлии Григорьевны Рено, В.Г. Романн** – дочь К.М. Соколовой и сестра Ю.Г. Рено. Насчет М.А. Романн приводятся противопо-

Схема кладбища у южной стены Константиноеленинской церкви [99].

* “Поминальник Е.К. Брусиловой” – интереснейший семейный документ, цитаты из него уже неоднократно приводились ранее. Он был составлен женой младшего брата Льва Алексеевича Брусилова, Екатериной Константиновной. И потом передавался из рук в руки по наследству. В “Поминальнике” приведены важные сведения о датах смерти некоторых членов рода Брусиловых, которые прежде не были неизвестны (часть их потом нашла подтверждение в архивных документах).

** Эту фамилию в одних источниках пишут «Романн», в других (более поздних) – «Роман».

речивые сведения: в одном источнике предполагается, что это может быть сын Варвары Григорьевны Роман [99], а в другом – ее муж [122]. Но, так или иначе, в любом случае можно говорить, что 4 из 5 надгробий (включая саму Ю.Г. Рено) – это захоронения родственников по линии жены. С памятником Е.А. Панютиной оказалось сложнее. Точную степень родства этой женщины установить не удалось. Однако в “Поминальнике” говорится о том, что брат Бориса, Лев Алексеевич Брусилов был женат на Екатерине Константиновне Панютиной [47]. Так что думается, это была какая-то дальняя родственница по линии жены брата.

Но это еще не все. Все перечисленные выше пять надгробных плит упоминаются в книге “Некрополь Нового Иерусалима” и обозначены на схеме монастырского кладбища под номерами 19, 24, 25, 26 и 27 [99]. Все они, по мнению авторов, находились на «старом братском кладбище» с южной стороны подземной церкви Константина и Елены (за надгробием Анны Сергеевны Цуриковой) и составляли, так называемый, «Семейный некрополь Рено-Романн». Причем размещались компактно: 4 надгробия подряд в одном ряду и одно (К.М. Соколовой) – в соседнем.

Существование семейного некрополя объясняет, почему Ю.Г. Рено была похоронена не на кладбище в Глебово, которое было совсем рядом с усадьбой, а в более чем в 10 верстах в Новоиерусалимском монастыре. Как оказалось – ко времени ее кончины на некрополе «Рено-Романн» уже были погребены ближайшие родственники (мать и сестра). И понятно, что Юлия Григорьевна была упокоена рядом с ними.

Довольно быстрое появление некрополя в монастыре позволяет сделать еще одно предположение. Ни в одном источнике пока не удалось найти объяснение, почему Брусиловы (точнее родствен-

ники по линии жены) купили имение для постоянного проживания в Подмоскovie. Да, видимо, сказался сырой и холодный климат Петербурга, к которому так и не привыкли Борис и его жена Анна (ведь они оба были родом из южных краев), возможно в столице часто болели их маленькие дочери, и для укрепления их здоровья требовалась смена места жительства. Все это выглядит правдоподобным. Но ведь теплых и хороших мест в России много, но почему-то было выбрано именно Глебово. Наверное, сыграла свою роль близость Москвы. Но, возможно, решающим фактором при покупке имения было то, что фактически рядом находился известный Новоиерусалимский монастырь. Думается, что на выбор повлияла и красота усадьбы Глебово и окружающей природы, и великолепный Казанский храм в имении. Все это лишь догадки. Но, думается, что они выстроены не на пустом месте.

* * *

Пора теперь перейти к вопросу о детях Брусиловых.

Всего у Анны и Бориса, как известно, было четверо детей. Первой родилась Мария 14 февраля 1888 года (по другим данным 2-го числа). Она прожила менее года и умерла в том же году 13 декабря, в “Поминальнике” записана как «Маруся (младенец, дочь Б. А. Брусилова)» [47]. Следующие дети дожили до взрослых лет. После Маши у Брусиловых родились еще две дочери – Оля и Лена. Если о Марии нет сведений, где она появилась на свет, то для других дочерей это удалось установить – столица Петербург. В метрических книгах Казанского собора обнаружены записи, согласно которым Ольга родилась 15 декабря 1890 года (крещена 5 февраля следующего), а Елена – 21 января (крещена 2 марта) 1893 года [100]. Потом последовал

ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ, ЗА 1904 ГОДЪ.						
родивш.		и день.		родивших-	милія родителей, и какогo	Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ.
мѣсяца	номера	мѣсяца	номера			
22	-	Мая	Юня	Алексій.	Статскій Совѣтникъ Борисъ Алексѣевичъ Брусиловъ и законная жена его Анна Николаевна оба православнаго вѣроисповѣданія.	Генералъ-Маіоръ Алексѣй Алексѣевичъ БРУСИЛОВЪ и Капитана I-го ранга Льва Алексѣевича жена Екатерина Константиновна БРУСИЛОВА.

Фрагмент выписки о рождении сына Алексея, 1916 г. [101].

11-летний перерыв в рождении детей, пока наконец не появился Алеша*. Согласно записи в метрической книге Христорождественской церкви села Филатово он родился 17 мая 1904 года (крещен 29 июня) [101]. Как уже отмечалось выше, восприимчивыми при крещении мальчика были дядя-генерал Алексей Алексеевич и тетя Екатерина Константиновна (жена брата Льва Брусилова).

Семья Брусиловых была интеллигентная и большую часть времени отнюдь не бедствовала, и потому можно предположить, что дети получили хорошее воспитание и образование. К сожалению, почти никаких подробностей о детстве девочек не удалось узнать. Лишь в одном из архивных дел 1898 года обнаружена запись, сделанная Борисом Алексеевичем насчет «спасения младшей нашей дочери** от запущенного необыкновенно сильного дифтерита» [64].

Алексей был намного младше своих сестер, о его детстве удалось собрать чуть больше сведений. Так, в военном архиве обнаружено дело, в котором приводится ФС Б.А. Брусилова и говорится о том, что он составлен в 1907 году для представления «о зачислении сына его Алексея в пажи» [28]. И эта запись в кандидаты Пажеского корпуса, надо думать, состоялось, об этом свидетельствует сам заголовок упомянутого дела «Документы пажа Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса Алексея Борисовича Брусилова». Но вот стал ли потом сын учиться в Петербурге в указанном заведении, в этом есть большие сомнения. Они подкрепляются словами в одном из писем Бориса брату на фронт (из-за трудного подчёрка удалось разобрать не все): «Твой крестник в Москве будет держать экзамен в 3-й класс реального училища. Хочу его до 6 кл. включительно [...] в спец. классы Пажескаго корпуса, а если нет, то в Московский институт инж. путей сообщения. Алексей очень способный мальчишка и учение даётся ему легко. Пусть идет куда захочет. Мешать ему не стану» [39]. Как видим, здесь лишь

говорится о желании отдать сына: «в спец. классы Пажескаго корпуса». А слова «а если нет» означают, что на момент написания письма (весна 1916 г.) Алексей там не учился. Учитывая же, что мальчику в это время было всего 12 лет, то он, видимо, просто не имел возможности поступить в военно-учебное заведение, где воспитывался отец***. В другом послании Брусилова, написанном брату осенью того же года говорится: «От меня заразился Алеша, приехавший ко мне для уроков». Это было написано в гостинице в Москве, что автоматически означает, что Алексей был именно здесь, а не в Петрограде****. Ну а слова «приехавший ко мне для уроков» говорят о том, что в это время Борис Алексеевич сам обучал сына, не исключено, что делал это из-за нехватки средств на оплату учебы.

Были ли у Бориса Алексеевича какие-либо выборные должности или общественные обязанности, когда он жил в Глебово? До недавнего времени об этом ничего не было известно, так как приведенные в ФС сведения, к сожалению, ограничивались 1907-м годом. Что было потом, служил ли где Брусилов, были ли еще награды – сведения об этом нигде не обнаружены. Вероятнее всего, что в дальнейшем Борис Алексеевич ни на какой государственной службе не состоял. В пользу этого говорит и тот факт, что он до конца своей жизни оставался в чине действительного статского советника, который был присвоен еще в конце 1905 года*****.

В ходе поисковых работ в различных архивах и изучения ежегодных отчетов Звенигородского земства удалось установить, что Б.А. Брусилов неоднократно занимал различные должности в общественных организациях Звенигородского уезда:

- 1898-1907 гг. – Попечитель земской школы в соседнем селе Бужарово [102];
- 1903-1910 гг. – член «Благотворительнаго общества при Воскресенской земской лечебнице» [103, 104];

* Следует отметить популярность этого имени в роду Брусиловых: именем Алексей были названы отец, брат, племянник и сын Бориса Алексеевича.

** Речь идет о Елене, которой было примерно 5 лет.

*** Стоит напомнить, что его отец и дядя поступали в Пажеский корпус, когда им было по 14 лет. Сыну Алеше исполнилось 14 лет в 1918 году, когда Пажеский корпус был уже большевиками закрыт.

**** Петербург был переименован в Петроград 31 августа 1914 года в самом начале Первой Мировой войны.

***** В Российской империи существовал порядок присвоения служащему следующего классного чина за выслугу определенного количества лет (обычно 3-4 года). И если очередного чина не было, то это означает, что, скорее всего, служба была прекращена.

СОСТАВЪ ВОСКРЕСЕНСКАГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКАГО
ХОЗЯЙСТВА

И

денежный его отчетъ къ 5 ноября 1914 года.

Председатель Общества, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Борисъ Алексѣевичъ Брусиловъ.
Товарищъ Председателя, Генераль-Маіоръ Павелъ Ивановичъ
Лачиновъ.

Фрагмент листа отчета сельхозобщества,
1914 г. [106]. (выделено Авт.).

- 1909-1914 гг. – «*гласный Звенигородской Уездной Земской Управы*» [105];
- 1914 г. – председатель и «*Пожизненный член*» «*Воскресенскаго Общества сельскаго хозяйства*» [106].

Следует отметить, что приведенные выше сведения собраны из разных источников, в которых в разные годы упоминается имя Бориса Алексеевича Брусилова, но не всегда указываются сроки его пребывания на указанных должностях. Это означает, что собранные данные наверняка неполные как по годам службы, так и по перечню должностей. И еще надо добавить, что нигде не обнаружены данные о каких-либо финансовых вознаграждениях за выполнение обязанностей на перечисленных выше должностях. Поэтому, думается, не будет ошибочным предположение о том, что Брусилов трудился везде без денежной оплаты своего труда.

Как только что было отмечено, Брусилов по благотворительным делам был связан с больницей города Воскресенска (ныне г. Истра). Возможно, что ему самому приходилось обращаться за медицинской помощью в это лечебное учреждение, либо напрямую к врачам, там работавшим. С возрастом здоровье Бориса Алексеевича становилось хуже, как и у большинства людей. Это подтверждают его письма брату, в которых в разное время говорится: «*Все мы Слава Богу здоровы. Один я только подвергся сильному припадку какой-то боли в груди*» (1914), «*У нас все благополучно, но я проболел весь декабрь. Теперь у меня что-то и с печенью*» (1914), «*Третью неделю*

болит левая рука и я превратился в однорукаго. Доктор говорил, что это подагра и дал какую-то очень вонючую мазь» (1915), «*В Москве еще заболела правая нога*» (1915), «*Пишу тебе из Москвы где застрял сильно простудившись*» (1916) [39]. Трудно по этим словам делать какое-то медицинское заключение. Но то, что у Брусилова были проблемы с сердцем – это точно. Недуги на данной почве потом привели к его преждевременной кончине в Бутырской тюрьме.

Интересно было бы узнать о чертах характера Бориса Алексеевича, каким он был человеком. К сожалению, информации на сей счет удалось собрать не так много, как хотелось бы. В таких случаях обычно вырывают воспоминания кого-либо из близких членов семьи. Увы, но в опубликованных мемуарах генерала Алексея Брусилова почти нет сведений личного характера, брат Борис упоминается всего несколько раз и то кратко. Но есть слова старшего брата, которые следует привести обязательно. Когда Алексей Алексеевич узнал о смерти родного человека, то высказался об этом так: «*Борису с его непримиримыми взглядами, убеждениями и совершенной немелостью примениться к современной, революционной обстановке лучше было умереть! Здесь, на земле ему оставаться было несравненно тяжелей. [...] кристальной честности человек* [выделено Авт.]» [33]. Слова о честности выделены особо, так как думается, этим объясняются

Корпус Воскресенской земской лечебницы, 1959 г.
(художник С.М. Чехов) [76].

многие другие черты характера Бориса Алексеича. Нет никаких сомнений, что он был порядочным человеком.

По многочисленным данным, собранным из различных источников, можно с уверенностью говорить о подлинной, искренней вере Брусилова в Господа Бога. Он явно не относился к той части русской интеллигенции, которая все дальше отходила от Православной веры, что потом стало одной из причин случившейся в России трагедии в 1917 году. В начале XX века все популярнее становились различные оккультные движения*, все больше появлялось людей с атеистическими и революционными взглядами. Неверие в Бога, осмеивание Православия и церковнослужителей в либеральной прессе и в обществе становилось модным и массовым явлением. Но Борис Алексеич был в стороне от всего этого. Истинность веры в Господа, упование на Его волю явно прослеживается в письмах, адресованных брату Алексею во время Первой Мировой войны. В посланиях довольно часто упоминается имя Всевышнего, практически в каждом письме можно найти строки, подобные этим: *«Лично я верую, что Господь Бог даст нам победу. [...] Господь да укрепит тебя на великое дело и сохранит тебя. [...] Да будет над тобою Божие благословение. [...] Нина, дети и я издали христуемся с тобою и поздравляем с светлым праздником [...] Господь да хранит тебя. Если Бог позволит, то скоро свидимся»* [39].

Но не только словами в письмах он свидетельствовал о своей религиозности. Еще во время обучения в Ставропольском юнкерском училище, как показывает его аттестат (копия этого документа приведена выше), среди самых высоких оценок у молодого Бориса были отметки по истории и Закону Божию: *«11 (оч. хор.)»*. Уместно будет напомнить и о том, что практически сразу после покупки имения Глебово Брусиллов договорился *«частным соглашением с о. Смирновым»*, чтобы Богослужения в приписной Казанской церкви проводились чаще. И, например, Великим

постом в 1898 году приходской священник неоднократно приезжал в Казанскую церковь, об этом Брусиллов написал так: *«В марте в дни 12, 15 и 19 служба была по случаю говения моего семейства и всех служащих»* [64]. А то, что он более двух десятилетий беспрерывно являлся церковным старостой, выделял личные средства на благоустройство не только своего Казанского храма, но и приходской церкви в селе Филатово, финансово помогал в расширении сельского кладбища и в замене на нем ветхой часовни – разве все это не доказательство того, что Борис Алексеич был не на словах, а на деле по-настоящему верующим человеком? Да и его многолетние теплые отношения с приходским священником Алексием Смирновым тоже говорят о многом.

И еще в продолжение этой же темы. Очень интересный факт, ранее неизвестный, недавно был обнаружен в мемуарах Желиховской, когда та описывала события, происходившие в девятый день по кончине ее мужа: *«Митрополит Серафим (в миру Леонид Чичагов), друг Алексея Алексеича и Бориса еще по Пажескому корпусу, сейчас же приехал к нам»* [37]. Эти слова написаны в 1926 году. А через 11 лет упомянутый Владыка вместе со многими невинными людьми был расстрелян под Москвой на Бутовском полигоне НКВД. Ныне митрополит Серафим (Чичагов) прославлен Русской Православной Церковью как священномученик. К сожалению, пока мало что получилось узнать о том, что связывало Леонида Михайловича Чичагова с братьями Брусилловы. По архивным документам Пажеского корпуса удалось установить, что Леонид и Борис учились в одно время: в 1870-71 годах оба были в 4-м классе и через год – в 5-м [53]. Да и были они почти ровесники – разница в возрасте составляла менее года. Зная, кем стал Леонид в будущем, можно предположить, что он, будучи еще пажом, еще в юношеском возрасте отличался религиозностью среди сверстников. Хотелось бы верить в то, что он тем самым повлиял и на своего друга Бориса, который в дальнейшем оказался по-настоящему православ-

* Эти модные увлечения захватили и некоторых из Брусилловых. Старший брат Алексей в своих мемуарах писал так: *«Вернусь к старому Петербургу того времени, когда мы [...] занимались оккультизмом, читали журналы и книги по этим вопросам, устраивали спиритические сеансы»* [33]. В другом источнике сообщается, что его вторая жена Желиховская *«усиленно увлекалась оккультными занятиями, теософией»* [25]. Кроме того, сохранилась нечеткая фотография 1924-1925 гг., озаглавленная *«Материализации святого духа»*, на обороте которой написано: *«А.А.Брусиллов, племянница О.Б. Брусилова»* [127]. А вот относительно Бориса ни одного факта, связывающего его с оккультизмом, спиритизмом или масонами, не обнаружено.

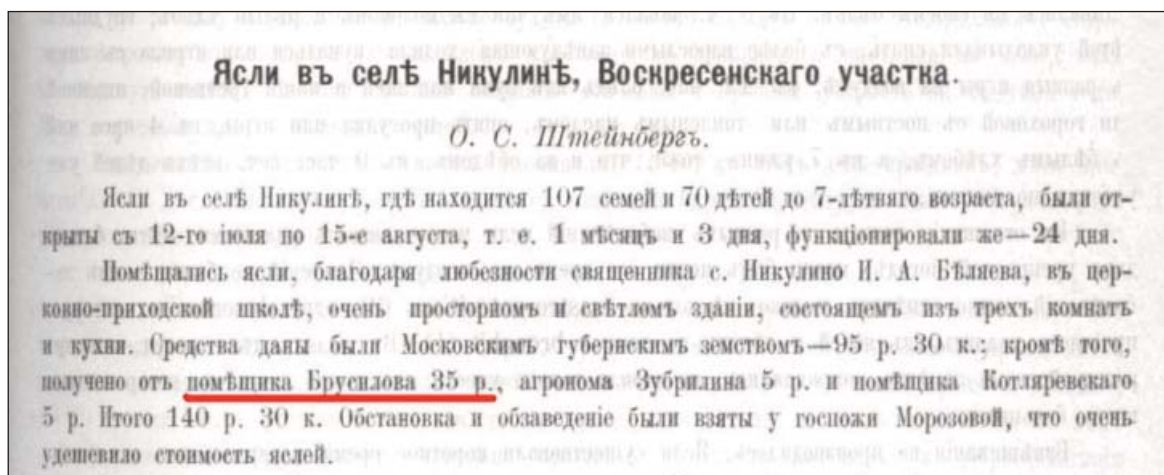
Офицер Леонид Чичагов, митрополит Серафим, конец 1870-х и 1925 гг.

ным человеком. Думается, не будет ошибочным предположение, что вера в Господа Бога объединяла молодых ребят.

Бывшие пажи Борис Алексеевич Брусилов и Леонид Михайлович Чичагов и после окончания Пажеского корпуса могли встречаться неоднократно, возможности для этого имелись. Были такие периоды, когда отец Леонид (а позже монах Серафим) нес свое служение в Москве. Самое благоприятное время для встреч было, когда его, уже архимандрита, в 1904 году назначили настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. От обители до усадьбы было чуть более 10 верст, и друзья вполне могли навещать друг друга. Свидетельств об этих встречах, увы, не осталось, но можно предположить, что однокашники в это время виделись чаще. Только вот эта территориальная близость длилась недолго, через год архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Сухумского и уехал на новое место служения. 17 сентября 1918 года Владыка стал митрополитом Варшавским и Привислинским, но из-за военнополитической ситуации не смог выехать в Польшу. Поразительно, но именно в этот день умер Борис Алексеевич! Вероятнее всего, что отпевали Брусилова в Москве, брат Алексей в своих мемуарах писал, что его тело из Бутырской тюрьмы перевезли в «храм Св. Николая Явленного на Арбате» [33]. И митрополит Серафим навер-

няка простился со своим другом, служил позже по нему панихиды. Документальных фактов, подтверждающих это, пока нет. Но, хочется верить, что так оно и было.

Возвращаясь к теме пожертвований, следует отметить, что Брусилов помогал не только храмам, но и простым людям, когда это требовалось. Собранные из разных источников материалы говорят о том, что Борис Алексеевич, как и члены его семьи, не был жадным человеком. Так, например, в 1910 году в учреждаемую в городе Воскресенске библиотеку-читальню имени А.П. Чехова был сделан необычный дар: «Кроме того членом общества Б.А. Брусиловым сделано крупное пожертвование книгами (рублей на 600)» [104]. В материалах краеведа Вячеслава Андреевича Михеева, изучавшего историю Истринской больницы, со ссылкой на дореволюционную публикацию 1897-1898 годов о благотворительном обществе при Воскресенской лечебнице говорится, что «Средства для постройки приюта – яслей (1763 рубля 51 копейка), образовались из остатков от членских взносов, специальных пожертвований (А. Н. Брусиловской, господ Поповых и других)» [107]. Фамилия в цитате слегка искажена, но понятно, что речь идет об Анне Николаевне Брусиловой. Обнаружена также информация о помощи по организации детских яслей для крестьянских детей при Преображенской церкви села Нику-

Начало статьи о яслях в Никулино, 1904 г. [108]. (выделено Авт.).

лино: «получено от помещика Брусилова 35 рублей» [108].

Этим списком, конечно, далеко не исчерпываются все факты материальной поддержки нуждающихся семей Брусиловых. Просто этим вопросом прежде никто не занимался, информация разбросана по разным архивным делам (шифры которых еще надо узнать), и ограниченность по времени не позволила собрать больше данных о реальной помощи Бориса Алексеевича как различным организациям, так и отдельным людям.

К сожалению, пока совсем немного обнаружено материалов и о круге общения Брусиловых в Глебово. Судя по переписке генерала с женой, подмосковная усадьба всегда была гостеприимным домом для близких людей, сюда регулярно приезжала многочисленная родня и гостила подолгу. О хороших отношениях Бориса Алексеевича с приходским священником Алексием Смирновым уже говорилось выше. Но этим, конечно, не исчерпывалось общение Брусилова. Как уже говорилось выше, он занимал несколько общественных должностей, что само собой подразумевало регулярные контакты с разными людьми.

Думается, не будет ошибочным предположение о том, что у Бориса Алексеевича имелось немало приятелей и знакомых, причем не только среди людей своего круга, но и среди простых крестьян. Брусилов после 30 лет службы на различных армейских и гражданских должностях получил высокий чин действительного статского советника, что соответствовало званию генерала в армии. Но это никак не сказывалось на его отношениях с обычными людьми, в них не было никакой заносчивости и чванливости, свойственной некоторым лицам «благородного происхождения». Об этом прямо свидетельствуют многочисленные сохра-

нившиеся записи из метрических книг приходской церкви села Филатово. В них в разные годы обнаружены десятки (это не преувеличение!) записей о рождении детей у местных жителей, у которых в качестве восприемников при крещении вписаны имена Бориса Алексеевича, жены Анны Николаевны и его дочерей Ольги и Елены. Быть крестными родителями у родившихся детей своих крестьян вовсе не было обязанностью господ того времени, это лишь свидетельствовало о добрых отношениях между людьми. Можно еще отметить, что схожие записи найдены и в книге бракосочетаний, согласно которым поручителями (то есть свидетелями) при венчании обычных крестьян были все те же члены семьи Брусиловых.

Хорошие отношения помещика, его жены и детей к простому народу не могли не вызвать ответную положительную реакцию со стороны местного населения. Как писал Алексей Брусилов в своих мемуарах о брате Борисе: «крестьяне его любили» [33]. Кратко сказано, но исчерпывающе. Об этом же свидетельствует и тот факт, что после Октябрьской революции усадьба Глебово не была сожжена, хотя известно, что поджоги имений в те смутные годы совершались довольно часто. Это значит, что крестьяне не таили злобу на своего помещика, а, напротив, помнили добрых хозяев. В связи с этим стоит привести слова местного жителя Ивана Игнатьевича Колесникова, отец которого был извозчиком у Брусилова: «в 1918 году из Лучинской волости приехала тройка с представителями ОГПУ с целью арестовать помещика. Первый наезд представителей советской власти был безуспешным: крестьяне буквально отбили Бориса Алексеевича Брусилова, не причинившего им никакого зла, а творившего только добрые дела. Однако спустя несколько месяцев чекисты

появились снова» [85]. Так ли было на самом деле — сказать трудно, подтверждающих документов этому факту нет. Но, зная о хороших отношениях помещика и крестьян, поверить в это нетрудно.

Говоря о личных качествах, также необходимо напомнить о том, что Борис Алексеевич не был трусом, армейское командование неоднократно отмечало храбрость молодого офицера. Вся его военная карьера наглядно подтверждает это, многочисленные боевые ордена и медали говорят сами за себя.

Необходимо отметить еще одну любопытную деталь, связанную с армейским периодом жизни Брусилова. Выше уже говорилось, что воинская специальность у Брусилова была «*полковой наездник*». Вероятно, Борис Алексеевич любил лошадей и верховую езду, об этом свидетельствуют записи в его ФС о награждении призом 160 рублей на «*обязательной офицерской скачки с препятствиями*», и о том, что он «*Окончил курс отдела верховой езды и выездки лошадей офицерской кавалерийской школы [на] отлично*» [28]. В связи с этим можно говорить о семейной традиции, ведь его отец Алексей Николаевич был в звании «*армейской Кавалерии Генерал-Лейтенант*» [31]. Да и, как известно, брат Алексей, также был генералом от кавалерии, в царское время несколько лет был начальником Офицерской кавалерийской школы, а в советское — инспектор кавалерии РККА.

Судя по всему, Борис Алексеевич Брусилов любил читать, собирал книги, и их, видимо, было у него немало. В связи с этим стоит напомнить о его пожертвовании в общественную читальню печатных изданий на 600 рублей. В доме в Глебово была личная библиотека, часть книг из которой потом была изъята в областной музей, организованный в бывшем Новоиерусалимском монастыре. Так, например, в каталог попали сведения о таком издании: «*Богданович, Модест Иванович (1805-1882). История военного искусства и замечательнейших походов: Воен. история сред. веков [...] 1853. [...] Помета: “Из книг Б. Брусилова”. Поступление: Из Глебова (Брусиловых)*» [90]. Этот том считается утраченным, а вот другое издание, к счастью, сохранилось. Речь идет о книге, подаренной настоятелю Филатовского храма о. Алексию Смирнову, ныне она выставлена в музее священномученика (фотокопия ее страниц приводится далее).

Были ли Брусиловы заядлыми театрами — сказать трудно. Но в Московские театры иногда ез-

дили, это точно. Например, в переписке генерала есть такие строки: «*сегодня Борис приглашал ехать в оперу к ним в ложу, и она [сестра Желиховской Елена] не поехала, так как буквально нет ничего, в чем можно было бы поехать в оперу*» [109].

Это, что называется, положительные стороны характера Бориса Алексеевича. Но, как и у любого человека, у него были и отрицательные черты. Судя по всему, семья Брусиловых не была чужда роскоши, это подтверждается фактами из различных источников. О тяге к дорогим вещам наглядно свидетельствует опись мебели из редкой карельской березы, которая была изъята советской властью из имения Глебово (список приводился выше). Кроме того, в переписке Желиховской упоминается такой любопытный эпизод: «*Мне очень хотелось сказать Борису, чтобы он продал свой чернильный прибор, за который заплачено 5000 р. Теперь серебро страшно дорого. Ведь эгоизм ужаснейший, чтобы рисковать чужими деньгами себе ни в чем не отказывая*» [43]. В другом письме той же родственницы говорится: «*Я думаю, по нынешним ценам им ежедневно еда обходится не менее ста рублей [...] Как возможно не жалеть денег на себя и как вредно так жить*» [61].

Генерал Алексей Алексеевич, как никто другой, хорошо знал родного брата, называл его «*изнеженный, балованный барич*» [33], и упрекал за бесхозяйственность и чрезмерную трату денег: «*Борис всю свою жизнь бездельничает и ест икру и всякую вкуснятину*» [109]. Он же отметил такую деталь, что у брата на руках было несколько «*дорогих перстней*».

Тяга к роскоши негативно сказалась на дальнейшей жизни. Неумение экономно вести хозяйство, трезво соразмерять доходы и расходы и реально оценивать ситуацию привело семью Брусиловых в итоге к большим финансовым проблемам. Борису Алексеевичу в последние годы перед революцией постоянно приходилось искать, где бы занять денег для погашения огромных долгов и выплаты по ним процентов (об этом еще будет сказано далее). Несомненно, что постоянные просьбы дать займы, не в лучшую сторону сказывалось на отношениях с друзьями и родственниками.

Но это было потом, в последние годы перед революцией. А поначалу ничто не омрачало жизнь в подмосковном имении. Можно сказать, что среди родственников семья Бориса Алексеевича была наиболее материально обеспечена (так, по крайней мере, было в первые годы после покупки

имения Глебово). При этом они вовсе не отгораживались от менее состоятельной родни, напротив, хозяева подмосковной усадьбы всегда были готовы с радушием принимать гостей. Выше уже говорилось о визитах в Глебово старшего брата Алексея Алексеевича, о том, что на крещении сына была Екатерина Константиновна (жена младшего брата Льва). Кроме того, в архивных документах обнаружены материалы о приездах в подмосковное имение и других родственников. Например, в метрической книге за 1904 год обнаружена запись о рождении двух девочек-близнецов у некоего местного крестьянина Гавриила Павлова, и при этом восприемниками при крещении были записаны дочери помещика и его племянник: «*Статскаго Советника Бориса Алексеевича Брусилова дети: Ольга Борисовна и Елена Борисовна и Капитана 1-го ранга Льва Алексеевича сын, Сергей Львович Брусилов*» [41]. Заезжал в гости и другой племянник – сын старшего брата Алексей (Люк). В воспоминаниях Желиховской говорится, как он прибыл в Глебово вместе со всей родней в 1911 году [37]. А в мемуарах А.А. Брусилова сообщается о другом визите сына: «*В 1916 году во время затишья на фронте он [Алексей] бывал в отпуску в Москве, гостил у моей жены и в имении брата Бориса под Москвой*» [33]. Во время Первой Мировой войны приезжал в усадьбу еще один офицер из родственников, брат Желиховской: «*Ростя, повидавшись с Борисом и Ниной Брусиловыми, погостив у них в Глебово несколько дней, уехал обратно на фронт к Алексею Алексеевичу*» [37] (стоит напомнить, что Ростислав Яхонтов был однополчанином братьев и крепко дружил с Алексеем, их могилы находятся рядом в Новодевичьем монастыре Москвы). Таким образом, можно говорить, что подмосковное имение было гостеприимным домом для всей многочисленной родни. Вполне возможно, что радушие и хлебосольство Борис с юных лет перенял от воспитывавших его дяди и тети Гагемейстер, славившихся своим гостеприимством, как и многие, жившие в Грузии.

В случае необходимости Брусиловы готовы были бескорыстно помогать близким людям. Исследователь переписки генерала Н.А. Родионова на основании многочисленных просмотренных в архиве ГАРФ писем сделала такой вывод: «*Семья Роман – отдаленные родственники жены Бориса Брусилова, Нины Николаевны, урожденной баронессы Рено. Когда их мать умерла (отец Роман умер гораздо раньше), три взрослых девушки и подросток-мальчик переехали к ним, и Нина и Борис заботились о них. Как о родных детях. Впоследствии их дочь Елена Борисовна вышла замуж за Сергея Роман, но вскоре овдовела*».

Теперь настала пора поговорить о том, как выглядели члены семьи Брусиловых. На сегодняшний день известно всего 2 фотоснимка, оба они групповые, сделаны совместно с родственниками. О первом, более раннем снимке, где показаны три брата, уже говорилось выше.

На другой фотографии изображена семья владельца имения Глебово. Она растиражирована в нескольких книгах и на многих интернет-сайтах. К сожалению, везде качество изображения очень низкое, лица людей разглядеть практически невозможно. А так как нигде не указан первоисточник, то найти данный снимок лучшего разрешения не

Борис Алексеевич с семьей и племянником Георгием Брусиловым, 1912 г. [110].

представляется возможным. Размещаемая ниже копия позаимствована из книги о полярной экспедиции Георгия Брусилова, надпись под фотоснимком приведена такая: «Семья дяди Г.Л. Брусилова, Б.А. Брусилова. На переднем плане рядом с мужем истинная владелица судна А.Н. Брусилова (сидит). По ее имени, приобретенную для экспедиции, ихуну “Пандора” переименовали в “Св. Анну”. Стоит крайний справа Г.Л. Брусилов. Фотография 1912 г., времени подготовки экспедиции» [110].

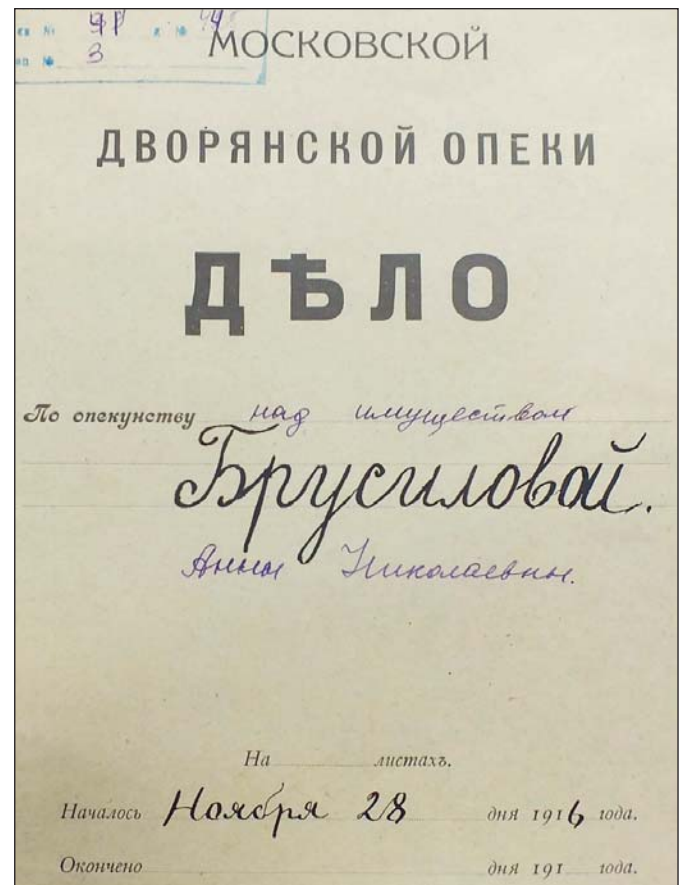
В упомянутой книге больше ничего не говорится о приводимом изображении. Но если отталкиваться от других известных фактов, то можно придти к следующим предположениям. Показанные на фото две молодые девушки и мальчик – это дети Бориса Брусилова, а именно: Ольга, Елена и Алексей (возраст молодых людей на снимке и время съемки вполне согласуются с известными датами их рождения). В качестве места, где сделан фотоснимок, логичнее всего предположить, что это усадьба Глебово, на территории которой был парк, росло множество деревьев (они видны на дальнем плане), и барский дом был деревянный, как и на изображении. В пользу такого предположения о месте говорит и то, что на снимке в полном составе показана семья Бориса Алексеевича, которой для фотосъемки не нужно было куда-то уезжать из своей усадьбы. Можно также догадаться, по какому случаю сделана данная фотография. Единственный неместный человек на ней – это морской офицер Георгий Львович Брусилов. В 1912 году шла активная подготовка к полярной экспедиции, которую финансировала семья подмосковных родственников. Вероятнее всего по делам ее подготовки племянник и приехал в усадьбу Глебово к дяде и тете.

* * *

Выше уже отмечалось, что среди близких родственников семья Бориса Алексеевича была наиболее материально обеспеченной. Но за счет чего? Да, родные жены были богатыми людьми, на их деньги были приобретены подмосковные земли. Но оказывали ли они и далее финансовую помощь молодой семье Брусиловых – об этом сведений нет. Напротив, известно, что практически сразу после покупки имения Анна Николаевна заложила приобретенные земли в банке. В архивном деле о ссуде имеются подробные сведения о том, как в 1894 году оценивалось имение Глебово. Выше приводились выдержки из этого документа, со-

гласно которым А.Н. Брусилова получила в “Дворянском Земельном банке” заем в 54 тысячи рублей под залог имения. Это были немалые деньги. И их могло бы хватить надолго при умелом и рачительном ведении хозяйства. Однако в семье Брусиловых привыкли жить «на широкую ногу», не думая об экономии средств.

Доходы же от владения подмосковными землями и ведения хозяйства в имении Глебово, по имеющимся сведениям, были довольно скромными и составляли в конце XIX века, по разным оценкам, от тысячи с небольшим до 3 тысяч рублей в год. Этих денег было явно мало для обеспечения того уровня жизни, к которому привыкли хозяева усадьбы. Откуда же тогда брались другие средства? Вновь в банках, имение Глебово закладывалось еще как минимум дважды. Об этом сказано в деле «По опекунству над имуществом Брусиловой Анны Николаевны» в прошении Бориса Алексеевича: «После смерти ея в числе другого имущества остались две закладные крепости: одна закладная, совершенная у Николаевского Нотариуса Исаченко 4-го октября 1908 года [...] в сумме 159.040 р., [...] совершенная у того же Нотариуса Исаченко 23 сентября 1909 г. [...] в сумме 121.022 рублей» [101].

Титульный лист дела об опеке, 1916 г. [101].

Общая сумма денег, полученных по трем перечисленным долговым бумагам – более 330 тысяч* рублей – была очень значительной в начале XX века. Когда и на какие цели были потрачены эти средства – об этом прямо нигде не говорится, сведений о покупке Брусиловыми какой-либо крупной недвижимости, новых земель не обнаружено. Думается, не будет ошибкой предположить, что такие большие средства не были просто промотаны, как нередко случалось с некоторыми непутевыми помещиками во все времена. Об увлечении азартными играми Бориса или его жены тоже ничего не известно. Поэтому вряд ли заемные деньги были проиграны в карты либо в казино. Нет также сведений и о поездках за границу. «Проесть» такие значительные средства за несколько лет семьей из 5 человек вряд ли возможно. Да, Брусиловы были склонны к приобретению дорогих вещей и мебели (примеры приводились выше). Но, все же, здесь идет речь о суммах на порядок больше. Так куда же ушло целое состояние? (А то, что оно «ушло» – сомнений нет, так как по многим свидетельствам Борис Алексеевич в последние годы своей жизни все время нуждался в деньгах, постоянно искал, где бы их занять).

Собственно говоря, ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. Выше уже говорилось о значительных деньгах, потраченных на организацию в 1912 году полярной экспедиции племянника Георгия Львовича Брусилова. В общей сложности дядей и тетей было израсходовано на подготовку похода по северным морям до 200 тысяч рублей. И тогда становится понятным, каким тяжелым ударом, во всех смыслах, оказалась пропажа шхуны и племянника в 1914 году.

Так Брусиловы оказались в сложнейшей жизненной ситуации. Но произошло это не сразу, проблемы усугублялись постепенно. К сожалению, многие обстоятельства до сих пор остаются не-

известными. Однако из тех данных, которыми располагаем, можно предположить следующее развитие событий. Для каких целей Брусиловы делали крупные займы в банках в 1908-1909 годах, осталось непонятным. В то время речь ни о каком походе по арктическим морям не шла. Однако деньги были получены и, видимо, на протяжении ряда последующих лет просто тратились «на жизнь». Как известно, просто так банки займы не выдают, их надо возвращать, да еще с процентами. Ну а если заняты большие суммы, то и выплаты денег в виде процентов тоже велики. А где взять на это средства?

Выше уже говорилось, что в это время племянник участвовал в экспедиции по Северному Ледовитому океану, после чего захотел организовать свой поход по арктическим морям, а деньги на него решил взять у близких родственников. Он обратился с предложением о финансировании к дяде и тете и, видимо, убедил их**, что если вложить деньги в экспедицию, то потом все многократно окупится от продажи добытой пушнины. Борис Алексеевич и Анна Николаевна поверили в успех предприятия, собрали все оставшиеся деньги, вполне возможно, что-то пришлось дополнительно занять. И все это было потрачено на покупку шхуны, необходимого снаряжения и провианта, на зарплату членов экспедиции. Ну а дальше ...

Печальный исход полярного похода известен, ситуация с финансами для семьи Брусиловых стала после этого катастрофической. Лишь благодаря известности брата-генерала еще несколько лет с банками удавалась как-то договариваться об отсрочках платежей. Об этом говорится в одном из посланий Желиховской: *«Теперь относительно Бориса. [...] недоимок за ними больше 12 т. [12.000 рублей], и что, если бы в этом деле не было замешано имя брата генерала Брусилова, то имение еще в прошлом году с молотка бы пошло, было бы продано. Теперь необходимо*

* Трудно на самом деле судить об общем размере долга Брусиловых не только потому, что нет сведений о заимствованиях у частных лиц (а они вполне могли быть), но и потому, что сумма 330 тысяч получена простым сложением трех займов в банках, сделанных в разное время. И при этом не учтено, что на самом деле очередной заем денег мог частично уходить на погашение предыдущего.

** На самом деле нет никаких оснований утверждать, что это лейтенант Георгий Брусилов уговорил дядю и тетю вложить свои деньги в экспедицию. Может, все было ровно наоборот, возможно Борис Алексеевич и Анна Николаевна уговаривали племянника организовать в походе добычу пушнины. Узнаем ли мы когда-нибудь, кто был инициатором идеи промысла? Но на самом деле это и не так важно, никого уже давно нет в живых. Фактом является то, что интересы родственников совпали, и их результатом стала организация похода, который, к сожалению, не оправдал себя и окончился пропажей шхуны, трагической гибелью Георгия и многих членов экспедиции.

между 15 сентября и 1 октября [1916 г.] внести 6 т. [6.000 руб.], это минимально, со всевозможными скидками и послаблениями во имя тебя» [111]. Следует подчеркнуть, что речь шла лишь об отсрочках, а не о прощении долгов.

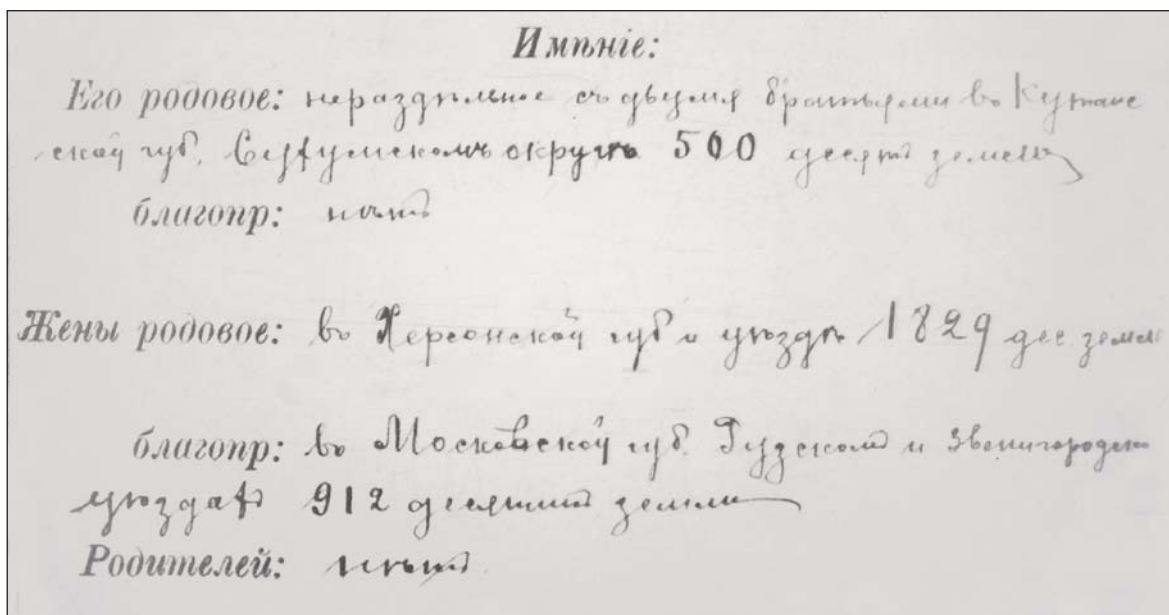
Надо отдать должное, Борис Алексеевич руки не опускал, искал выход. Как можно было выйти из тяжелейшего финансового положения? На доходы от собственных имений? Увы, как было показано выше, Глебово приносило совсем не те деньги, которые требовались для погашения долгов. Как оказалось, помимо подмосковных земель у Брусиловых были еще имения, у каждого супруга имелись собственные владения. В самом начале уже приводилась цитата из ФС, что «в Кутаисской губернии Сухумского округа 500 десятин земли» [48]. Это было совместное владение Бориса с братьями Алексеем и Львом, и, судя по указанному размеру земли (меньшему, чем в Подмоскowie), значительный доход вряд ли оно приносило. И надо еще учесть, что Борис Алексеевич не был единственным владельцем этих земель на юге империи.

Значительно больший размер угодий был в личном владении жены на ее родине: «в Херсонской губ. и уезда – 1829 дес. земли» [112]. Сведения об этом очень мало, возможно, Анна Николаевна, как в ситуации с мужем, была не единственной хозяйкой этих земель, были еще совладельцы. Но что точно известно, так это то, что в южном имении тоже были проблемы. Об этом сказано в одном из писем Бориса брату на фронт: «Херсонские крестьяне прекратили уплачивать

проценты» [39]. Все это говорит о том, что доходы от имений не могли выправить общее финансовое положение семьи Брусиловых. И тогда становится понятным, почему Борис Алексеевич вынужден был часто обращаться с просьбами одолжить денег.

Где именно пытался Борис Алексеевич найти деньги, когда стало совсем тяжело, полной информации об этом нет. Но то, что он многократно обращался с такими просьбами к старшему брату – это очевидно, об этом говорится в переписке генерала А.А. Брусилова с женой. Известно, по крайней мере, об одном случае, когда Алексей согласился дать 5.000 рублей – Борис и Анна потом его очень благодарили (цитата приводилась ранее). Но вот были ли на самом деле переданы деньги – на это есть большие сомнения, так как сумму должна была передать Желиховская, а она, судя по письму, жестко воспротивилась этому. Были и другие обращения за помощью к старшему брату, на которые следовал отказ. Так, например, в одном из писем генерал сообщал жене о просьбе брата: «Борис прислал мне письмо. А затем телеграмму с просьбой о ссуде денег. Ты ему объясни, что я получаю по 2 т. р. [2.000 рублей] в месяц, жизнь стоит мне дорого. [...] Кроме того, пришлось платить долги. Остаются крохи. Нужно, чтобы Нина и Борис это твердо знали, я им это также напишу. Откуда они взяли, что я получаю 5 т. р. в месяц? Что за чепуха?» [36].

После пропажи полярной экспедиции и безуспешных ее поисков, перед семьей Б.А. Брусилова все явственнее вставала мрачная перспектива

Фрагмент листа из дела Свято-Троицкого Богадельного дома, 1906 г. [112].

финансового краха, банкротства и продажи с торгов имения Глебово. Какой был выход в этой тяжелой ситуации? Желиховская писала мужу в одном из писем: «Необходимо продать имение и лес, с которым Борис обращаться не умеет. Нужно купить небольшой, но удобный дом (никак не в Москве, где голодно, а здоровье от этого страдает и страшная дороговизна, а где-нибудь на юге, на Кавказе, в Крыму, в Одессе), и переехать обязательно. Здесь он привык к роли миллионера и большого барина» [43]. Вероятно, она это же говорила и самому Борису. Но как трудно было решиться на продажу любимой усадьбы, где прожито столько лет, отказаться от привычного уклада жизни. Однако в конце 1916 года Борис Алексеевич, видимо, стал понимать неизбежность перемен, об этом свидетельствуют его слова в одном из посланий: «пока не будет квартиры в Москве, будем жить в Глебово» [39].

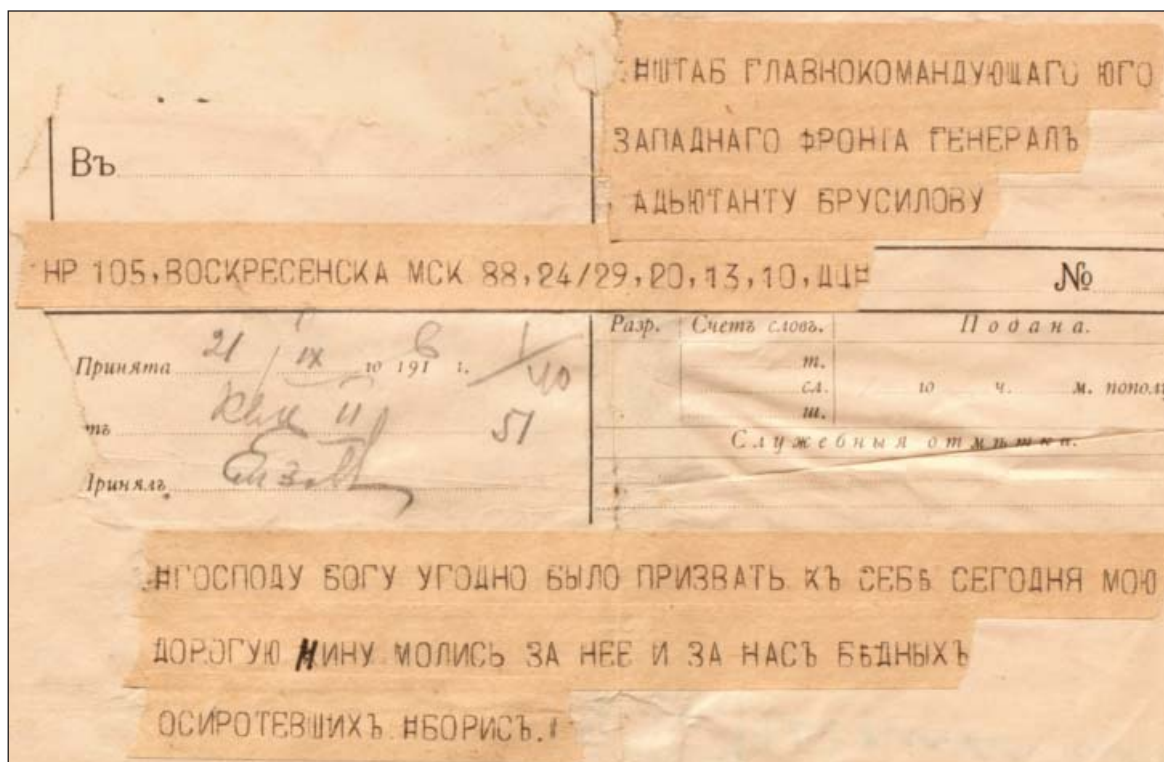
* * *

К сожалению, в жизни нередко бывает, что за одной бедой вскоре приходит другая. В 1916 году в письмах на фронт Борис Алексеевич все чаще стал говорить о болезни жены Анны (Нины): «Теплая погода хорошо влияет на Нину, которая проболела почти всю зиму» (28 марта), «У нее выступила грыжа и теперь наступил период сильных страданий» (24 июня), «теперь совершенно

невозможно отлучиться в следствии болезни Нины [...] Нина так слаба, что все время лежит» (2 сентября), «Нина все еще больна. Кашель прошел, но он очень истоцил ее» (12 сентября) [39].

Конец наступил скоро. В метрической книге Христорождественской церкви села Филатово за 1916 год обнаружена запись, сделанная рукой священника Алексея Смирнова: «Сентябрь. [умерла:] 20, [погребена:] 23. Действительнаго Статскаго Советника Бориса Алексеевича Брусилова жена Анна Николаева, 50 лет. [от чего:] От рака в поджелудочных железах. [где похоронена:] в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре» [113]. Борис Алексеевич немедленно телеграфировал на фронт брату о постигшем несчастье: «ГОСПОДУ БОГУ УГОДНО БЫЛО ПРИЗВАТЬ К СЕБЕ СЕГОДНЯ МОЮ ДОРОГУЮ НИНУ МОЛИСЬ ЗА НЕЕ И ЗА НАС БЕДНЫХ ОСИРОТЕВШИХ БОРИС» [39].

Об этой депеше и о постигшей утрате генерал потом написал своей жене: «смерть Нины меня удивила и опечалила, я ее очень любил. В один и тот же день получил телеграмму, что Борис просит телеграфировать в Москву Шебеко послать ему карету моторную скорой помощи для перевоза Нины в Москву для операции, а затем о ее смерти. Что он, бедный, будет теперь делать? Две взрослые дочери и сын. Может быть, Ты предложишь на время привезти в Одессу, а Борис отвезет их,

Телеграмма Бориса Брусилова брату на фронт, 1916 г. [39].

переговорит в Банках или банке и поедет ко мне с Алешей, чтобы побыть со мной, а затем поедет восвояси. Впрочем, думаю, что он никуда не поедет, а будет продолжать сидеть в Глебове, хотя сидеть в деревне одному, то есть без жены, с дочерьми, умирающими от безделья и жаждущими жизни и на таком возрасте, что переходят скоро в область старых дев, при сыне, которого надо учить – было бы более чем странно» [36].

Как уже сообщалось, Анна Николаевна умерла от «рака в поджелудочных железах». Когда именно Б.А. Брусилов узнал истинную причину недомоганий жены – сказать трудно. Желиховская в своих письмах во всем винила Бориса*, мол, она еще раньше говорила ему, что надо обращаться к врачам в Москву. А тот все тянул. На самом деле, не все так очевидно, Борис Алексеевич в одном из посланий брату говорил про дороговизну вызовов врачей (надо учесть, в каком тяжелом финансовом положении семья тогда находилась). И наверно рассчитывал на традиционное русское «авось пронесет». Увы. На самом деле, вряд ли что-то можно было изменить. Рак и сейчас трудноизлечимая болезнь, что же тогда говорить про начало XX века.

Как сказано в метрической книге, Анна Николаевна была похоронена в Новоиерусалимском монастыре. Однако точное место ее могилы до сих пор неизвестно, об этом ничего не говорится в книге «Некрополь Нового Иерусалима». Причина, вероятно, в том, что, как считает исследователь Виктор Владимирович Мурзин-Гундоров, памятник на захоронении Брусиловой не был установлен. Это и понятно, ведь сразу на свежей могиле надгробие обычно не делают. А через 2 года уже самого Бориса Алексеевича не стало.

Об Анне Николаевне Брусиловой (Рено), к сожалению, пока собрано очень мало информации, сохранилась только одна семейная фотография и то изображение на ней нечеткое. В мемуарах Жели-

ховской имеются такие слова: «вообще, вся наша молодая петербургская компания любила Нину, она дружила с братьями моими Ростей и Валеи, была очень добродушная, приветливая, остроумная. [...] Нина не была способна ни на какие интриги» [37]. Выше уже приводились слова старшего брата про семью Бориса: «он жил в счастливом браке», «получил исключительно милую, добрую, любящую жену». Можно с уверенностью говорить, что супруги любили друг друга. Об этом свидетельствуют письма Бориса брату, в которых есть слова о том, как тяжело он переживал потерю жены**: «Самое страшное, что могло меня постигнуть на земле свершилось: я остался жить без моей дорогой Нины, а дети остались без горячо и нежно любящей их матери, ничего ужаснее произойти не могло. [...] мы думали, что хорошо для нас лично умереть одновременно. Но всплывал жуткий вопрос о детях. [...] Я говорил, что остаться нужно ей, она же [...], что лучше остаться мне. Господь же и решил: ушла раньше Нина» [39].

После смерти Анны Николаевны в Московской Дворянской опеке было заведено соответствующее дело, из него уже приводились цитаты, говорилось о двух закладных на имение. В деле есть еще такие слова: «Срок этим закладным истек. Кроме того 1-го декабря 1916 года земля, заложенная по одной из этих закладных, назначена в публичную продажу в Земельном Банке в Одессе» [101]. Удалось ли избежать или отсрочить продажу имущества с торгов – информации нет. Известно лишь, что семья Брусиловых проживала некоторое время в Глебово и после большевистского переворота 1917 года. То, что должны были продать с торгов, но, возможно, не успели сделать, вскоре отобрали советская власть. Как видно – в любом случае не суждено было Брусиловым оставаться владельцами подмосковного имения, в котором они прожили более двух десятков лет.

* Отношения второй жены генерала Надежды Владимировны Желиховской с шурином Борисом были непростыми, как она сама написала в своих мемуарах про подмосковных родственников: «Я знала, что они были очень сердиты на Алексея Алексеевича за то, что он женился на мне, не спросив их совета» [37]. Потом острота несколько сгладилась. Однако думается, что отказ Желиховской передавать 5 тысяч рублей, которые Алексей согласился одолжить брату, не улучшил ее отношения с Борисом и его семьей.

** Маленький штрих: после кончины жены все последующие письма Борис окаймлял в траурную черную рамку. К этой детали почему-то с сарказмом отнеслась Желиховская, назвала это излишне пафосным.

Кончина последнего владельца усадьбы Глебово

На смерти Анны Николаевны беды в семье Брусиловых не закончились. Вскоре произошла сначала Февральская, а потом и Октябрьская революции. В 1918 году после покушения на Ленина и убийств Володарского и Урицкого, в стране начались массовые аресты, большевиками был развернут кровавый «Красный террор». Нарком внутренних дел Петровский предписал «*всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников*». Власти на местах брали всех, кто относился к «*представителям правящего сословия*». Среди многих были взяты под стражу братья Брусиловы Алексей и Борис (арестованы порознь). Случилось это, вероятно, в начале сентября.

А что было дальше – генерал описывает в своих мемуарах: «*Я знал, что одновременно со мной в деревне брата моего Бориса был арестован он сам, его дочь, две их двоюродные сестры Роман, двоюродный брат Сергей Роман* и мой*

*сын. Мне рассказывали, что брат мой был болен и за час до ареста послал телеграмму в Москву с просьбой о докторе, так как сильный припадок грудной жабы** его напугал. Вместо доктора явились чекисты и повезли его ночью, под дождем, в тряской телеге на станцию железной дороги для доставления в Москву, в Бутырскую тюрьму. [...] Слишком грустно было, конечно, что умер он в пересыльной тюрьме, в грязи, рядом с уголовными преступниками, ворами и бандитами, этот изнеженный, балованный барич и кристальной честности человек... Жена моя и другие родственницы хлопотали о том, чтобы его перевести в тюремную больницу. Но когда это наконец разрешили, его под руки повели мой сын и Сергей Роман, то на пороге коридора и больницы он скончался. Когда на одну минуту, думая, что он в обмороке, его опустили на пол и бросились за носилками и доктором, то вернувшись Алеша и Сергей Роман застали его уже без сапог и без очень дорогих перстней, бывших у*

Митинг в поддержку террора, 1918 г.

* Сергей Роман – муж Елены, дочери Бориса Брусилова.

** Грудная жаба – так прежде называли болезни сердца (стенокардия, ишемическая болезнь).

Братъ моего мужа, Борисъ Алексѣевичъ Брусилловъ скончался отъ истощенія и потрясеній ухудшившихъ его болѣзнь въ Бутырской тюрьмѣ. Его не воскресить. Тѣло его выдали и изъ Чрезвычайной Комиссiи была оказана помощь въ хлопотахъ о доставленiи его по ж.д. въ Нов. Иерусалимъ, такъ какъ тамъ онъ заранѣе приготовилъ себѣ мѣсто для могилы. Спасибо тѣмъ — кто въ этомъ помогъ. Также спасибо за то, что не винно заключенныхъ дочь и племянницу усопшаго вчера, въ день перевозки тѣла на вокзалъ, выпустили изъ тюрьмы.

Фрагмент копии письма Желиховской, 1918 г. [114].

него на пальцах. Все это я узнал гораздо позднее*, когда был уже дома» [33].

Борис Алексеевич Брусиллов умер в тюрьме 17 сентября** 1918 года. Он не дожил до своего 63-летия чуть более недели. Пришлось приложить немало усилий родственникам, чтобы получить тело умершего и предать его земле. Алексей Алексеевич особо отметил усердие в этом деле невестки Варвары Ивановны Котляревской, которая много «сделала своей энергией и находчивостью, чтобы помочь извлечь тело Бориса из тюрьмы, перевезти его в храм Св. Николая Явленного на Арбате, обмыть, одеть, устроить все благолепно и хорошо, по христиански» [33].

Где именно был похоронен Борис Алексеевич Брусиллов? В книге, написанной в наше время Ю.В. Соколовым, утверждается, что тело было «с помощью чекистов перевезено в Новый Иерусалим для погребения в подготовленной по завещанию покойного могиле в бывшем его имении Глебово» [26]. В одном из писем Желиховской, датированным 21 сентября 1918 года, об этом говорится так: «Тело его [Бориса] выдали и из Чрезвычайной комиссии, была оказана помощь в хлопотах о доставлении его по железной дороге в Новый Иерусалим, так как там он заранее приготовил себе место для могилы» [114]. В этих цитатах много общего, но нетрудно заметить отличие в деталях: в письме говорится о перевозке тела в монастырь и о погребении его там же, а в

книге утверждается, что Брусилова похоронили в Глебово. К сожалению, писатель Соколов не приводит ссылок на источник своей информации. В таком случае следует больше доверять современникам тех событий, то есть письму. Есть и еще одно свидетельство. По мнению исследователя В.В. Мурзина-Гундорова похоронили Бориса Алексеевича Брусилова на территории обители, причем оно было последним, так как примерно через год монастырь был закрыт новыми властями и вскоре там организовали музей.

Могилы Брусилова не сохранилась и можно лишь догадываться, где она находилась. Думается, не будет ошибкой считать, что Борис Алексеевич хотел быть погребенным рядом с умершей за два года до этого женой Анной Николаевной. И это было исполнено. Точно также можно предположить, что самое вероятное место захоронения супругов Брусилловых — вблизи или на самом «Семейном некрополе Рено-Романн», о котором говорилось выше. О памятнике Борису Алексеевичу никаких сведений нет. Скорее всего, его и не было, как и на могиле жены. Думается, что родственники ограничились установкой деревянного креста.

Так упокоился церковный староста Казанской церкви. А что стало с храмом, о котором он заботился много лет подряд? По имеющимся сведениям, в первые годы советской власти он оставался действующим, в нем иногда служил настоятель Филатовской церкви Алексей Смирнов. И лишь 13

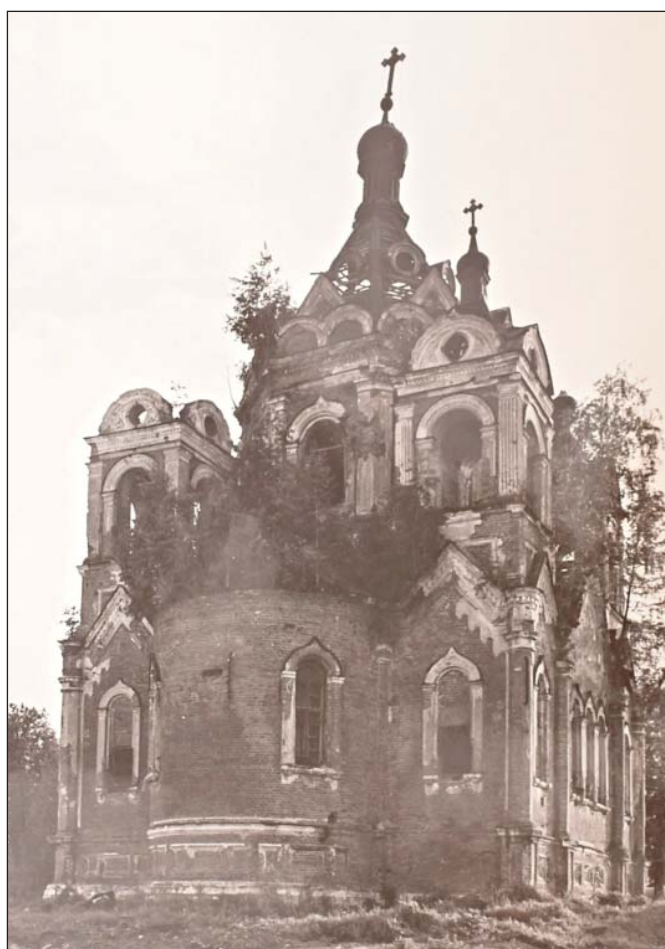
* Имеются и другие документальные свидетельства о том, когда именно генерал Алексей Алексеевич узнал о кончине брата. В архиве обнаружено обращение арестованного генерала в ВЧК: «Мой брат Б.А. Брусиллов скончался 17 сего сентября в Бутырской тюрьме. В среду 25 сентября, 9-й день его кончины и будет служить панихида по покойном. Испрашиваю разрешения, в случае, если состояние моего здоровья это позволит, поехать в церковь в сопровождении конвойного» [36]. На этом заявлении нанесена резолюция красным цветом: «Разрешается присутствовать на панихиде без конвойного». Был ли Алексей Алексеевич в церкви на «9-й день» — в деле не сообщается. Но то, что он знал о смерти брата еще находясь в заключении — сомнений нет.

** Это дата по новому стилю, реформу календаря большевики провели несколькими месяцами ранее (по старому стилю было бы 4 сентября).

октября 1931 года решением Мособлисполкома Казанская церковь села Глебово была закрыта, здание передано совхозу Птицетреста № 49 «для культурно-просветительных целей» [115]. Храм отобрали, но использовать его стали иначе – через несколько лет в церковном здании оборудовали электростанцию. В войну церковь не очень пострадала, позже помещение стали использовать как склад. Со временем здание стало ветшать, появились протечки в крыше. А когда склад вывели, и помещение стало бесхозным, процесс разрушения церкви заметно ускорился.

В конце 1980-х годов руководство Глебовской птицефабрики, на балансе которой находилось

церковное здание, решило начать его восстановление. Правда не для религиозных целей, а чтобы «разместить небольшую картинную галерею» [116]. Реставрация длилась три года, и когда деньги закончились, работы были приостановлены. Казанская церковь не была до конца восстановлена. Спустя несколько лет в храм назначили священника, в 1998 году была зарегистрирована церковная община. Люди стали возрождать Божий дом сами. Но это уже тема другой книги, работа над которой в настоящее время продолжается и хочется надеяться, что в скором времени она будет напечатана.

Фотография из «Паспорта Казанской церкви», 1976 г. (архив Министерства культуры СССР).

Потомки рода Брусиловых

Ранее приводилось древо рода Брусиловых по восходящей линии. Теперь пора остановиться на нисходящих ветвях, то есть на потомках.

Как уже говорилось, в семье Алексея Николаевича и Марии-Луизы Антоновны Брусиловых было три сына. Все они со временем женились (старший брат даже дважды), в семьях родились дети. На интернет-сайте Российский Родословный Фонд” (РРФ), размещено древо этого рода [117]. К сожалению, на данном ресурсе информация о персоналиях неполная и к тому же содержит неточности в датах.

Здесь приводится древо рода Брусиловых, дополненное сведениями из других источников (в нем отображена только часть собранной информации: указаны лишь те родственники, о которых речь шла в данной книге). Следует оговориться, что в качестве дат рождения и смерти некоторых дальних родственников за неимением других источников информации использовались сведения с интернет-сайтов РРФ и “Николаев литературный” (НЛ). К сожалению, на этих ресурсах не даются ссылки на первоисточники, и потому сведения о датах рождения и смерти людей без дополнительной проверки не следует воспринимать как однозначно достоверные.

О дальнейшей судьбе детей Б.А. Брусилова известно немного. После того как они в 1918 году остались круглыми сиротами и без средств к существованию, жизнь их стала особенно тяжела. Вскоре их всех выселили из собственного дома, где они выросли. Есть сведения, что сироты некоторое время еще обитали в Глебово, в мемуарах генерала об этом сказано так: *«Дети умершего брата Бориса болели, голодали, продавали что удалось спасти от расхищения, что уцелело, ютились где-то на задворках своего бывшего имения, иногда я их видел»* [33]. К сожалению, многие семейные ценности сестрам не удалось спасти: *«серебро и драгоценные вещи и Лины, и Оли Брусиловых, его несчастных племянниц, так и пропали»*. Сестры любили своего дядю, переживали, когда он болел: *«Навещали его и племянницы [...] Ольга и Елена Борисовна Брусиловы. Он их всех любил и рад был видеть, особенно жалел Ольгу – больную, совершенно нетрудоспособную, очень бедствующую»* [37].

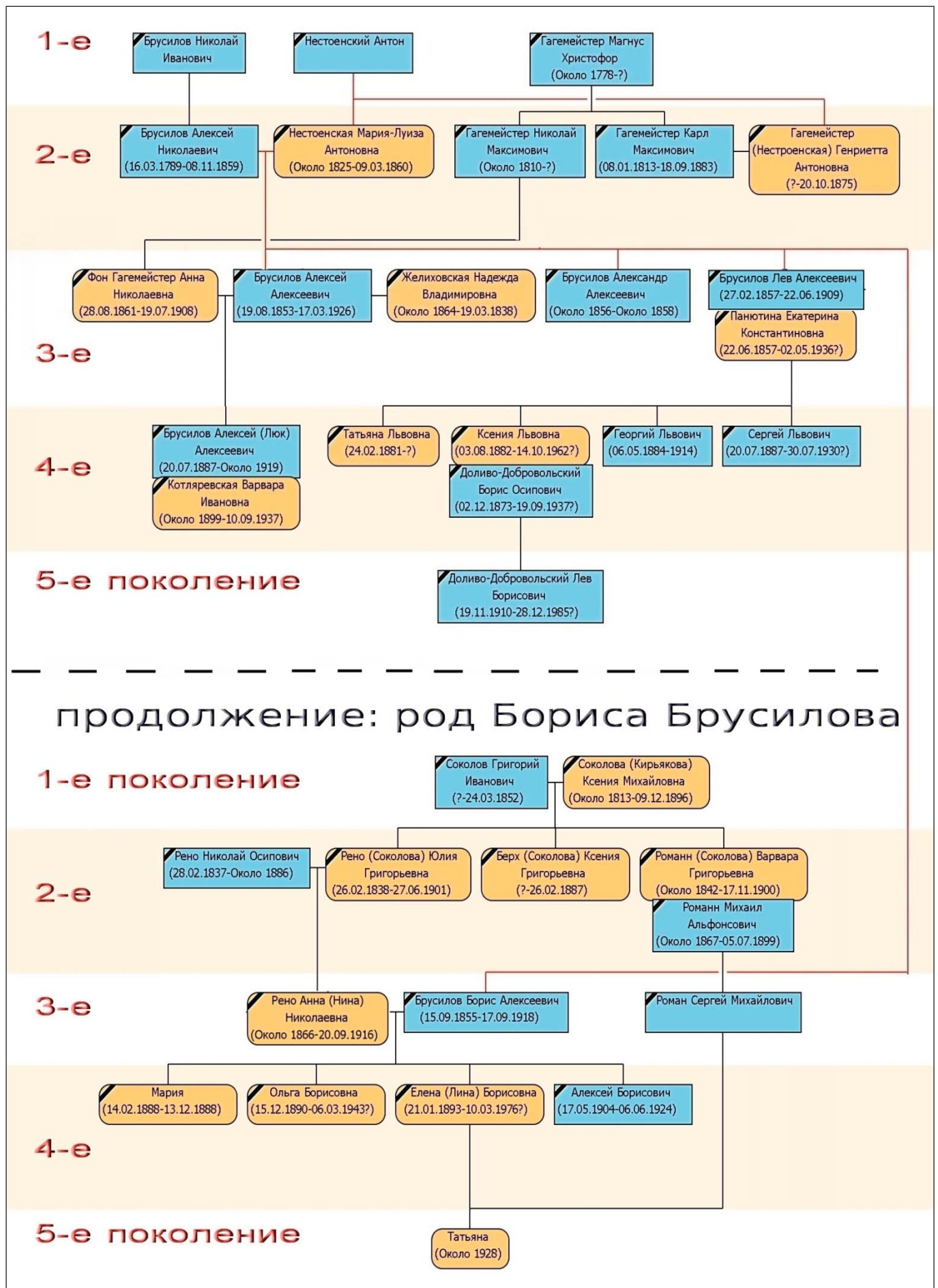
Удалось узнать адрес в Москве, по которому в 1926 году проживала одна из сестер (а, скорее

всего, обе): *«Садовая-Каретная ул., дом 9, Квартира № 3 – Брусилова Елена Борисовна, Упр. РККА»* [118]. Этот дом до наших дней не сохранился.

Про сына Алексея удалось собрать такую информацию. В интернете на сайте НЛ имеются сведения, что он *«Окончил кавалерийские курсы»* [35]. Когда это произошло – не говорится. Вероятнее всего, здесь ему помог дядя-генерал, который в 1923-1924 годах был главным инспектором кавалерии РККА. Как говорится, сын пошел по стопам отца, у которого в армии была должность *«полковой наездник»*. На том же ресурсе интернета про Алексея Борисовича приводятся такие строки: *«В 1922 году жил в Москве у своей двоюродной сестры Ксении Львовны Брусиловой и ее мужа – Бориса Иосифовича Доливо-Добровольского, где готовился к поступлению в Московский университет. Скоропостижно скончался в Москве 6 июня 1924 году от скоротечной чахотки»* [35]. Проверить эти сведения не удалось, так как первоисточник не указан.

Ну а как сложилась судьба дочерей Бориса Брусилова? Некоторую информацию можно найти на упомянутом сайте НЛ, где о Елене говорится так: *«была замужем за Сергеем Михайловичем Романом (?-?), который был сыном Михаила Альфонсовича Романа (1837?-1899) и Варвары Григорьевны Соколовой (1842-1900). Небезынтересно, что Сергей Михайлович через свои родственные связи приходился двоюродным дядей своей жене Елене Борисовне. Сведений о детях, родившихся в этой семье не обнаружено»* [35]. Эта информация почти не вызывает вопросов (кроме одной из дат и того, что не было детей).

Про дочь Ольгу Брусилову на все том же ресурсе интернета сказано так: *«После революции в России эмигрировала и жила в Париже, где работала в редакции газеты "Возрождение" до 1940 года, а затем и журнала с одноименным названием (с 1949 года). Она была замужем за Георгием Ивановичем Гридиным (1892-1971) – участником Гражданской войны в России, воевавшим в составе Корниловского ударного полка. [...] Ольга Борисовна скончалась 10 апреля 1960 года в Париже и была похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа»*. Как оказалось, эти сведения почерпнуты из эмигрантских источни-

Древо рода Брусиловых и ближайших родственников.

ков*. Они противоречат данным, приводимым в переписке Желиховской. В архиве ГАРФ сохранились письма племянницы Ольги, написанные в Москве в 1930-х годах и в которых она неоднократно обращалась к тете за помощью (об этом подробнее говорится далее).

Как же объяснить такое существенное расхождение сведений об Ольге Борисовне Брусиловой? Складывалось впечатление, что в цитатах из различных источников речь идет о разных людях — одна жила в Париже, а другая в это же время бедствовала в Москве. Но как это доказать? Первая зацепка появилась, когда в мемуарах генерала А.А. Брусилова были обнаружены такие строки: *«Помнится, летом 1919 года стали съезжаться другие мои племянники и племянницы. Первым появился мой племянник Борис Николаевич Брусилов, сын моего самого старшего сводного брата»* [33]. Таким образом, получается, что у Алексея Алексеевича помимо брата имелся еще сводный племянник, которого также звали Борис Брусилов. Но была ли у того дочь по имени Ольга? Поиск информации о семье упомянутого Б.Н. Брусилова долгое время не приносил результата. И вот, наконец, необходимое подтверждение было найдено в архивном деле *«О назначении пенсии б. ген.-майору Борису Николаевичу Брусилову»* [119]. На одном из сохранившихся листов этого документа приведен состав семьи генерала и упомянута дочь Ольга, родившаяся 4 января 1889 года. Таким образом, получается, что в одно время жили две женщины Ольги Борисовны Брусиловы, которые не только были полными тезками, но и находились между собой в родстве (хоть и дальнем) и по возрасту были ровесницами. Удивительно еще то, что фамилия Брусиловы довольно редкая, а тут почти полное совпадение анкетных данных. Немудрено, что потом произошла такая путаница с биографией дочери подмосковного помещика.

Итак, на данный момент совершенно точно установлено, что сестры Ольга и Елена Брусиловы до войны находились в Москве, и жизнь их в столице была очень тяжела. Безусловно, на их существовании негативно сказывалось их дворянское происхождение. Играло свою роль и то, что

они были мало приспособлены к реалиям жизни в условиях, когда нет стабильных источников существования (дядя-генерал называл племянниц *«неумелые и застенчивые»*). В *“Поминальнике”* имеется такая запись: *«одну из сестер я устроил машинисткой в ремонтировании армии, а другая целыми днями на рынке продает последний скарб»* [47]. В данном кратком тексте не указаны имена сестер и не уточнено, кто автор этих строк (кто есть «я»). Но, можно практически не сомневаться, это написано от имени дяди Алексея Алексеевича, который, как уже говорилось выше, одно время служил в командном составе РККА, и помог устроиться племяннице Елене на работу (об ее умениях печатать на машинке говорится далее).

В письмах Желиховской встречаются строки о непросто материальном положении племянниц, которые часто болели и не имели хорошо оплачиваемой работы. Поэтому сестрам приходилось неоднократно обращаться за помощью к тете (в 1930 году она выехала на лечение в Прагу и назад в СССР не вернулась). Так в послании Ольги Брусиловой 1933 года говорится: *«Милая и дорогая Тетя Надя. [...] Вы спрашиваете, лишенка ли я. Нет, я не лишенка, потому что имею паспорт. Но так как я не работаю, то по закону не имею права пользоваться продовольственными карточками. [...] Лина еще без места. Трудно сейчас найти место машинистки, а когда много мест было, она была больная»* [120].

В следующем году Ольга вновь писала тете: *«Простите, что я Вас снова беспокою. Но опять сложились такие обстоятельства, что только Вы и можете помочь нам. Бедная Лина в тяжёлые минуты заложила 2 золотых крестильных креста, свой и Танечкин, и свое обручальное кольцо, и еще какую-то вещицу за сто рублей с чем-то и теперь она в крайне тяжёлом положении, а осталось только 20 с чем-то дней, если она их не выкупит в течение этого срока, вещи пропадут. Жалование ее только сто с чем-то рублей, если она все отдаст, ей нечем будет жить и кормить себя и ребенка. [...] Я бы с радостью помогла бы ей, но на пятьдесят рублей ничего не сделаешь в этом случае. Мне тоже очень тяжело*

* При обращении на сайт НЛ с вопросом, откуда взяты сведения о заграничной жизни Ольги Брусиловой-Гридиной, ответил Владимир Николаевич Христенко и сослался на источники: “Иван Грезин. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, Париж, 1995 г.”; журнал “Часовой”, 1960 г., № 409; база данных “Участники Белого движения в России”. Проверка этих источников показала, в них действительно упоминается Ольга Борисовна Брусилова-Гридина и цитаты верные.

самой, так как один хлеб мне стоит каждый день около двух рублей» [121].

О дальнейшей судьбе сестер Брусиловых пока не удалось найти достоверных сведений. По сведениям сайта РФФ Ольга Борисовна скончалась 6 марта 1943 г., а Елена Борисовна умерла 10 марта 1976 г. [122]. Так ли это – сказать трудно. Где они похоронены – также неизвестно, скорее всего, на каком-нибудь кладбище Москвы. Если же к этому добавить, что не установлено место погребения их брата Алексея, а могилы родителей Бориса Алексеевича и Анны Николаевны в Новоиерусалимском монастыре считаются утраченными, то получается, что на данный момент нет сведений о точном местонахождении ни одной могилы кого-либо из 5 членов многодетной семьи Глебовского помещика. Грустная история.

Возникает вопрос: а есть ли живые потомки Брусиловых? Для Бориса Алексеевича удалось установить, что среди трех его взрослых детей только у Елены была дочь Таня. Ее имя встречается в нескольких письмах сестры Ольги, в одном из них про девочку сказано: *«Танечка выросла. Ей в феврале будет 6 лет»* [120]. Известная дата написания письма позволяет установить примерную дату рождения девочки – февраль 1928 года. Это означает, что будь она жива, ей было бы уже 90 лет. Однако нет никаких данных о том, что Татьяна доросла до взрослого возраста, и у нее были дети-внуки. А ведь она при замужестве могла сменить фамилию. И тогда перспективы что-то найти о ней становятся совсем туманными. Остается лишь уповать на счастливый случай.

Ну а что с наследниками по линии родных братьев Бориса? У генерала Алексея Алексеевича был сын от первого брака Алеша, который погиб в годы Гражданской войны. По сведениям сайта НЛ он *«Служил ротмистром и командиром эскадрона лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Участник Первой мировой войны, кавалер многих орденов с мечами и бантами. С 1919 на службе в Красной Армии, в качестве командира кавалерийского полка. Попал в плен к белогвардейцам под Орлом и был расстрелян 20 декабря 1919 года в Киеве по приговору военно-полевого суда, о чем писала газета “Боевая правда”. По другим сведениям – после вступления рядовым в один из стрелковых полков Добровольческой Армии А.А. Бруси-*

лов младший умер от тифа» [35]. По данным того же ресурса Алексей *«был женат с 1917 года на потомственной дворянке Варваре Ивановне Котляревской (1899-1938) – дочери статского советника»*.

Про эту женщину хочется несколько слов сказать особо. Ранее уже приводилась цитата, в которой генерал А.А. Брусилов отмечал, что именно благодаря невестке удалось *«извлечь тело Бориса из тюрьмы»*, и потом организовать достойное прощание с умершим. Позже в 1921-1922 годах Варвара Котляревская была арестована, *«когда она активно выступила против гонений на Русскую Православную Церковь, изъятия церковных ценностей и ареста духовенства»* [128]. За это она была приговорена большевиками к расстрелу, но потом высшую меру заменили на 5 лет лагерей, а вскоре и вовсе была помилована. Но в 1930 году Варвара была вновь арестована по обвинению в шпионаже в пользу Англии. Наказание отбывала в лагерях на севере, в том числе на Соловках на острове Анзер. 10 сентября 1937 года по приговору тройки НКВД была расстреляна. Некоторые подробности о последних годах жизни Варвары Ивановны Котляревской в заключении можно найти в публикации, подготовленной по материалам архива УФСБ РФ по Карелии [129]. Необходимо еще отметить, что в одной из заметок говорится, что в 1922 году она *«мать двухлетнего ребенка»* [128]. Однако был ли Алексей Брусилов (сын генерала) отцом, какова дальнейшая судьба этого ребенка – об этом нигде не сообщается.

Более вероятно, что могли остаться потомки по линии младшего брата. Ведь у Льва было четверо детей, и по крайней мере трое из них дожили до зрелого возраста. На сайте НЛ [35] приводятся некоторые сведения о представителях этого рода, возможно у них были наследники.

Завершая рассказ о родословной, следует отметить, что пока не удалось найти хотя бы одного ныне живущего прямого потомка славного рода Брусиловых ни по одной из линий родных братьев Алексея, Бориса и Льва. Хочется надеяться, что они есть и еще объявятся. Пока же можно сказать, что в Казанскую церковь села Глебово к настоятелю никто из родственников последнего владельца усадьбы и многолетнего церковного старосты Бориса Алексеевича Брусилова еще не обращался.

Заключение

В завершение хотелось бы остановиться на вопросе: что уцелело от усадьбы Глебово, какие постройки сохранились до наших дней?

В рассмотренном выше Страховом деле говорилось о 18 строениях усадьбы (их список и описание имеются в Приложении). Ныне, по мнению старожилов, осталось лишь три (на приведенном выше плане они обведены). Уцелела самая большая хозяйственная постройка – каменное здание (№ 10 на плане), которое прежде использовалось как «курятник, навес для экипажей» [87]. Строение было перестроено и расширено, его нынешний адрес: дер. Глебово, ул. Парковая, дом 16. В настоящее время здесь располагается «Глебовский механический завод». Сохранились еще два старых здания, также впоследствии перестроенные.

Это деревянная «баня-прачечная» (№ 6, современный адрес: ул. Парковая, д.23), и небольшой кирпичный домик на берегу пруда, отметки которого на плане хотя и нет, но судя по внешнему виду первого этажа, основа строения явно здание дореволюционной постройки*. А вот бывший барский дом усадьбы не уцелел, как сказано в книге С.Е. Карягина, он сгорел в 1928 году. Место, где он прежде находился, не занято постройками, эта земля ныне в частном владении. Остался также пруд, который прежде имел квадратную форму, а ныне сильно зарос, находится в запущенном состоянии и требует очистки.

Каковы дальнейшие перспективы усадьбы Глебово, точнее того немногого, что от нее осталось? До недавнего времени сказать что-либо обнаде-

Уцелевшие постройки усадьбы Глебово и старый пруд, 2017 г.

* Эту старую кирпичную постройку на берегу пруда местное население считает за барскую баню при усадьбе. Казалось бы, данная информация противоречит сведениям из плана, согласно которым баня была деревянной и располагалась в другом месте (строение № 6) [87]. Но, думается, эту нестыковку можно объяснить тем, что в документы страхования по каким-то причинам могли не вносить изменения, происходившие при перестроении зданий усадьбы и возведении новых построек.

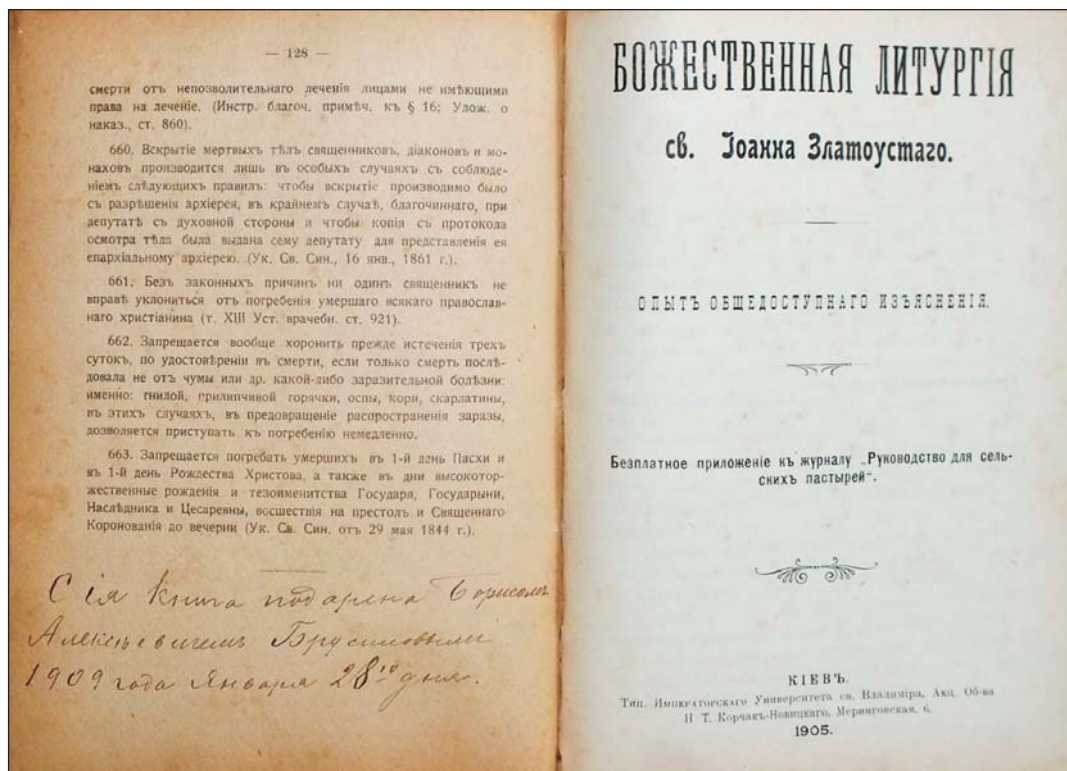
Остатки усадебного парка в Глебово, 2016 г.
(фото Вадима Разумова).

живающее было трудно. Уцелевшие строения ныне находятся в частном владении у разных лиц (хорошо уже то, что они хотя бы сохранились, пусть и в перестроенном виде). Но в последнее время, кажется, появился лучик надежды. В январе 2018 года на городском сайте “Истра.рф” появилась новость с многообещающим заголовком: «Парк усадьбы Глебово-Брусилово включен в государственный реестр объектов культурного наследия» [123]. В тексте сообщались подробности:

«Главное управление культурного наследия Московской области своим распоряжением включило парк усадьбы Глебово-Брусилово в Истринском районе в единый государственный реестр объектов культурного наследия». Как следует из опубликованного – охране подлежат уцелевшие деревья бывшего парка усадьбы.

Большое спасибо тем людям, благодаря стараниям которых были поставлены под охрану остатки усадьбы Глебово. Очень хорошо, что теперь есть такой документ, хотя, конечно, лучше было, если б он появился раньше.

Но как это часто бывает, к сожалению, имеется и своя «ложка дегтя». Увы, была допущена ошибка в официальной бумаге, в которой про усадьбу Глебово сказано: «последним владельцем был русский и советский военачальник, генерал Брусилов» (так, по крайней мере, было написано на страничке в интернете на момент публикации настоящей книги). Здесь не указаны инициалы владельца усадьбы. Однако и так понятно, что авторы имели в виду А.А. Брусилова. Ведь хорошо известно, что военачальником «рус-

Книга, подаренная Брусиловым о. Алексию Смирнову, 1909 г.
(музей священномученика в селе Филатово).

ским и советским» был Алексей Алексеевич, а другие братья – Борис и Лев – не были генералами и не служили советской власти. Правильнее было бы написать так: *«последним владельцем был Борис Брусилов, родной брат русского и советского военачальника генерала Алексея Брусилова»*.

Если говорить о каких-либо вещах, связанных с семьей последнего владельца усадьбы Глебово, то несколько старых предметов – подарков помещика – сохранилось у потомков новомученика Алексия Смирнова. Так, например, в музее при Христорождественском храме села Филатово выставлена богослужебная книга, на одной из страниц которой имеется надпись, сделанная рукой настоятеля: *«сия книга подарена Борисом Алексеевичем Брусиловым 1909 года января 28 дня»*.

Как уже отмечалось, в различных архивах сохранились бумаги, написанные рукой Б.А. Брусилова, и имеется немало документов с его личной подписью в качестве церковного старосты. А совсем недавно были обнаружены три с лишним десятка писем Бориса Алексеевича, адресованных брату на фронт (копия одного из них приведена выше). И это, пожалуй, все, что касается предметов и вещей, с которыми лично соприкасался Б.А. Брусилов.

Если же говорить о памяти народной, то некоторым краеведам и историкам, музейным и библиотечным работникам, местным старожилам, конечно, известно имя последнего владельца усадьбы Глебово. Но таких людей, увы, не так много, ведь прошло 100 лет, как усадьба перестала принадлежать Борису Брусилову. И, видимо, потому даже среди официальных лиц находятся такие представители, которые считают, что хозяином имения Глебово был генерал Алексей Брусилов. Что же тогда говорить про большинство людей, особенно молодежь?

В Истринском районе есть люди, которые прилагают определенные усилия по увековечиванию памяти знаменитого полководца А.А. Брусилова. Это хорошее дело. Но военачальник

не жил на нашей земле постоянно, приезжал лишь в гости к брату в его подмосковное имение. Было бы хорошо, если бы эти инициативные люди обратили внимание и на бывшего хозяина усадьбы Глебово – не выдуманного ими, а на того, кто был на самом деле владельцем подмосковного имения. Да, Борис Алексеевич не прославился в обществе настолько, как его старший брат Алексей. Но ведь он тоже защищал Родину, немало сделал полезного для общества, помогал разным людям, в том числе простым крестьянам, поддерживал в благолепном состоянии Казанский храм. И, думается, заслужил установки памятного знака или бюста в бывшем имении, где провел последнюю треть своей жизни. Хотелось бы надеяться, что данная книга должна убедить сомневающихся, что это было бы правильным решением.

Пока же по инициативе о. Александра силами прихода Глебовской церкви на стене приходского дома установлена памятная доска в преддверии 100-летия со дня кончины последнего церковного старосты Бориса Алексеевича Брусилова.

Ну а если помечтать, то можно было бы приветствовать восстановление прежнего двойного названия селения – Глебово-Брусилово. Только

именоваться оно должно не как ныне – деревней, а как когда-то прежде – селом! Ведь здесь сохранился и ныне действует замечательный храм Казанской иконы Божией Матери. Пожалуй, возрожденное здание церкви – это самый наглядный и лучший памятник Борису Алексеевичу Брусилову. Ведь более двух десятилетий он был церковным старостой этого Божьего Дома, много потрудился для его благолепия. И труды служителя Церкви не пропали даром, Казанский храм пережил годы лихолетья, ныне восстановлен и в 2017 году освящен Великим чином митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием.

Это пока вся информация, которую удалось собрать о Борисе Алексеевиче Брусилове и его близких родственниках, об усадьбе Глебово, в которой он

Памятная доска на территории Казанской церкви, 2018 г.

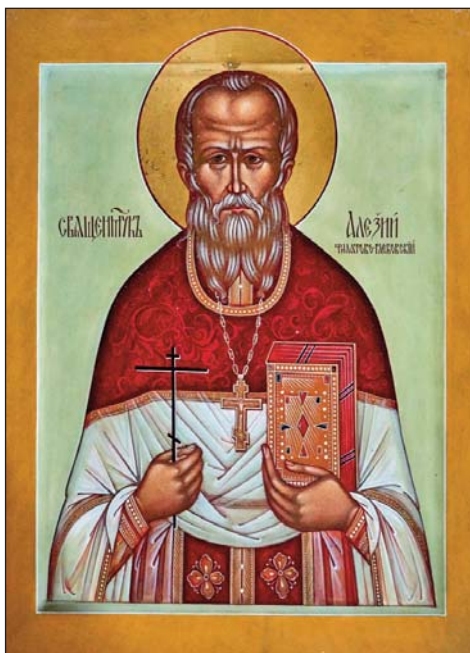
провел последнюю треть своей жизни. Следует признать, что осталось еще слишком много вопросов как по биографии последнего помещика, так и в судьбе членов его семьи. Но это естественно, так и должно быть: чем глубже погружаешься в какую-либо тему, тем больше узнаешь о людях и происходивших с ними событиях, и одновременно с этим появляются новые вопросы. Так что остается надеяться, что найдутся молодые люди, кто, прочитав данную книгу, заинтересуются этим славным родом и историей подмосковной усадьбы на речке Маглуше и продолжит поиски новой информации об этом удивительном уголке Истринского района и людях, его прославивших.

* * *

Рассказ о Брусилове и Казанской церкви был бы неполным, если не сказать о еще одном важном обстоятельстве. В ходе проведенных архивных изысканий выяснилось, что с местным храмом связано больше святых, чем ранее предполагалось. О священнике Алексие Смирнове, который несколько десятилетий был настоятелем церкви сел

Филатово и Глебово, известно было всегда, верующие люди его не забывали. В 2002 году он был прославлен Русской Православной Церковью как новомученик, и уже через два года было совершено первое славление Филатово-Глебовского святого в восстанавливающейся Казанской церкви. О том, что святитель митрополит Филарет (Дроздов) дал благословение и храмозданную грамоту на построение храма в сельце Глебово, также знали раньше местные прихожане и нынешний настоятель о. Александр. А вот то, что священномученик Серафим (Чичагов) был дружен с юных лет с Борисом Брусиловым, об этом стало известно совсем недавно.

Таким образом, можно с полным основанием говорить, что у храма Казанской иконы Божией Матери села Глебово есть три своих небесных покровителя: священномученики Алексий Смирнов и митрополит Серафим (Чичагов) и святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Следует еще отметить, что с первыми двумя святыми был близко знаком церковный староста Борис Алексеевич Брусилов.

Священномученик
Алексий Смирнов.

Святитель Филарет, митрополит Московский и Священномученик митрополит Серафим.

Список источников и литературы

1. Рузский уезд по писцовой книге 1567-1569 гг. / Сост. Кистерев С.Н. и др. Материалы для истории Звенигородского края. Вып.4. – М.: Памятники исторической мысли, 1997, с.158.
2. РГИА ф.1399 оп.1 д.101 л.8.
3. Приходы церквей Звенигородского и Рузского уездов в XIX-XX веках. / Интернет-сайт УБД, (цитируется по <http://www.istra-ltc.ru/publication/prihody-zvenigorodskogo.htm#31>).
4. Истринская земля. Энциклопедия сел и деревень. – М.: 2004, с.265-274.
5. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска-Истры. – М.: Лето, 2010, с.319-320.
6. ЦИАМ ф.50 оп.14 д.964 л.95, 95об.
7. ЦИАМ ф.50 оп.14 д.1211 л.20об-23об.
8. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, часть 5. – С-Пб.: 1800, с.116-117.
9. ЦИАМ ф.49 оп.3 д.4282 л.5, 5об, 552, 604-611об.
10. ЦИАМ ф.203 оп.745 д.2139 л.1585об-1586.
11. РГВИА ф.395 оп.49 д.1648 л.1-21.
12. ЦИАМ ф.66 оп.5 д.933 л.15, 16об.
13. РГИА ф.577 оп.20 д.882 л.20-25об.
14. НИОР РГБ ф.178 оп.1 д.4607 л.1-43.
15. ТРУППА МАЛОГО ТЕАТРА 1824–1917. / Интернет-сайт “Государственный академический Малый театр”, (цитируется по http://www.maly.ru/pages?name=truppa_17); Балабанович Е.З. Дом в Кудрине: из жизни А.П. Чехова – М.: Московский рабочий, 1961, 269с.
16. Духовная связь поколений. Белочкина Е. / Истринские вести, 2005, № 61, с.4.
17. ЦИАМ ф.184 оп.9 д.449 л.123.
18. Храм Казанской иконы Божией Матери Глебово. / Православные храмы. Путешествие по святым местам. Вып.170. – М.: Де Агостини, 2015, с.4.
19. Проекты церквей, сочиненные Архитектором Его Императорского Величества Профессором Архитектуры ... Константином Тоном. Дополнение 1. – С-Пб.: 1844, с.Т-III.
20. ЦИАМ ф.203 оп.436 д.1 л.1-25об.
21. ИИМК ф.Р-III д.3557 л.10.
22. ЦИАМ ф.203 оп.439 д.751; ЦИАМ ф.203 оп.744 д.1202 л.930об; РГАДА ф.1207 оп.1 д.1379 л.37-37об.
23. История строительства собора Александра Невского в Нижнем Новгороде. / Интернет-сайт “Центральная городская библиотека г. Нижнего Новгорода”, (цитируется по <http://www.gorbibl.nnov.ru/soboristoriya1>).
24. Брусиловы. / Знаменитые династии России. Вып.52. – М.: Де Агостини, 2015, с.1-32.
25. Семанов С.Н. Брусилов. (серия ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 1980, с.64.
26. Соколов Ю.В. Красная звезда. – М.: Россия молодая, 1994, с.7, 10.
27. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, часть 7. – С-Пб.: 1803, с.260-261.
28. РГВИА ф.318 оп.1 д.4155 л.1-19.
29. Рунов В.А. Генерал Брусилов: лучший полководец Первой Мировой войны. – М.: Эксмо, Яуза, 2014.
30. Обьедков И.В. Некоторые сведения о службе А.Н. Брусилова. / Военно-исторический журнал, 2016, № 9, с.65-67.
31. РГВИА ф.395 оп.165 д.425 л.3, 33, 41об, 43об.
32. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2001, фото на вкладке после с.224.
33. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2001, с.15, 16-17, 36, 38, 39, 274, 275, 279, 285.
34. РГВИА ф.162 оп.1 д.23 л.3.
35. Николаевские адмиралы. / Интернет-сайт “Николаев литературный”, (цитируется по <http://litnik.org/index.php/spetsialnye-vypuski-zhurnala/nikolaevskie-admiraly-a-k>).
36. ГАРФ ф.Р5972 оп.3 д.70 л.44-46, 99-101, 171-172, 191, 194-195, 200-201.
37. Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления, 1870-1930-е. Т.2. – М.: Кучково поле, 2015, с.232-234, 237, 368, 372, 437.
38. ГАРФ ф.Р5972 оп.3 д.57 л.1; ГАРФ ф.Р5972 оп.3 д.72 л.2об-3.
39. РГВИА ф.162 оп.1 д.4 л.381-474.
40. Успенский В.Д. Тайный советник вождя. – М.: Молодая гвардия, 1989, с.59.
41. ЦИАМ ф.203 оп.780 д.3309 л.198об-199, 200об-201.
42. Троицкий В. Подвиг штурмана Альбанова. – Красноярск: 1989.
43. РГВИА ф.162 оп.1 д.15 л.10об, 70, 74об-75.
44. "Два капитана". Капитан Татаринов и лейтенант Георгий Брусилов, (цитируется по <http://www.liveinternet.ru/users/2333629/post257315527>).
45. Чванов М.А. Загадка штурмана Альбанова. – М.: Вече, 2012.
46. Один из "Двух капитанов". Продолжение истории XX века / Информационно-аналитический портал “ARCTICuniverse”, (цитируется по <http://www.arcticuniverse.com/ru/analytics/20101007/00175.html>).
47. Поминальник Е. К. Брусиловой. / Интернет-сайт “Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника”, (цитируется по <http://www.vgd.ru/VESTNIK/4vest2.htm>).
48. ЦИАМ ф.1371 оп.1 д.84 л.133об-134, 137-145об.
49. Обьедков И.В. Алексей Алексеевич Брусилов и его учеба в Пажеском корпусе в 1867-1872 гг. / Вопросы истории, 2016, № 1, с.115-131.
50. РГВИА ф.725 оп.56 д.30 л.186.
51. РГВИА ф.318 оп.1 д.3657 л.96об, 107.
52. РГВИА ф.318 оп.1 д.3659 л.50.
53. РГВИА ф.318 оп.1 д.3930 л.26, 230.
54. РГВИА ф.318 оп.1 д.2077 л.68, 68об.
55. РГВИА ф.318 оп.1 д.2086 л.22.
56. РГВИА ф.400 оп.17 д.4514 л.2, 4-9об.
57. РГИА ф.1349 оп.1 д.482 л.1-9об.
58. РГВИА ф.400 оп.9 д.13505 л.6, 6об, 12.
59. ЦГИА ф.253 оп.1 д.2183 л.24.
60. Ораниенбаум: путешествие во времени. / Балтийский луч, № от 16 июня 2017 г.
61. РГВИА ф.162 оп.1 д.16 л.34.
62. ЦИАМ ф.203 оп.744 д.850 л.390об.
63. МВК МО "Новый Иерусалим", архив документов до-революционного периода ф.4. д.68 л.14об.
64. ЦИАМ ф.203 оп.604 д.6 л.10об, 14-16.
65. ЦГАМО ф.66 оп.18 д.4 л.151.
66. ЦИАМ ф.203 оп.684 д.190 л.8об.

67. ЦИАМ ф.54 оп.51 д.47 л.8.
 68. ЦИАМ ф.203 оп.744 д.393 л.364об.
 69. ЦИАМ ф.54 оп.160 д.8 л.48.
 70. ЦИАМ ф.203 оп.744 д.382 л.643.
 71. Интернет-сайт “Музей священномученика пресвитера Алексия Смирнова при Христорождественском храме”, (цитируется по <http://muzeifilatovo.ru>).
 72. Мусоргский М.П. Письма. 2-е изд. – М.: Музыка, 1984, с.18-19.
 73. Чайковский М.И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т.1. (1840-1877 гг.). – М.: Алгоритм, 1997.
 74. Кунин И.Ф. Петр Ильич Чайковский. (серия ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 1958, с.38.
 75. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Т.2. – М.: Наука, 1975.
 76. По Чеховским местам Подмосковья. / Рисунки С.М. Чехова – М.: Московский рабочий, 1959, с.11, 29.
 77. Буравков В. Жемчужина района требует заботы. / Истринские вести, 1998, №64, с.2, 8.
 78. Штейдле Е.В. Чеховское Глебово. Часть 2. / Интернет-сайт “Истра.рф”, (цитируется по <http://архив.истра.рф/новости/obzor/chehovskoe-glebovo-chast-2>).
 79. РГИА ф.593 оп.12 д.1930 л.3, 5, 7.
 80. Истринская земля. Энциклопедия сел и деревень. – М.: 2004, фото на вкладке после с.192.
 81. Памятная книжка Московской губернии. – М.: 1899, с.242.
 82. ЦИАМ ф.4 оп.3 д.543 л.170, 178об.
 83. ЦИАМ ф.65 оп.21 д.25 т.1 л.18об; ЦИАМ ф.65 оп.37 д.12 т.1 л.6-8.
 84. ЦИАМ ф.4 оп.3 д.552 л.113об-114.
 85. Блюмин Г. Рублевка, скрытая от посторонних глаз. История старинной дороги. – М.: Центрполиграф, 2015.
 86. Справочник по населенным местам Московской губернии: по материалам всесоюзной переписи 1926 года. – Москва: Московский стат. отд., 1929.
 87. ЦИАМ ф.311 оп.1 д.3559 л.2, 9, 11.
 88. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. Приложение. Фабрики и заводы. – М.: 1913, с.192.
 89. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Т.12. Историко-архитектурный и художественный музей “Новый Иерусалим”. Книга 1. – М.: 2005, с.119, 148.
 90. то же. Книга 2. – М.: 2006, с.50, 90.
 91. то же. Книга 3. – М.: 2007, с.29.
 92. ГАРФ ф.А482 оп.13 д.357 л.1-11.
 93. ГАРФ ф.А482 оп.18 д.63а л.3-4, 8.
 94. ЦИАМ ф.4 оп.3 д.530 л.45об, 139об.
 95. Архив музея боевой и трудовой славы при Совете ветеранов пос. Глебовский. Карягин С.Е. Книга памяти.
 96. 80-летию Глебовской фабрики посвящается ... / Истра.рф, 2014, №9, с.6-9.
 97. Родионова Н.А. Я не искал популярности и не ишу, думаю лишь об общем деле России. / Исторический архив, 2016. №4. с.101.
 98. ЦИАМ ф.203 оп.780 д.2363 л.147об-148.
 99. Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. – М.: Древлехранилище, 2006, с.293-295, 356-360, 416.
 100. ЦГИА ф.19 оп.127 д.78 л.12об; ЦГИА ф.19 оп.127 д.267 л.23об.
 101. ЦИАМ ф.49 оп.3 д.445 л.1-3.
 102. Журналы заседаний Звенигородского уездного земского собрания за 1907 год. – Звенигород, 1907, с.15.
 103. Отчет Благотворительного Общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1903 г. – 1903, с.4.
 104. Отчет Благотворительного Общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г. Год 14-й. – М.: 1911, с.17.
 105. Журналы заседаний Звенигородского уездного земского собрания за 1909 г. – Звенигород, с.12; Памятная книжка Московской губернии на 1912 год. – М.: 1911, с.213; Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. – М.: 1913, с.259.
 106. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. – М.: 1913, с.267; ЦИАМ ф.64 оп.1 д.164 л.37.
 107. Истринская районная больница. Михеев В.А. / Интернет-сайт УБД, (цитируется по <http://istra-ltc.ru/publication/pdf/miheev-bolnica.pdf>).
 108. Ясли в селе Никулине Воскресенского участка. / Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. – 1904, №1, с.65-68.
 109. ГАРФ ф.Р5972 оп.3 д.59 л.127-130, 147-148.
 110. Чванов М.А. Загадка гибели шхуны “Святая Анна”. По следам пропавшей экспедиции. – М.: Вече, 2009, фото на вкладке между с.240 и 241.
 111. ГАРФ ф.Р5972 оп.3 д.60 л.75-78.
 112. ЦГИА ф.253 оп.1 д.2208 л.55.
 113. ЦИАМ ф.203 оп.780 д.4743 л.273об.
 114. ГАРФ ф.А353 оп.2 д.468 л.14.
 115. ЦГАМО ф.2157 оп.1 д.773 л.21.
 116. Во имя будущего. / Ленинский путь, 1989, №115, с.2.
 117. Брусиловы: древо рода. / Интернет-сайт РРФ, (цитируется по <http://www.rgfond.ru/rod/18819>).
 118. Садовая-Каретная ул., дом 9. / Интернет-сайт “Недвижимость Москвы”, (цитируется по <http://www.apartment.ru/Article/48799112.html>).
 119. РГВИА ф.409 оп.148 д.397 л.17.
 120. ГАРФ ф.Р5972 оп.3. д.73 л.34-35об.
 121. ГАРФ ф.Р5972 оп.1. д.33 л.2-3.
 122. Брусиловы: древо рода. / Интернет-сайт РРФ, (цитируется по ссылкам <http://www.rgfond.ru/rod/18842?open=/person/18840>, <http://www.rgfond.ru/rod/18842?open=/person/18841>).
 123. Парк усадьбы Глебово-Брусилово включен в государственный реестр объектов культурного наследия, (цитируется по <https://истра.рф/news/view?id=1315>).
 124. Шиловские: древо рода (фрагмент). / Интернет-сайт РРФ, (цитируется по <http://www.rgfond.ru/rod/50040>)
 125. ЦИАМ ф.98 оп.1 д.140 л.1-5.
 126. ЦИАМ ф.184 оп.11 д.166 л.97.
 127. ГАРФ ф.Р5972 оп.122 д.15. л.15.
 128. Савельева А. Московская “Жанна д’Арк”, (цитируется по <http://www.matrony.ru/moskovskaya-zhanna-dark/>).
 129. Озолина А. Совершенно не секретно, (цитируется по <http://www.dizzaster.ru/dizzaster.php?id=11985>).

Примечание: достоверность и работоспособность интернет-ссылок проверена 29.07.2018.

Приложения

Краткая биография Б.А. Брусилова (15/28.09.1855 – 17.09.1918)

По сведениям, собранным из разных источников, был составлен следующий примерный перечень основных событий, происходивших в жизни Бориса Алексеевича:

1855, 15 сентября* – у Алексея Николаевича и Марии-Луизы родился Борис, г. Тифлис.

1868-1869 – учеба во 2-й Военной гимназии, г. Петербург.

1869-1872 – учеба в Пажеском корпусе, там же.

1874, 28 февраля – зачислен в действующую армию «в 13 Л.-Гв. Эриванский полк».

1874-1876 – учеба в Ставропольском юнкерском училище, по окончании – «*портупей-юнкер*».

1876, 10 декабря – зачислен в «*прапорщики в 18 драгунский Переславский полк*».

1877, 19 июля – переведен «в 15 драгунский Тверской полк».

1877, 30 августа – награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

? – награжден серебряной медалью «В память русско-турецкой войны 1877-1878».

1880, 26 августа – награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

1881, 24 марта – произведен в поручики.

1881, 17 июня – награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

? – награжден серебряной медалью «За взятие штурмом Геок-Тепе».

1882, 8 июля – награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

1887, 26 февраля – произведен в штабс-ротмистры.

1887 или ранее – женитьба на баронессе Анне Николаевне Рено.

1888, 14 февраля, 13 декабря – рождение и смерть дочери Марии.

1888, 9 декабря – награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

1889, 14 декабря – уволен из армии, присвоен чин титулярного советника, переезд в Петербург.

1890, 16 января – определен на службу в МВД в «Главное тюремное управление», г. Петербург.

1890, 15 декабря – рождение дочери Ольги, там же.

1890, 11 марта – произведен в коллеж. асессоры.

1891-1907 (?) – «*Попечитель Свято-Троицкого Бо-*

гадельного дома в Ораниенбауме».

1891, 24 декабря – отчислен из МВД «за истечением срока», г. Петербург.

1893, 21 января – рождение дочери Елены, г. Петербург.

1894 (1893?) – покупка имения в селе Глебово Звенигородского уезда Московской губернии.

1894, 11 марта – произведен в надворные советники.

1894 – заложено в банке имение Глебово, получена ссуда 54.000 рублей.

1894 – построен кирпичный завод в имении Глебово на 6 рабочих.

1895, 11 декабря – 1916 (1918?) – церковный староста Казанской церкви, с. Глебово

? – награжден серебряной медалью «За походы в Средней Азии 1853-1895 г.г.».

1898, 11 марта – произведен в коллежские советники.

1898-1907 (?) – Попечитель земской школы в селе Бужарово.

1899, 8 декабря – награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

1902, 11 марта – произведен в статские советники.

1903-1910 (?) – член Совета благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице.

1904, 17 мая – рождение сына Алексея, с. Глебово.

1905, 6 декабря – произведен в действительные статские советники.

1906 – построена новая часовня на Филатовском кладбище (на средства Б.А. Брусилова).

1907 – пожертвовано 300 рублей на расширение Филатовского кладбища.

1908, 4 октября и 1909, 23 сентября – дважды заложено в банке имение Глебово, г. Николаев.

1909-1914 (?) – гласный Звенигородской уездной земской управы.

1911-1912 – финансирование подготовки экспедиции племянника Г.Л. Брусилова.

1914 – председатель сельскохозяйственного общества, г. Воскресенск.

1916, 20 сентября – смерть жены Анны Николаевны, с. Глебово.

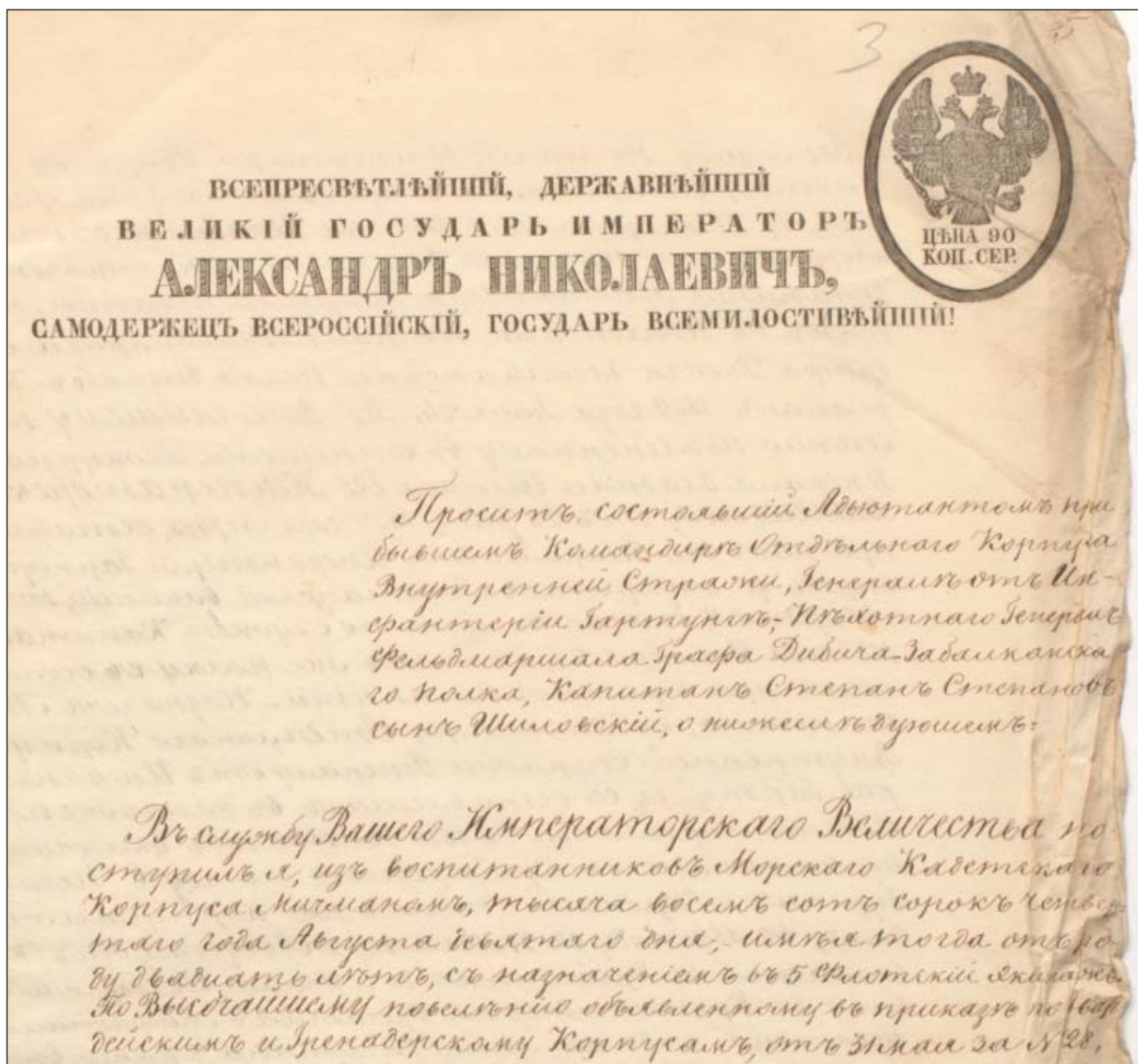
1918, сентябрь – арест.

1918, 4 сентября (17 сентября по новому стилю) – смерть в Бутырской тюрьме Москвы.

* Все даты по старому стилю.

Сведения о службе Степана Шиловского (формулярный список)

([11] – РГВИА, ф.395 оп.49 д.1648 л.3-3об)

Фрагмент листа 3 прошения Шиловского об увольнении, 1857-1858 гг.

Всепресвятлейший Державнейший Великий Государь Император Александр Николаевич, самодержец Всероссийский, Государь Всемилоостивейший!

Просит состоящий Адъютантом при бывшем Командире Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи, Генерал от Инфантерии Гартунге, Пехотнаго Генерал Фельдмаршала графа Дибича, Забалканскаго полка, Капитан Степан Степанов сын Шиловскій о нижеслѣдующем:

В службу Вашего Императорскаго Величества поступилъ я, изъ воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго Корпуса мичманомъ, тысяча восемь сотъ сорокъ четвертаго [1844] года Августа девятаго дня, имея тогда отъ роду двадцать лѣтъ, съ назначеніемъ въ 5 Флотскій экипажъ.

По Высочайшему повелѣнію объявленному въ приказѣ по Гвардейскимъ и Гренадерскимъ Корпусамъ отъ 31 мая за № 28, прикомандированъ къ Гвардейскому экипажу для испытанія по службѣ, 1845 года мая 31; отправился и прибылъ къ оному того же года іюля 7.

Высочайшимъ приказомъ по Флоту, отданнымъ во 2 день января за № 857, по распоряженію Начальства переведенъ въ комплектъ Гвардейскаго экипажа темъ же чиномъ, 1846 января 2.

Высочайшимъ приказомъ по Флоту отданнымъ, уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы для опредѣленія къ статскимъ деламъ съ награжденіемъ чиномъ, 1847 декабря 6.

Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому ведомству определенъ канцелярскимъ чиновникомъ въ

Департамент Духовных дел Иностранных исповеданий, с переименованием в чин Коллежского Секретаря, 1848 февраля 1.

Высочайшим приказом отданным по Военному ведомству, определен вновь на службу Прапорщиком, 1849 января 28, в Лейб Гвардии Финляндский полк с назначением в должность адъютанта к Генерал-Лейтенанту, ныне Генерал от Инфантерии Гартунгу, по званию Инспектора Резервной пехоты; отправился и прибыл 1849 года февраля 4.

Подпоручиком 1850 года декабря 6, с оставлением при прежней должности.

По упразднении Управления Инспектора Резервной пехоты, переведен в Пехотный Генерал-Фельдмаршала графа Дибича Забалканского полка штабс-капитаном, 1852 года июля 26.

По Высочайшему повелению изъясненному в отношении Дежурного Генерала Главного Штаба Его Императорского Величества, от 28 июля 1852 № 7493, оставлен при нем же Генерал от Инфантерии Гартунге впредь до открытия Адъютантской вакансии, 1852 года августа 2 дня.

За отличие по службе Капитаном 1853 декабря 25, в оном же полку с оставлением при прежней должности.

Назначен Адъютантом к Командиру Отдельного Корпуса Внутренней Стражи Генералу от Инфантерии Гартунгу, с оставлением в том же полку, 1854 апреля 13.

С 1836 по 1842 год включительно находился в Крейсерстве между С-Петербургом и Кронштадтом на Корпусных судах:

в 1842 году с 31 мая по 2 августа от Кронштадта в Крейсерстве до г. Ревеля, Свеаборга и обратно в Кронштадт на Фрегатах Амфитриба и Цесаревна, под командою Капитана 2 ранга Степового и Капитан-Лейтенанта Шнейера;

в 1843 году с 2 июня по 10 августа в Крейсерстве от Кронштадта до Ревеля и обратно на Фрегате Ольга, под командою Капитан-Лейтенанта Бахтина;

в 1844 году с 31 мая по 8 августа от Кронштадта до Ревеля, Свеаборга, Гангуда, Росенсальма и обратно в Кронштадт на Фрегатах Александр-Невский и Прозерпина, под командою Капитана 2 ранга Потулова и Капитан-Лейтенанта Фон-Флина;

в 1845 году с 12 июля по 1 сентября в плавании от Кронштадта в Клей-Бухту, оттуда в Ревель, потом к Датским берегам и обратно в Крон-

штадт на корабле Россия под командою Капитана 2 ранга Шлейна;

в 1846 году с 1 мая по 5 ноября в плавании между С-Петербургом и Кронштадтом на Царском пароходе Невка под командою Капитана 2 ранга Белянина;

в 1847 году с 27 апреля по [...] октября в плавании между С-Петербургом и Кронштадтом на Царских пароходах Невка и Александрия под командою Капитана 2 ранга Белянина и Капитана-Лейтенанта Веймарна.

1853 года декабря 25, за отличие по службе произведен в капитаны. Особых поручений по Высочайшим повелениям и от своего Начальства не имел.

1856 года января 1 в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы Всемилоостивейше пожалован Орденом Св. Станислава 3 степени.

Имею светлобронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853-1856 годов.

От роду имею ныне 33 года, из дворян Рязанской губернии; вероисповедания православного; воспитывался в Морском Кадетском Корпусе. Знаю науки: Закон Божий, Арифметику, Алгебру, Геометрию, плоской и сферической тригонометрии, коническое сечение начертательной геометрии, Астрономии, Физики, Геодезии, Практической Химии, Статистики, Корабельной Архитектуры, Русской и Французской словесности, Фортификации, Истории: Всеобщей Древняго, Средняго и Новаго веков и Российской истории.

В отпусках был по домашним обстоятельствам: 1844 года августа с 31 на три месяца; 1846 года сентября с 15 на четыре месяца, и 1857 года апреля с 24 на шесть месяцев и на срок явился.

Под судом и следствием не был. Нахожусь налицо.

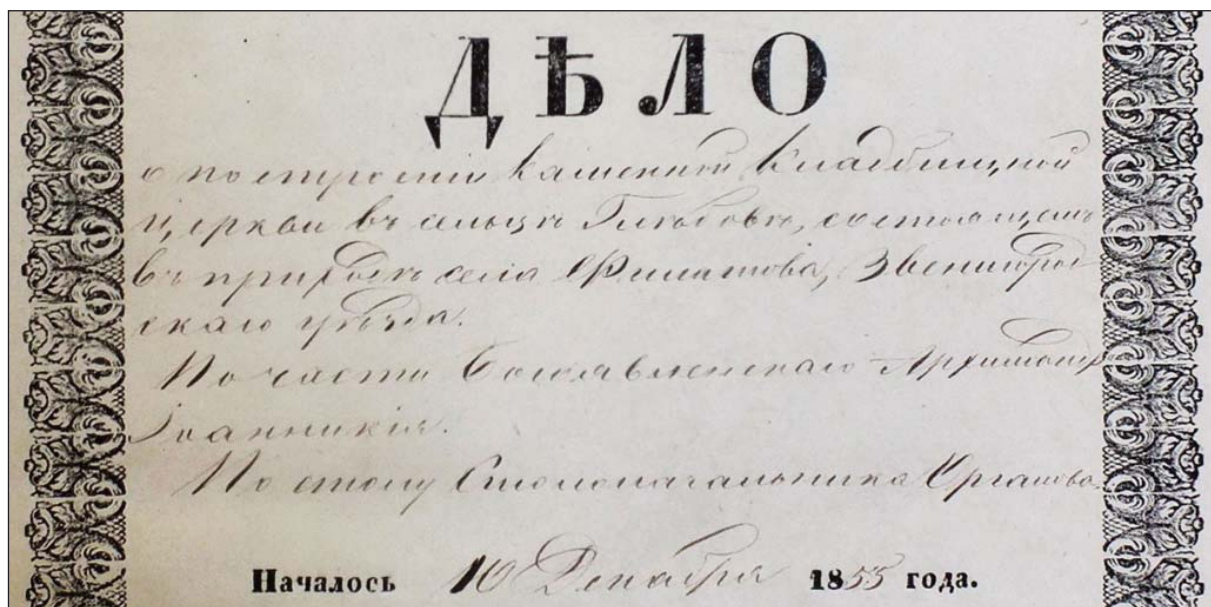
К повышению чином аттестовался достойным, а к награждению знаком отличия безпорочной службы по невыслуге лет не аттестовался.

Женат на дочери Статского Советника Вердеревского девице Марии Васильевой. Имею сыновей родившихся: Константина 1848 года ноября 18 и Владимира 1852 года января 11. Жена и дети Православного вероисповедания и находятся при мне.

Имение за мною состоит родовое в губерниях: Московской, Рязанской, Тамбовской и Саратовской 2600 мужеска пола душ крестьян, а также дома в С-Петербурге, Москве и Моршанске.

Дело о построении каменной церкви в сельце Глебово, 1855-1856 гг.

([20] – ЦИАМ ф.203. оп.436. д.1. л.1-25)

Фрагмент обложки дела о построении церкви в сельце Глебово, 1855 г.

Прошение Степана Степановича Шиловского (л.1-10б)

Святейшаго Правительствующаго Синода члену Высокопреосвященнейшему Филарету Митрополиту Московскому и Коломенскому Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Священно Архимандриту и разных орденов кавалеру

Адъютанта Командира Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи Генерал от Инфантерии Гартунга, Капитана Степана Степанова Шиловскаго

Покорнейшее прошение.

Имя мое сельцо Глебово с деревнями Высоковым и Горками, в коих более 150 душ мужеска пола, отстоит от приходской Христорождественской села Филатова церкви, Звенигородскаго уезда, на три версты. При том дорога, пролегающая от сего имения к селу Филатову, вообще гористая, а в весеннее и осеннее время при дурной погоде и разливе вод делается не проходимою; от чего крестьяне сего имения терпят постоянно затруднения в сообщении с приходской церковью и причтом села Филатова, и особенно, когда бывает нужно крестить слабых младенцев или отпевать тела усопших.

Озабочиваясь о возбуждении и поддержании благочистиваго усердия крестьян ко Храму Божию и желая доставить им средства к более ча-

стому слышанию Божественных служб и исправлению треб церковных, равно исполнить завещание покойнаго моего родителя, душевно желал бы я построить в сельце Глебове каменную церковь и устроить при ней кладбище, чтобы церковь сия числилась кладбищною, и причт приходской Христорождественской церкви села Филатова отправлял в ней Богослужения во дни отпевания и поминовения усопших, полагаемым на имеющим быть при ней кладбище, и в другие дни по удобности, а равно исправлял и прочие христианские требы по желанию прихожан.

Посему представляя на Архипастырское благо-разсмотрение Вашего Высокопреосвященства план, фасад и разрез предполагаемой церкви, Ваше Высокопреосвященство, Милостивейшего Отца и Архипастыря всепокорнейше прошу разрешить мне по сим чертежам построить в сельце моем Глебове на мое иждивение каменную кладбищную церковь, и о сем моем прошении учинить Милостивейшую Архипастырскую резолюцию.

[подпись:] Капитан Степан Степанов сын Шиловский руку приложил и прошение сие доверяю подать Гусарскаго Князя Варшавскаго полка Корнету и Кавалеру Михаилу Семенову Белавину.
1855 года 2 декабря.

Протокол о дозволении помещику сельца Глебова г. Шиловскому, построить вновь каменную кладбищную церковь на его иждивение (л.17, 20об-23)

1856 года февраля 9 дня по Указу Его Императорскаго Величества Московская Духовная Консistorия слушали дело о дозволении помещику сельца Глебова Звенигородскаго уезда капитану Степану Степановичу Шиловскому построить в том сельце Глебова каменную кладбищную церковь.

[...] ПРИКАЗАЛИ: Из обстоятельств дела сего усматривается:

1) Помещик сельца Глебова, состоящего в приходе села Филатова, г. Капитан Шиловский просит дозволить ему, на его иждивение, построить каменную в сельце Глебова церковь с той целью, чтобы исполнить завещание покойнаго его отца и доставить крестьянам того сельца и деревень его же г. Шиловскаго, Высокова и Горок, затрудняющимся ныне в сообщении с приходскою церковью и причтом села Филатова, средства к более частому слышанию Божественных служб и исправлению церковных треб.

2) При сей церкви желает он устроить кладбище, чтобы самая церковь числилась кладбищною и причт приходской Христорождественской, села Филатова, церкви отправлял в ней Богослужение, во дни отпевания и поминовения усопших полагаемых на имеющем быть при ней кладбище, и в другие дни по удобности, а равно исправлял и прочия Христианския требы, по желанию прихожан.

3) По донесению местнаго Благочиннаго священника Копьева означенныя селения от приходской церкви села Филатова действительно отстоят на 3 версты, дорога между ними очень гористая и сообщение в дурную погоду и в весеннее и осеннее время, при разливе вод, для прихожан весьма затруднительно.

4) Таким образом устройство г. Шиловским, в сельце Глебова, церкви и кладбища значительно облегчит затруднения крестьян его и будет вообще для всех прихожан полезно, а потому

5) Как доносит местный Благочинный священник Копьев построение церкви в сельце Глебова крестьяне г. Шиловскаго весьма желают, равно и прочие прихожане села Филатова, как помещики, так и крестьяне на сие изъявили свое согласие; одна только помещица села Филатова княгиня Хилкова не дала по сему отзыва, но сие обстоятельство, так как она и не приняла отношения к ней местнаго Благочиннаго, о доставлении сего отзыва, не должно служить препятствием к ис-

полнению сего Богоугоднаго дела.

6) Священно и церковно служители села Филатова построение в сельце Глебова церкви, по предложению г. Шиловскаго, признали с своей стороны удобным.

7) Место, избранное для церкви удобно и по положению прилично.

8) Проект на построение церкви Московскою Строительною и Дорожною Комиссиею признан вполне и во всех частях соответствующим правилам Архитектуры и строительнаго искусства и к исполнению одобрен.

По сим обстоятельствам и по вниманию к благочестивому усердию г. Шиловскаго учинить следующее:

1) На основании Устава Духовных Консistorий статей 44, 56, 57 и 59 дозволить ему, на его иждивение, построить в сельце Глебова каменную кладбищную церковь во имя Божия Матери Казанския Ея Иконы с устройством при ней кладбища с тем, чтобы построение оной совершено было, во всем согласно с одобренным проектом, под смотрением Архитектора, имеющаго законный аттестат о своих познаниях в строительном искусстве и наблюдением местнаго Благочиннаго; и чтобы церковь сия числилась в приходе Христорождественской села Филатова, церкви кладбищною, состояла в заведывании причта того села, и причт сей церкви совершал в ней Богослужение во дни отпевания и поминовения усопших на кладбище, при ней погребаемых, равно и в другие дни, а также исправлялись и прочия Христианския требы по удобности и по желанию прихожан.

2) На построение церкви дать г. Шиловскому храмозданную грамоту по надлежащему.

3) Причту села Филатова вменить в обязанность, чтобы на принадлежность земли, отводимой под церковь и кладбище в сельце Глебова [...] издавать где следует надлежащие акты.

4) Для объявления кому следует сего решения к исполнению и для наблюдения за исполнением послать указ к местному Благочинному; причем препроводить и проект на построение церкви для выдачи г. Шиловскому. Но, не приводя сего определения в исполнение, представить оное вместе с делом на благоусмотрение Его Высокопреосвященства, а прежде внести Преосвященнейшему Викарию.

Метрика Казанской церкви села Глебово, 1887 г.

([21] — ИИМК ф.Р-III д.3557 л.1-18)

МЕТРИКА

для получения вѣрныхъ свѣденій о древне - православныхъ храмовъ
Божіихъ, зданій и художественныхъ предметовъ.

1., Церковь во имя Казанскія
Божіей Матери, казавищеннаго
приписана къ селу Глебово.

3., Основана въ 1859 году.

4., Церковь каменная

5., Построена купцами и коваль-
скими Майора и Капитана Степана
Степановича Шимовича. -

6., Находится церковь при селу
Глебово, основана погнѣ на горѣ,
при рѣкѣ Мологоцкѣ.

9., Церковь построена квадратная
одноэтажная

10., Алтарь церкви единственный
наиздробиленъ.

Во великомъ церковь каменная имѣетъ
10 1/2 сажени, въ длину 4 1/2 сажени,
а въ ширину 5 1/2 сажени; иконостасъ
здесь произведенъ внутри храма
и безъ стѣнъ. -

12., Есть уклоненіи къ стѣнѣ
алтаря.

13., Мозаика въ иконостасѣ, а
цѣлѣе иконостасъ каменный.

14., Стѣны стѣнъ каменныхъ
кирпича обыкновеннаго съ фестономъ
въ стѣнахъ свѣтлицъ.

15., Наружная стѣна гладкая и
никакихъ особаго украшеній нѣтъ, предъ
выходомъ въ церковь вверху на стѣнѣ на
мозаика иконостаса Бож. Матери.

18., Кресты на сводахъ церкви
на вѣт окатовъ разнообразны, окрашены
зеленой краской, кресты въ 1859 году.

19., Фонарь на сводахъ глухой,
полюбо мраморнаго окраски, круглая
окна окраски, все иконостасъ и также
левобоку украшеній не имѣетъ. -

21., Кресты на свѣтлицѣ 4-хъ оконъ
каменны и балюстрада каменная.

22., Окна въ церкви продолговатыя и
балюстрады, въ алтарѣ ихъ два, и по бокамъ въ
притворахъ по одному, алтарь на окнахъ
внутри съ окраскою разнообразна, не
республиканская, а особаго украшенія на окнахъ
нѣтъ. -

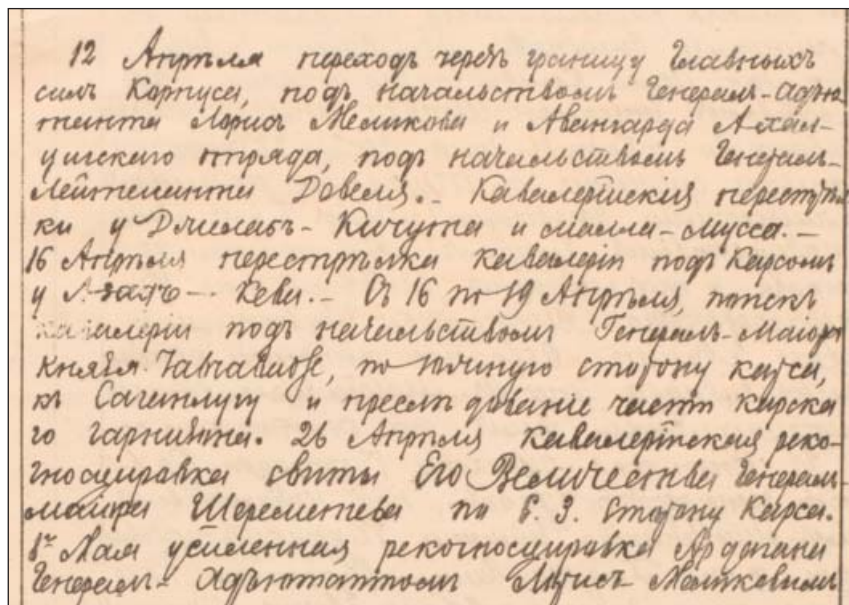
23., Одна дверь и то деревянная,
окрашена въ темнокоричневую краску.

25., Мозаика устроена надъ стѣною
безъ великаго разговора и надписей.

26., Церковь а также и транза устроена
въ видѣ квадратной палаты. Алтарь открытъ
отдѣленъ только иконостасомъ, по бокамъ
имѣетъ два притвора для ризницъ; церковь
однопрестольная съ тремя иконостасными
печами. -

Сведения о службе Бориса Брусилова (формулярный список)

[28, 56, 57, 48] – За основу взято дело РГВИА ф.318 оп.1 д.4155 л.2-9об; использовались также материалы дел: РГВИА ф.400 оп.17 д.4514 л.4-9об; РГИА ф.1349 оп.1 д.482 л.1-9об; ЦИАМ ф.1371 оп.1 д.84 л.137-145об)

Фрагмент листа 10 дела РГВИА, 1889 г.

Где обучался, когда вступил в службу, какие и когда получал чины и награды

В службу вступил из Корпусных Пажей Двора Его Императорскаго Величества по выдержании установленного экзамена в науках унтер-офицером на правах вольно определяющихся в 13 Л.-Гв. Эриванский Его Величества полк – 1874 года февраля 28.

Приказом по Кавказской Кавалерийской дивизии от 28 апреля за № 38 переведен в 15 (ныне 43) драгунский Тверской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полк – апреля 27. Прибыл к полку – апреля 30.

Командирован в Ставропольское юнкерское училище – 1874 года августа 8.

Зачислен в Ставропольское казачье юнкерское училище – 1874 сентября 1.

По окончании курса наук отчислен – 1876 июня 11. Прибыл к полку – августа 8.

Приказанием по войскам Кавказской армии от 28 августа 1876 года за № 183 переименован в портупей юнкера – сентября 27. Со старшинством с июля 25.

Высочайшим приказом произведен в Прапорщики с переводом в 18 драгунский Переславский Его Императорскаго Высочества Наследника Цесаревича полк – декабря 10.

По распоряжению Командующего Корпусом

прикомандирован, впредь до перевода, к 15 (ныне 43) драгунскому Тверскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полку – 1877 марта 8.

Высочайшим приказом переведен в 15 (ныне 43) драгунский Тверской полк – июля 19.

За отличие, оказанное в разновременных делах и перестрелках с турками награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом – августа 30.

По распоряжению начальства командирован с командою слабых лошадей в западный эскадрон сего полка – 1877 ноября 5.

Прибыл из командировки с командою людей и слабых лошадей – 1878 февраля 7.

Командирован к 1-й бригаде 1 Кавказской кавалерийской дивизии на должность Адъютанта – марта 5.

Приказом по 1 бригаде откомандирован в полк – ноября 1.

По распоряжению Окружнаго Штаба Кавказскаго Военнаго округа командирован в г. Баку в состав Ахал-Текинскаго экспедиционнаго отряда – 1879 июня 7.

По окончании экспедиции прибыл обратно в полк – октябрь 30.

Командирован в Закаспийскую экспедицию в со-

ставе Ахал-Текинского отряда – 1880 июля 22.

В награду отличного мужества и храбрости оказанных в делах с Текинцами 28 августа 1878 г. в составе войск Закаспийского края в 26 день августа 1880 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом – августа 26.

Высочайшим приказом по вакансии произведен в Поручики – 1881 марта 24.

Со старшинством с 1880 декабря 20.

За отличие, оказанное в разное время с Текинцами в составе войск, действующих в Закаспийском крае награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами – 1881 июня 17.

Прибыл из Закаспийской экспедиции – мая 14.

На произведенной Командующим 2 Кавказскою Кавалерийскою дивизиею обязательной офицерской скачке с препятствиями награжден призом в 160 рублей – декабря 14.

В награду отличий, оказанных в делах с Текинцами в 1880-1881 г.г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степ. с мечами и бантом – 1882 июля 8.

Назначен Членом Полкового Суда – 1884 февраля 28. Сдал оную – августа 28.

Назначен Заведующим учебною командою – 1885 февраля 10.

Сдал заведование Полковою учебною командою – 1886 августа 12.

Командирован в Инструкторский отдел офицерской кавалерийской школы для прохождения курса Инструкторов – августа 12.

Высочайшим приказом произведен на вакансию в Штабс-Ротмистры – 1887 февраля 26.

Окончил курс отдела верховой езды и вылазки лошадей офицерской кавалерийской школы “отлично” и отчислен обратно в свой полк – 1888 августа 31. Прибыл к полку – октября 27.

На основании 91 ст. положения об офицерской кавалерийской школе приложеннаго к приказу по военному ведомству 1877 г. № 230, назначен Полковым наездником – ноября 2.

Высочайшим приказом 9 декабря 1888 г. награжден орденом св. Анны 2 степени.

Высочайшим приказом по военному ведомству от 14 декабря 1889 г. уволен от службы для определения к статским делам с переименованием в Титулярные Советники – 1889 декабря 14.

Приказом по Министерству Внутренних Дел от 15 января 1890 г. за № 1 определен на службу в сие Министерство с причислением к нему.

Откомандирован для занятий в Главное тю-

ремное управление.

Приказом по Министерству Внутренних Дел от 30 августа 1890 г. за № 28 объявлена искренняя благодарность Министра за особо-усердные труды по устройству бывшего в С-Петербурге 4-го Международного Тюремного Конгресса и Международной Тюремной выставки – 1890 августа 30.

Освобожден от занятий по Главному Тюремному Управлению с оставлением при Министерстве – ноября 18.

Указом Правительствующаго Сената по Департаменту Герольдии от 31 января 1891 г. за № 18 произведен за выслугу лет в Коллежские Ассесоры со старшинством с 11 марта 1890 г.

С утверждения Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны приказом по Министерству Императорскаго Двора от 1 февраля 1892 г. за № 1 назначен Попечителем Свято-Троицкаго Богадельнаго Дома в Ораниенбауме – 1891 ноября 29.

Приказом Министерства Внутренних Дел от 24 декабря 1891 г. за № 34 отчислен от Министерства за истечением срока, на который был причислен.

Указом Правительствующаго Сената от 5 июля 1894 г. за № 91 произведен за выслугу лет в Надворные Советники со старшинством с 1894 г. марта 11.

Высочайшим приказом по ведомству Министерства Внутренних Дел от 9 апреля 1899 года за № 20 произведен за выслугу лет в Коллежские Советники, со старшинством с 1898 марта 11.

За благотворительное служение на пользу Свято-Троицкаго Богадельнаго Дома Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 3-й степ. – 1899 декабря 6.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 июля 1902 г. за № 50 произведен, за выслугу лет, в Статские Советники со старшинством с 1902 марта 11.

Всемилостивейше пожалован в 6 день декабря 1905 г. за заслуги, оказанныя Свято-Троицкому Богадельному Дому чином Действительнаго Статскаго Советника – 1906 декабря 6.

Серебряныя медали: за Турецкую войну 1877-1878 гг., за взятие штурмом Ахал-Текинской крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года, в память царствования императора Александра III и установлением в память всех походов и в Средней Азии 1853-1895 гг.

В каких боевых походах против неприятеля и когда участвовал

(современная карта)

В 1877 году в действующем Корпусе на Кавказско-Турецкой границе, 12 апреля переход через границу главных сил Корпуса под начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и Авангарда Ахалцихского отряда, под начальством Генерал-Лейтенанта Девеля. Кавалерийския перестрелки у Джелат-Кичута и Малла-Мусса. 16 апреля перестрелка кавалерии под Карсом у Азад-Кеви. С 16 по 19 апреля поиск кавалерии под начальством Генерал-Майора Князя Чавчавадзе, по южную сторону Карса к Сагангулу и преследование части Карскаго гарнизона. 26 [апреля] кавалерийская рекогносцировка* Свиты Его Величества Генерал-Майора Шереметева по северо-западной стороне Карса.

1 мая усиленная рекогносцировка Ардагана Генерал-Адъютантом Лорис-Меликовым. 4 мая бомбардирование Ардагана; штурм Гелявординских высот войсками Генерал-Адъютанта Девеля. Рекогносцировка северо-восточных фортвов Карса Генерал-Майором Комаровым. Дело** кавалерии под начальством Свиты Его Величества Генерал-Майора Князя Челобаева, впереди укрепления Карадаг. 5 мая взятие Ардагана войсками

Генерал-Адъютантов Геймана и Девеля под личным начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова. 13 мая дело кавалерии под начальством Генерал-Майора Лорис-Меликова у Магараджиха.

22 мая установление блокады Карса. 27 мая рекогносцировка Генерал-Лейтенантом Гейманом Шарахских высот. 28 мая рекогносцировка северных фортвов Карса лично Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказкою Армиею. Вылазка турок из Карса и дело у Мелик-Кея. 30 мая отражение войсками Свиты Его Величества Генерал-Майора Шереметева вылазки турок Карскаго гарнизона с северных фортвов. 4 июня начало бомбардирования северо-восточных фортвов Карса, Араба-Карадага и Мухлиса. 28 июня прекращение бомбардирования и снятие блокады Карса. 14 июля рекогносцировка Генерал-Майором Лорис-Меликовым праваго фланга расположения не-

приятеля на Аладжинских высотах у развалин Ани.

19 сентября [1877] дело Комбинскаго отряда под начальством Генеральнаго Штаба Генерал-Майора Шелковникова у Кизил-Гула. 20, 21, 22 сентября трехдневное сражение с Турецкою Армиею под Аладжинскими высотами и у гор Б. и М. Аты под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Армиею. Обходное движение колонны Генеральнаго Штаба Генерал-Майора Шелковникова на неприятельский тыл от Комбинскаго поста. 27 сентября занятие 1 бригадою Кавказкой Гренадерской дивизии, под начальством Генерал-Лейтенанта Геймана турецких передовых позиций и сел. Хаджи-Вили и Субботана. Кавалерийское дело Генерал-Майора Лорис-Меликова у горы Инах-Тепеси.

С 27 сентября по 2 октября движение обходной колонны Генерал-Лейтенанта Лазарева в тыл Аладжинской позиции турок. 1 октября кавалерийское дело полковника Толстаго у сел. Алям. Рекогносцировка горы Инах-Тепеси отря-

* Рекогносцировка – осмотр позиций противника в районе предстоящих боевых действий.

** Дело в данном случае – военная операция.

дом Генерал-Майора Кузминского. 2 октября дело обходной колонны Генерал-Лейтенанта Лазарева у с. Шатыр-Оглы у Базарджинских высот и взятие Орлохских высот. 3 октября поражение Турецкой Армии на Аладжинских высотах войсками действующего корпуса под начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандующего Армиею. 5 октября перестрелка кавалерии с частями войск Карскаго гарнизона у сел. Магараджихи.

8 октября второе обложение креп. Карса. 24 октября усиленная рекогносцировка юго-восточных фортов Карса Генерал-Лейтенантом Лазаревым. С 5 по 6 ноября штурм креп. Карса частью войск действующаго Корпуса под начальством Генерал-Адъютанта Лорис-Меликова и под непосредственным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандующим Армиею. С 17 ноября роспуск войск 1 сводной Кавалерской дивизии на отдых на зимовья квартиры с 1877 апреля 12 по ноября 17.

В 1878 году 15 мая выступление с зимовых квартир в состав Саракимыгскаго отряда. 8 июня перемещены полки из Саракимыгскаго в Эрзерумский аккупационный отряд под начальством Свиты Его Величества Генерал-Майора Шереметева, содержание постов на демаркационной линии. 7 сентября сдача гор. Эрзерума

обратно турецким войскам. 12 сентября переход через новую Государственную границу у сел. Кара-Ургана и вступление в пределы Империи. 1 октября полк переведен с военного на мирное положение с 1878 г. мая 15 по октября 1.

С 12 июня по 6 октября 1879 г. в Ахал-Текинской Экспедиции. 31 июня выступление 2 эшелона под начальством Свиты Его Величества Генерал-Майора Князя Зейн-Витгенштейна. С 22 августа по 28, наступление передоваго отряда под общим началом Начальника Закаспийскаго военного отдела Генерал-Майора Ламакина от Бендесена до Геок-Тепе. 28 августа бой с текинцами под Геок-Тепе. 29 августа перестрелка при отступлении отряда от Геок-Тепе к Кары-Карыбу. С 29 августа по 13 сентября обратное движение отряда под начальством Генерал-Майора Ламакина от Геок-Тепе к Терсакему. 6 октября перешел на западный берег Каспийскаго моря – 1879 июня 12 по октября 6.

С 9 ноября 1880 г. по 2 мая 1881 г. в Ахал-Текинской Экспедиции. 22 ноября движение Кавалерийской колонны под начальством полковника Князя Эристова и под личным руководством Генерал-Адъютанта Скобелева, из Дуз-Олума и колонны под командою Флигель-Адъютанта Полковника Голицына из Терсакема в Яхты-Кала. С 24 по 28 октября движение кавалерийской колонны под личным начальством Генерал-Адъю-

(современная карта)

танта Скобелева от Ярты-Кала через Кефи-Казыр–Нур–Верды–Хана к Келяте-Нур–Верды–Хана. 27 ноября перестрелка при занятии Карыч-Нур–Верды–Хана и Келята-Нузыр-Нур–Верды–Хана. 28 ноября отбитие у неприятеля стад в окрестностях Келята-Нур–Верды–Хана.

31 ноября [1880] занятие Эгян-Батыр-Кала под личным начальством Генерал-Адъютанта Скобелева. 19 декабря сосредоточение действующего отряда в Самурском Эгян-Батыр-Кала. 20 декабря взятие с боя неприятельских позиций у Анни-Кала. Сосредоточение действующего отряда под Геок-Тепе. 21 декабря рекогносцировка восточного и северного фортвов у креп. Геок-Тепе кавалерийским отрядом под начальством Генерал-Майора Петрусевича. 22 декабря дело у сада Петрусевича. 23 декабря заложение первой параллели против юго-восточного угла Геок-Тепе. Дело кавалерии под начальством Генерал-Майора Петрусевича у сада Петрусевича. С 28 по 29 декабря вылазка неприятеля на наш правый фланг и правофланговую калу. Начало работ по устройству ходов сообщений к Великокняжеской позиции и к третьей параллели. 29 декабря перенесение лагеря осадных войск вперед на 250 сажень. Взятие штурмом Великокняжеской позиции. С 29 по 30 декабря вылазка неприятеля на левый фланг осадных работ и лагерь. 31 декабря перенесение лагеря осадного отряда к первой параллели. 12 января штурм и взятие крепости Геок-Тепе. Преследование неприятеля.

15 января [1881] движение колонны полковника Куропаткина из Геок-Тепе для занятия Асхабада. 18 января занятие Асхабада колонною под начальством полковника Куропаткина и под непосредственным руководством Генерал-Адъютанта Скобелева. Поиск кавалерии под начальством полковника Князя Эристова к Аннау. 20 января движение отрядов полковника Куропаткина из Асхабада. 22 января движение кавалерийских колонн под начальством подполковника Уральскаго № 2 казачьего полка Гуляева от колодцев Изгент к колодцам Назар-Куль и командующего Оренбургским № 5 казачьим полком подполковника Маренишльда от колодцев Изгент к куня Геок-Тепе. 23 января движение колонн полковника Куропаткина от колодцев Изгент к куня Геок-Тепе.

С 25 по 27 января движение отряда полковника Куропаткина из куня Геок-Тепе к колодцам Бомвет-Яр. 28 января движение легких кавалерийских отрядов к колодцам Кизил-Ваккал-Колтак и Каранжа. 31 января возвращение отряда полковника Куропаткина в куня Геок-Тепе. 15 февраля занятие города Люхтабада отрядом под личным начальством Генерал-Адъютанта Скобелева. 29 марта очищение Люхтабада. С 1 по 13 апреля рекогносцировка Генерал-Адъютантом Скобелевым путей вдоль Персидской границы впредь до возвращения, в гор. Красноводск – с 1880 г. ноября 9 по 1881 мая 2.

Ранен и в плену у неприятеля не был.

Табель о рангах Российской империи (фрагмент)

Класс	Гражданский чин	Армейский и морской чины
2	Действительный тайный советник	Генерал от кавалерии, Адмирал
3	Тайный советник	Генерал-лейтенант, Вице-адмирал
4	Действительный статский советник	Генерал-майор, Контр-адмирал
5	Статский советник	Бригадир
6	Коллежский советник	Полковник, Генерал-адъютант, Капитан 1-го ранга
7	Надворный советник	Подполковник, Капитан 2-го ранга
8	Коллежский асессор	Майор, Капитан 3-го ранга
9	Титулярный советник	Капитан, Ротмистр
10	Коллежский секретарь	Штабс-капитан, Штабс-ротмистр, Мичман
11	Корабельный секретарь	
12	Губернский секретарь	Поручик, Унтер-лейтенант, Мичман
13	Провинциальный секретарь	Подпоручик
14	Коллежский регистратор	Корнет, Прапорщик

Список застрахованных строений усадьбы Глебово, 1892-1917 гг.

([87] – ЦИАМ ф.311 оп.1 д.3559 л.9, 9об, 14)

Литеры.	ОПИСАНИЕ СТРОЕНИЙ.	Общая оценка.
	<p>1. Дом деревянный двухэтажный на каменном фундаменте, кровль железная; высота сруба 4,2 саж. Стены снаружи обшиты и окрашены, внутри оштукатурены, потолки и переборки оштукатурены. Полы дубовые паркетные, щитовые крашеные и простые досчатые. Антен на дерев. двухэтажн. кр. желез. штукатур. 55 разбиты в в разбитая 2-е террасы.</p> <p>Зан. квартирою владелицы.</p>	20.000

Фрагмент листа 9 дела о страховании усадьбы Глебово, 1892-1917 гг.

1. Дом деревянный двухэтажный на каменном фундаменте [...]; высота сруба 4,2 саж. Стены снаружи обшиты и окрашены, внутри оштукатурены, потолки и переборки оштукатурены. Полы дубовые паркетные, щитовые крашены и простые досчатые. [...] За квартирую владелицы.

2. Кухня: строение деревянное одноэтажное крытое железом. Полы и потолки досчатые [...].

3. Домашний театр: строение деревянное одноэтажное крытое железом, высота 2,5 саж. [...].

4. Флигель деревянный двухэтажный крыт железом, высота 3 саж. Полы и потолки досчатые.

5. Оранжерея деревянная крытая железом и стеклянными рамами.

6. Баня и прачечная деревянная крытая железом, высота 1,4 саж. Строение на каменном фундаменте.

7. Контора и квартира управляющего: строение деревянное одноэтажное с мезонином; высота 1,5 саж., мезонина 1,2 саж.; на каменном фундаменте, крыто железом. [...].

8. Рига без отопления деревянная крытая железом, без пола и потолка, высота 1,7 саж. [...].

9. Флигель деревянный одноэтажный крыт железом, занят квартирою огородника.

10. Строение каменное одноэтажное крытое железом, высота 1,8 саж. Полы и потолки досчатые. А) курятник, Б) Навес для экипажей. Занят конюшнями [...], свинарником, [...] сушилка для хлеба.

11. Строение каменное одноэтажное кр. железом, выс. 1,8 саж. Полы досчатые, потолки оштукатурены [...] людская и столярная раб. 2 чел.

12. Квартира служащих; строение дерев. одноэтажное кр. желез., камен. фундам. Стены обшиты [...].

13. Срубы [?] деревянные, крыты железом.

14. Флигель каменный крыт железом [...] квартира служащего.

15. Сушильня воздушная для белья: строение деревянное двухэтажное, крытое железом, выс. 2,5 саж.

16. Птичник: строение деревянное одноэтажное крытое дранью с мезонином.

17. Изба деревянная крытая железом.

18. Сенной сарай: строение деревянное одноэтажное крытое дранью, высота 1,7 саж. Пола и потолка нет.

Общая стоимость строений по прилагаемой при сем подробной оценке Р.С. – 51.500 [рублей].

А. Водяная мукомольная мельница на 3 поставках и ~~маслобойня~~: [так в оригинале] строение деревянное двухэтажное крытое железом; высота 2,2 сажени, полы и потолки досчатые. Отопление только в маслобойном отделении, освещение керасиновое.

Б. Строение деревянное одноэтажное, крытое деревом. высота 1,4 сажени, полы и потолки досчатые [...] квартирою мельника.

Квитанция № 337319 выдана 15 Октября 1917 г.

ВЪ ПРАВЛЕНИЕ
СЪВЕРНАГО СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА
 ОТЪ
 МОСКОВСКАГО ОТДѢЛА
РАЗСЧЕТЪ

Выпущена 1917 г.
 Тел. №

Имя отъ Анны Николаевны Брусиловой
 Дата отъ 15 сентября 1917 г. по 15 сентября 1918 г.
 Адресъ 12 вл. в. нижеупомянуаго имущества, находящагося
 въ мѣстности:

Городъ Московск. губ. Звенигород. и Рузск. уезде
 или губернія и уездъ
 Часть города и квартала при с. Глебово и др.
 или волость
 Улица и № дома въ 10 в. отъ г. Вознесенска!
и 30 в. отъ ст. и 13 отъ ст. Глебово
 или во сколькихъ саженяхъ отъ ближайш. деревни, села и т. п. и во сколькихъ верстахъ отъ ближайшаго города, а также железнодорожной или почтовой станціи и названіе таковыхъ. Алик. № 9

КОНТРОЛЬ

Алфавитная карточка составлена.

№ квартала 10
 № дв. мѣста 10

№ п/п.	Оцѣна.	ПРЕДМЕТЪ СТРАХОВАНІЯ.	Родъ стѣнъ.	Чѣмъ крыто.	Страховая сумма.	Размѣръ премеі.	Сумма премеі.	Налогъ тарифъ ("примѣръ")
		Домъ.	дер.	дер.	20.000	130	—	
		Кухня.	"	"	1500	9	—	
		Домашній театр.	"	"	1100	60	6	60
		Флигель.	"	"	4000	24	—	
		Оранжерея.	"	дер.	300	130	3	90
		Баня и прачечная.	"	дер.	500	150	7	50
		Контора и квартира	"	"	2600	60	15	60
		Гила	"	"	2000	90	18	—
		Флигель.	"	"	600	60	3	60
		Воздушный	дер.	дер.	9000	30	27	—
		Лоджия и столбчатая.	"	"	4000	100	40	—
		Квартира служанки	дер.	"	1.300	60	7	80
		Служба	"	"	300	60	1	80
		Флигель.	дер.	"	600	25	1	50
		Суховоздушная башня	дер.	"	800	60	4	80
		Птичникъ	"	дер.	500	130	6	50
		Изба	"	дер.	400	60	2	40
		Сынный сарай.	"	дер.	2000	130	26	—
	51500				51500	386	—	50

Этотъ объявленъ № 100948 отъ 15 сентября 1915 г.
 Заемъ въ Госуд. двор. - Зем. б-нѣ

С. И. Завицкая

Фрагмент листа 9 дела о страховании усадьбы Глебово, 1892-1917 гг.

Список принятых сокращений

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ДСС – действительный статский советник.

ЖЗЛ – Жизнь замечательных людей (популярная серия книг в советские годы).

ж.п. – женский пол.

ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (в Петербурге).

МВК МО – Музейно-выставочный комплекс Московской области.

МДК – Московская духовная консистория.

МЕВ – Московские епархиальные ведомости.

МЦВ – Московские церковные ведомости.

м.п. – мужской пол.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

НЛ – Николаев литературный (сайт <http://litnik.org/>).

о. – отец (батюшка, священник).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (в Москве).

РГБ – Российская государственная библиотека (бывшая им. В.И. Ленина, в Москве).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (в Москве).

РГИА – Российский государственный исторический архив (в Петербурге).

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

РПЦ – Русская Православная церковь.

РРФ – Российский Родословный Фонд (сайт <http://www.rgfond.ru/>).

Св. – Святой.

УБД – Утраченный Божий Дом (краеведческий проект, сайт <http://www.istra-ltc.ru/>).

ФС – формулярный список.

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области (в Москве).

ЦГИА – Российский государственный исторический архив (в Петербурге).

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы (ныне именуется “ЦГА Москвы”).

Казанская церковь села Глебово, 2017 г.

Митрополит Ювеналий освящает Казанскую церковь, 19 марта 2017 г.

Часовня-купальня Казанской иконы Божией матери, 2011 г.